

СЕРГЕЙ КУЗНЕЧИХИН

СИБИРИАДА

Никола
Зимний

Сибиряда

Сергей Кузнечихин

Никола зимний

«ВЕЧЕ»

2022

УДК 821-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6

Кузнечихин С. Д.

Никола зимний / С. Д. Кузнечихин — «ВЕЧЕ»,
2022 — (Сибириада)

ISBN 978-5-4484-8901-3

Сюжеты повестей и рассказов Сергея Кузнечихина свежи и увлекательны, его Сибирь не исследована мастерами старших поколений. Ему хватает жизненного опыта, чтобы правдиво рассказать о людях, которые не умещаются в рамки «положительных» или «отрицательных» героев. Они далеко не праведники, но автор не судит их, а показывает в самых сложных жизненных ситуациях в борьбе за выживание. С. Кузнечихин – сибирский писатель, член Союза российских писателей. Родился в 1946 году в рабочем посёлке Космынино под Костромой. После окончания Калининского политехнического института уехал в Сибирь. За двадцать лет работы инженером-наладчиком изъездил Сибирь от Урала до Дальнего Востока. Живет в Красноярске. В книге собраны рассказы и повести разных лет.

УДК 821-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4484-8901-3

© Кузнечихин С. Д., 2022
© ВЕЧЕ, 2022

Содержание

Повести	6
Никола Зимний	6
Крестовый дом	60
1	60
2	63
3	64
4	65
5	67
6	73
7	76
8	78
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Сергей Кузнечихин

Никола зимний

© Кузнечихин С.Д., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

Повести

Никола Зимний

*Я северянин, зимний человек,
Я каждый день ищу себе ночлег.*

Варлам Шаламов

Колян никогда не видел, чтобы взрослые мужики подтягивались на турнике, а эти загорелись, на спор, и зачинщиком был его отец. Поддевал, задира́л дядьку Павла Овчинникова, батьку Тулупа, посмеивался, что ослаб он на конторской работе. Слово за слово – и пошли к школьному турнику. Они с Тулупом увязались за спорщиками, Тулуп корчил рожи и крутил пальцем у виска за спинами отцов. Мужики долго торговались, кому начинать. Отец хотел идти вторым, но дядька Павел заявил, что по всем правилам начинать должен тот, кто затеял спор. Отец поплевал на ладони и повис на перекладине. Первые два раза подтянулся легко, подбородок на трубу вешал, а потом вдруг ослаб, третий раз тянулся вверх, дергаясь всем телом, а четвертый – согнул руки в локтях и, разжав пальцы, шмякнулся на землю. Лежал под турником и ворчал:

- Занедужил я что-то, Павел Филиппович, все силы работа высосала.
- Да знаю я, какая у тебя работа.
- Много будешь знать, будешь туго срать.
- А это мы сейчас посмотрим, у кого туго.

Дядька Павел подпрыгнул, но с первого раза не смог ухватиться, низенький и руки короткие. Рядом валялся чурбачок, подставил его и цепко повис. Подтянулся пять раз, не корячась, мог бы и больше, но не стал зря надрываться.

- Получается, что бутылка с тебя.
- Так я и не отказываюсь, коли сам наскреб.

Ему показалось, что отец несколько не расстроился, хотя проигрывать не любил. Стало стыдно за отца. Толкнул Тулупа в бок и предложил:

- Давай и мы с тобой, кто кого.
- Молодец, сынок, заступись за папку.
- Бесполезно, бутылку-то все равно ставить придется.
- Поставлю, никуда не денусь, но пусть и челядята покажут себя.

Тулуп стоял со скупающей рожей, словно и не слышал вызова. Тогда он сам забрался по столбу на перекладину и стал подтягиваться, но начал слишком резво и запалился. Одиннадцатый раз осилил с трудом, а двенадцатый уже не дотянул.

- Одиннадцать с половиной! – гордо заявил, спрыгнув с турника.

Только зря старался, Тулуп даже подходить не собирался. Проигравшего нет, значит, и победа вроде как не считается.

Выпивать мужики любили на берегу – вода глаз радует, ветерок комаров отгоняет. По дороге отец завернул в стайку и прихватил из нее черную кожаную сумку, в которую еще днем, хоронясь от матери, укладывал какие-то свертки. Получалось, что заранее готовился проиграть – непонятно как-то, зачем тогда спор затевать.

Колян любил крутиться возле выпивающих мужиков. Каких только историй ни наслушаешься – и про войну, и про медведей, и про трехпудовых тайменей. Но на этот раз отец цык-

нул на них и велел идти домой. А что дома делать? Они отошли к каменному мыску, который далеко заползал в воду, обычно они ловили с него ельцов и налимов, но иногда попадались и хариуски. Удочек с собой не прихватили и от нечего делать стали запускать «блинчики». То ли руку сорвал, пока подтягивался, то ли не везло, но Тулуп постоянно выигрывал. Хитрый дружок, выбирал камешки подолгу, оттого и прыгали они, как жучки-водомеры, а он торопился, и больше двух-трех отскоков не получалось. Соревноваться с Тулупом – сплошная мука, сразу начинал спорить, убавляя противнику и прибавляя себе.

– Какие семь, когда всего четыре!

– Ты что, слепой?!

– Никакой не слепой, ты просто считать не умеешь.

Они были одногодки, но Тулуп родился в августе, а он в ноябре – и в школу его не взяли. Да и не больно-то и хотелось в нее, ничего интересного: полдня сидеть за партой и проситься выйти, если вдруг приспичит, стыдно же. А Тулуп важничал, он уже первый класс закончил.

– Эй, челядята! – окликнул отец. – Давайте сюда. Мы тут поспорили, кто кого из вас заборет. Вон там, на мелком песочке, чтобы рубахи не испачкать, вставайте – и в бой за родину.

Язык у отца не заплетался, но голос был уже громкий.

– Только без подножек, по всем правилам французской борьбы, – предупредил дядька Павел.

Тулуп был выше его и толще. Весь в мать тетку Полю, которой ни ухвата, ни сковородника не требовалось, чтобы мужика в чулан загнать. Им и раньше доводилось бороться, но Тулуп побеждал чаще. Если на длинных руках можно было подергать его туда-сюда, раскачать, потом выбрать момент, когда на один бок наклонится и вовремя подставить ногу, тогда получалось уронить на землю, а если браться крест-накрест, сдвинуть тяжелую тушу не получалось. И все равно сдаваться заранее он не собирался. Но долгого поединка не получилось. Тулуп облапил его и хитро завалился набок. Он и сообразить не успел, приготовился, что его будут приподнимать, чтобы потом сразу на лопатки, а его без всякой подготовки – кувырк, и на песке. А там попробуй сдвинь такого борова. Извивался, пытался выскользнуть из объятий, но Тулуп даже без раскачки медленно перевалил его на лопатки. Да и упали неудобно, берег с его стороны шел под уклон.

– А ты упирался, мой ловчее, мой жилистее, – смеялся дядька Паша, – а мой оказался и здоровее и умнее.

– А умнее-то почему?

– Потому что победил.

Отец от переживаний и от обиды совсем запьянел. Разлил остатки самогонки и объявил:

– Зато мой плавает быстрее. Пойдем, столкнем их с камней, и пусть один с левой стороны мысок обходит, а другой – с правой. Спорим еще на бутылку.

– Спорим. Чужой выпивки не жалко, мой все одно победит.

После того как хитрый Тулуп заборол его, очень хотелось отыграться. Он даже забыл, что почти не умеет плавать, но готов был утонуть, лишь бы не посчитали трусом. Других пацанов учили старшие братья, а у него только младшая сестра. Приставать к большим ребятам стеснялся, надеялся, что научится без чужой помощи, но случай не подворачивался: то вода холодная, то погода плохая. Вышли к большому крайнему камню. Тулуп прыгнул сам, а он все-таки замешкался, но времени для страха отец ему не оставил, подхватил на руки, качнул два раза и бросил прямо перед собой. Сверху вода была прогретой, но чем глубже опускался, становилась холоднее и холоднее. С перепугу принялся отчаянно месить руками и ногами. Ему повезло, что течение прижимало к берегу. Колотил не жалея ладоней. Когда нога почувствовала дно, решил, что уже выплыл, открыл глаза, но увидел только серые камни, которые почему-то шевелились, стало страшно. Оттолкнулся от «живых» камней и поплыл, судорожно загребая воду под себя. Второй раз осмелился открыть глаза, когда ударился коленом о камень.

Тулуп стоял на берегу, выжимал трусы и самодовольно улыбался. А его колотил озноб, и было безразлично, кто победил.

Дома подслушал, как отец оправдывается:

– Дура ты! Ничего не понимаешь бабьей головой. Надо было обязательно выпить. Я и проспорил для этого. Зато шабашка мне достанется. И пушнину осенью не кому-нибудь, а ему сдавать. Ничего баба не понимает.

И Колян ничего не понял, а вот запомнилось же...

* * *

Но это запомнилось навсегда. И как такое забудешь?

В то лето он сильно вытянулся. На физкультуре стоял левым в строю. И неудивительно, если припомнить, что в третьем классе отсидел два года. Был старшим и на вид, и по интересам. Ушишки начали пробиваться, да и на девок поглядывал со смутными желаниями.

По осени все путные мужики уходили в тайгу на промысел. Ему тоже не терпелось, про-сился, но отец не брал, велел доучиваться, хотя бы восьмилетку закончить. Скучно полдня валять дурака, да еще и краснеть, когда училка вызовет к доске. А после уроков с урчащим животом бежать домой. Вроде не уработался, а жрать хочется. На рыбалке почему-то терпеть намного проще. Пока мать разогревает щи, рука с ножом сама тянется к шмату сала. Прибежал, а в избе гостя, тетка Лиза. Овдовела два года назад, дочка в городе замуж вышла, тоскливо ей одной – вот и ходит к ним поболтать. Если мать делом занята, в помощницы напрашивается. Тетка старательная, аккуратная, зато и сама, если в хозяйстве мужские руки потребуются, не стеснясь, приходит попросить помочь. Пока хлебал щи, тетка Лиза молча смотрела на него и кивала головой, а когда отодвинул чашку, спросила:

– До отвороту нажабался? Молодец, работающим мужиком вырастешь. Так ить и вырос, однако, уже и теперь мужик. Я и проглядела, как вымахал.

– Позавчера вроде здоровались. За два дня, чё ли, вырос?

– Дык позавчера голова была другим забита, по-другому и смотрела на тебя, а теперь нарочного нашла, чтобы гостинцы в город отправить. Нинка-то родила, свинню надо забить, вот и смотрю, што мужик за столом.

– Да не управицца он, – засомневалась мать.

– А кого там управляцца, видел, поди, как папка делат.

– Не только видел, но и помогал, – загорелся он.

– Ага, помогал, из пузыря мячик надуть, – засмеялась мать.

– Так это когда совсем челяденком был.

– А теперь мужиком стал.

– Готовый мужик! – вступилась тетка Лиза и, не ослабляя напора, взяла его под руку. – Так, может, сейчас и пойдем?

– Запросто.

– Вы посмотрите на него! Запросто ему! Ой, подруга, натворит парень дел, потом не обижайся.

– Никово не натворит. Вечером печенки принесу. Собирайся, Николай.

– Сейчас пойдем, только мне к Тулупу забежать надо, обещал ему.

Тулупу он ничего не обещал, но дома не было тозки, отец унес в тайгу, а запасливый дядька Павел на промысел не ходил, но ружье в чулане держал, на всякий случай. Застать Тулупа нетрудно, он целыми днями сидел дома.

– А зачем тебе тозка?

– Тетка Лиза попросила свинню забить, – небрежно отмахнулся он.

– Взаправду, чё ли?!

– А чё, я и прошлой осенью, считай, один управился, папка с похмелья болел и только мешался. – Не хотел врать, но как-то само с языка сорвалось. – Если не веришь, пойдем со мной, сам увидишь.

– Не, лучше почитаю, и не люблю я смотреть, как беззащитных животных убивают.

Тулуп сходил в чулан и принес тозку, завернутую в тряпку. Отдал легко, словно лопату какую-нибудь. Не любил он оружия, не было к нему интереса. Когда еще совсем челядятами были, нашли на берегу настоящий охотничий нож, вместе увидели, но Тулуп стоял ближе и поднял первым. Он выпрашивал, но тот зажмотился, а через день увидел у него прожигательное стекло и сам предложил сменяться. При этом каждый считал, что обхитрил приятеля.

– Вечером верну.

– Не надо, вечером отец с работы придет, ругаться будет. Приноси днем. Он все равно не хватится.

Так вот запросто отдал оружие в чужие руки. А сам он вряд ли бы доверил.

Тетка Лиза уже вывела свинью из хлева, поставила греться два бачка воды, чистые тазы приготовила и дощатый щиток под тушу помыла и ножом отскребла. Все продумала – дело оставалось за ним. Пока хвастался, был уверен, что справится, представлял себя взрослым мужиком, а увидел, как складно подготовилась хозяйка, и уверенности поубавилось. Тетка Лиза плеснула в тазик пойла и, присев на корточки около свиньи, чесала ей брюхо и приговаривала:

– Поешь, поешь напоследок...

Он зарядил тозку. Наметил звездочку на лбу, как делал отец, а с выстрелом тянул.

– Теть Лиз, ты бы отошла на всякий случай.

– А ково отходить-то, так она спокойнее, когда я рядом. Свинья-то мелкая, ей много не надо.

Выстрел получился точный. Свинья молча ткнулась носом в таз. Когда убирал его, увидел дырку от своей пульки.

– Извини, тетя Лиз, таз нечаянно прострелил, ошибся маленько.

– Да ладно, он все одно поганый, залеплю чем-нибудь. Спасибо, што со скотиной легко управился, не мучал беднягу.

Когда нес домой печенку, чувствовал себя героем.

Телефонов у деревенских не было. Все новости узнавали в магазине. На другой день возле школы его окликнула продавщица Ольга Шумакова.

Он побаивался эту Шумакову. И не только он. И другие пацаны, и взрослые парни. Не похожая была на деревенских, хотя здесь и родилась и выросла. После школы поступила в институт на экономиста, но не доучилась, вышла замуж. А через год вернулась в деревню, потому что мужа посадили, и был он, по слухам, в большом авторитете. Поговаривали, что и она в одной шайке с мужем ходила, но вовремя успела уехать. Болтать можно что угодно, если правду не у кого узнать. А сама она в откровенные разговоры не ввязывалась. Даже с бывшими школьными подругами. Жила на отшибе. После работы шла домой, в клубе не появлялась. Выпившие мужики в магазине пытались подкатываться, но она сразу осаживала, предупреждала, что жене передаст, и руки распускать неудобно – прилавок мешает. Но все-таки надежнее сдерживало наличие загадочного мужа-бандита – пусть он и в зоне, да мало ли, руки у них длинные. Вернулась из города, но хозяйство держала.

Окликнула, по-взрослому имени назвала.

– Николай, дело к тебе есть. Тетка Лиза похвасталась, что свинью забил, может, и меня выручишь?

В магазине бывал редко, но как-то заскочил украдкой купить папирос, а она припугнула: не боишься, мол, что папке заложу. Папиросы все-таки продала и ни папке, ни мамке не пожаловалась, но при этом как-то странно смотрела на него, словно что-то пыталась вспомнить.

И голос был без привычной холодной резкости. А тут вдруг подошла к нему, мальчишке, и попросила забить свинью. Красивая. Одета в рыжую дубленку и черный платок в больших красных розах и с кистями. Таких нарядов у деревенских молодых не было.

- Что молчишь, испугался?
- А ково мне пугаться?
- Не знаю. Так выручишь или кого другого искать?
- Конечно, выручу. А когда надо?
- Да хоть сегодня. Приходи часа через два, а я пока все приготовлю.
- Воды нагрей обязательно, – сказал и поперхнулся от волнения.
- Знаю, не вчера родилась. – И засмеялась.

А он думал, что она не только смеяться, но и улыбаться не умеет. Всегда гордая, с отпугивающим взглядом.

Отдать тозку он не успел, собирался после школы, как договаривались, но получалось, что договор придется нарушить. По-хорошему надо было бы предупредить приятеля, но решил не ходить, вдруг потребует принести, придется объяснять – зачем, для кого? – не говорить же, что его попросила Ольга Шумакова. И матери ничего не сказал. Да и не до него ей было, стояла, процеживала молоко, не заметила, что он как на иголках, только посмеялась, что тетка Лиза убоины принесла и шибко его хвалила. Пока мать стояла к нему спиной, он прихватил тозку и крикнул из сеней, что пошел к пацанам.

Дом Шумаковых стоял на другом конце деревни, с самого края, аж за механическими мастерскими. Отец Ольги после армии работал у старателей, вернулся с деньгами и построился ближе к тайге. Народ его уважал, не считая забулдыг и завистников, все отзывались, что Мишка Шумаков, хоть и бирюк, но мужик правильный и вдобавок самый удачливый охотник в округе. Он утонул в Ангаре четыре года назад. Весной поплыл проверять самолеты, ночью в темноте напоролся на всплывший оседец. Жену успел схватить за фуфайку и перевалить в лодку, а сам подняться не смог. Мотор заглох, лодку отнесло километра на три. Жена в набрякшей мокрой фуфайке едва доплелась до деревни. Тело Шумакова нашли через неделю. Мать от переохлаждения и от горя слегла и за полгода угасла, отмучилась. Говорили, что дочь приезжала на похороны, но он ее не помнил, хотя и приходил на кладбище с родителями, да там вся деревня была. А через год она вернулась насовсем.

Когда подошел к избе, свет горел и на кухне и в горнице. Не успел дернуть за кольцо, а Ольга уже показалась на пороге.

- Проходи, не бойся.
- А чего мне собак бояться, они меня любят.
- Моя не всех любит. Не разуйся.

На печи стояли тазы с горячей водой. В кухне было жарко. И ножи были приготовлены. Четыре штуки, на выбор. Он потрогал пальцем лезвия. Чтобы показать себя матерым мужиком, спросил с усмешкой:

- Брусок в доме имеется?
- Есть, наверное, пойду поищу.
- Ладно, я свой нож принес. Острый, хоть брейся.
- А ты что, уже бреешься?
- Давно, – соврал он и с гордостью протянул ей красивый отцовский нож – не терпелось

похвастаться оружием перед женой бандита. Подмывало спросить, за что посадили мужа, но слышал от старших, что об этом спрашивать не принято. Тем более что Ольгу нож не заинтересовал.

При тетке Лизе он чувствовал себя увереннее. Боров у Ольги заупрямился и не захотел выходить на снег из теплой стайки.

– Мужика первый раз увидел, ревнует, наверно. Ты не бойся, Боря – он парень хороший, пойдём, Борюшка, пойдём, похлебки попробуем, вкусная похлебка, – ворковала Ольга. Если б кто-то из посетителей магазина услышал ее, не поверил бы, что ее голос может быть таким мягким.

Когда нервный Боря соблазнился хозяйкиной похлебкой и окунул пятак в кастрюлю, он выстрелил, но боров не упал. И только после второго выстрела в упор дернулся и затих. Он оглянулся на Ольгу, она стояла спиной к нему.

– Не могу смотреть на эту живодерню. Я же целое лето с ним разговаривала, как с другом. Вы, мужики, с ними не общаетесь. Потому вам и проще убивать. Ладно, пошла за водой и чашками.

Когда она вернулась, он уже спустил кровь и раскочегарил паяльную лампу.

С разделкой туши провозились допоздна. Печь топилась весь вечер, и в избе стало как в бане.

– Ты разболакайся, сопреешь в фуфайке-то. Мы еще ужинать будем.

– Может, не стоит, я не голодный.

– Положено после такого дела. Я сейчас убоины нажарю. Матери сказал, куда пошел?

– Вот еще, я давно уже не отчитываюсь.

– Самостоятельный, значит. Это хорошо. Проходи в горницу, магнитофон включи, а я пока мясо жарить поставлю.

В горнице было прибрано. На кровати аккуратной горкой возвышалась пирамида подушек с вышитой думкой наверху. На столе, накрытом белой скатертью, стояли чашки с конфетами, рыжиками и солеными огурцами, а с краю отдельной стопочкой мелкие блюда.

– Ты почто музыку не заводишь? – крикнула Ольга из кухни.

– Я не знаю, как включить, – сознался он и почувствовал, что краснеет. Стыдно было признаться, что видит эту штуковину первый раз.

Боялся, что станет надсмехаться, а она потрепала по плечу, взяла его руку и ткнула пальцем в клавишу. Закрутилась бобина, но звука не было, только шипение.

– Здесь Высоцкий стоит, может, тебе эстраду?

– Нет, лучше Высоцкого.

– Я тоже его люблю, каждый вечер слушаю. Звук регулируется вот этим колесиком. Потерпи немного, через пару минут будет готово, – забрала тарелки и вернулась на кухню.

А из магнитофона хрипела любимая песня:

Если парень в горах – не ах.

Если сразу раскис – и вниз...

Он попробовал прибавить звук, но сдвинул регулятор слишком далеко. Голос взревел так, что собаки, наверно, всполошились и хозяйка перепугалась. Стал убавлять и сбросил до молчания, еле отрегулировал.

Он три раза смотрел «Вертикаль». Сам певец ему не понравился, хотелось видеть высокого и плечистого, но хриплый голос матерого парня лез в душу и не замолкал, даже когда песня кончалась. За таким парнем хотелось идти. О таком связчике он мечтал, когда отправится на промысел. Заслушавшись, он даже забыл, что на кухне для него готовят ужин. Ольга вошла бесшумно и поставила перед ним горячее пузырящееся мясо, от которого исходил дразнящий дух. Потом достала из шкафа две бутылки красного вина: одну высокую, другую низкую и пузатую. И только после того, как она села напротив, заметил, что успела переодеться в легкое летнее платье. Ольга почувствовала его взгляд и, как бы оправдываясь, пожаловалась:

– Взопрела в кофте у печи. И надо же как-то причепуриться, чтобы садиться за праздничный стол.

– А какой праздник?

– Мяса на зиму заготовила. Это разве не праздник? Отец, когда с охоты возвращался, всегда велел маме наряжаться к столу.

– А мой сразу в баню. Потом выпьет стакан и бежит к кому-нибудь из мужиков сезон обсуждать, а возвращается под утро.

– А как же мать, не обижается?

– Так ей же забот полон рот и грязной одежды ворох.

– А мой папа только с виду суровый был, и с мамой очень ласковый. – У нее сорвался голос, зажмурилась и, сдерживая слезы, замотала головой, потом выдохнула и прошептала: – Тебе этого не понять, твои живы-здоровы. Ты коньяк пил?

– Нет. Только самогонку.

– Значит, надо попробовать. – И она налила ему полстопки из пузатой бутылки. И себе налила. – Давай помянем моих.

Он настроился на сладкое вино, а коньяк оказался крепче самогона. Поперхнулся от неожиданности, закашлялся, хорошо еще сопли не полезли, со стыда бы сгорел.

– Не смущайся, это бывает. – Она подцепила рыжик и, не выпуская вилку из руки, протянула ему, потом придвинула тарелку. – Теперь горяченького, мужику надо мясо есть, чтобы силы были, наваливайся.

Он хотел попробовать кусочек, для приличия, Но мясо было нежным и сочным. Не заметил, как смолотил почти всю тарелку, видимо, действительно проголодался.

– Хорошо готовишь, лучше, чем мама. В городе научилась?

– Ладно тебе. А в городе совсем другому учат. Еще рюмку будешь? Или сухого?

– Кислятина, мы с пацанами пробовали.

– Как прикажешь, слово мужика – закон.

Вторая рюмка прошла легко, и он осмелился спросить, какие из песен Высоцкого ей больше нравятся. Надеялся услышать, что про блатных, и уже потом расспросить о муже, очень уж волновала его эта романтическая тайна. Он и на ужин остался, надеясь разузнать что-нибудь интересное. Отсидевших срок среди деревенских хватало, но были они такими же обыкновенными мужиками. С одним из бывших он даже схлестнулся, едва до драки не дошло. Жена пристыдила мужика и увела. А сам он отступать не собирался, страха не было. Но ответ Ольги его удивил:

– Сказки люблю и про цветы на нейтральной полосе.

Потом Ольга налила еще по одной. Сама она пила легко, не морщась и почти не закусывая. Да и он не чувствовал опьянения, наоборот, появилась легкость и в голове и в теле, как будто и не было долгой нервотрепки с тушей борова. Когда Ольга поднялась, чтобы принести чайник, он встал помочь, но его почему-то качнуло и повело вбок. Ольга успела подхватить его и прижать к себе, чтобы не упал.

– Ничего страшного. Пять часов на ногах да на нервах. Я же видела, как ты волновался. Чаю крепкого выпьешь, и все пройдет. А лучше полежать немного.

– Да нормально. Просто за половик зацепился.

– Конечно. И все-таки лучше прилечь.

Она отдернула одеяло, склонилась над ним, сидящим на стуле, и попробовала помочь, а он, неожиданно для себя, схитрил, сначала привстал, потом покачнулся и обвис, прижимаясь к ее груди.

– Держись, держись, – успокаивала Ольга, – сейчас приляжешь, поспишь полчасика – и все пройдет, ложись, миленький, и разденься, чтобы тело отдохнуло.

Получалось так, что она сама раздевала его, а он не сопротивлялся и только слегка помогал ей. Потом она выключила свет и вышла на кухню. Голова кружилась. Он закрыл глаза, но в сон не клонило. Было стыдно, что так быстро опьянел и с ним пришлось возиться, как с

ребенком. Настроился полежать минут десять и бежать от позора. Подумал, чем занимается Ольга – наверное, посуду моет. Прислушался, но ни плеска воды, ни стука тарелок не услышал. Потом прошуршала занавеска, и в комнату вошла Ольга.

– Спишь? – прошептала она еле слышно.

– Не получается, – ответил таким же шепотом и почувствовал, что она отогнула край одеяла и легла рядом. Одежды на ней не было. Совсем голая. Тесно прижалась, обхватив за плечи, потом легла на него и жадно поцеловала.

Он даже не понял, как все случилось. Лежал рядом с ней и боялся пошевелиться.

– Все хорошо, – шепнула Ольга, – у тебя первый раз?

– Конечно. – Он даже обиделся.

– Поздравляю, мужиком стал, не переживай! – Она погладила его, тесно придвинулась и, щекоча волосами, стала быстро-быстро обцеловывать его лицо и грудь. Эти беглые легкие поцелуи незаметно прогнали опустошение, которое только что случилось, и снова нахлынуло желание как можно сильнее обнять ее. Второй раз тянулся намного дольше, и падение в незнакомую невесомость уже не испугало, а показалось сладостным. И после этого он заснул.

Когда проснулся, в комнате горела настольная лампа. Неодетая Ольга сидела за столом с фужером вина.

– Проснулся, миленький? – сказала она, поймав его взгляд. – А я вот сижу, думу свою горькую думаю. Ты уж прости меня.

– За что?

– Тебя такого юного совратила. Сама не знаю, что нашло. Морок какой-то. Прости, если можешь.

– За что, да я...

– Знаю, самым счастливым себя чувствуешь. Мужиком сделала. А теперь собирайся, а то мать хватится, искать по деревне пойдет.

– Меня и челяденком не искали. Сам все время приходил.

– Самостоятельный, молодец. Ладно, пойду оденусь, а то ослепнешь.

Она допила фужер и встала, позволяя рассмотреть себя во весь рост. Он никогда не видел обнаженной женщины, и ему нестерпимо захотелось снова обнимать это тело. Ольга повернулась к нему спиной, намереваясь уйти. Он схватил ее за руку и потянул к себе. Она усмехнулась и послушно легла к нему.

Он надеялся, что это будет продолжаться и продолжаться, но когда он, обессиленный, блаженно замер рядом с ней, она выскользнула из-под его руки и вышла на кухню, а вернулась уже в халате.

– Ты еще лежишь? – таким голосом она разговаривала с мужиками у себя в магазине. – Вставай, пора.

– Я никуда не пойду. Мне еще хочется.

– Не надо, Николай, давай не будем ссориться. Одевайся, а я в кути подожду. Время уже одиннадцать. – Сказано было строго и холодно, упрашивать было бесполезно.

– А завтра?

– И на завтра, и на послезавтра... Запомни, чтобы ни одна живая душа не узнала об этом. Я верю в твою порядочность. Забудь сюда дорогу. Не пушу. Не позорь меня. – Вышла с ним в сени, чтобы закрыть дверь, потянулся поцеловать. Отстранилась. – Запомни, чтобы ни одна живая душа...

– Почему? Разве ты меня не любишь?

– Это не любовь. Это грех. После когда-нибудь поймешь. Ружье не забудь.

Почему после, если было так хорошо, не понимал. Пальнул в небо, но тозка не ружье, а хотелось громкого раскатистого выстрела.

На улице шел снег. Ветра не было. Крупные мохнатые снежинки падали очень медленно. Возле клуба горел единственный фонарь. Он посмотрел под ноги и увидел, что по дороге бегут черные шустрые букарашки, бегут в одну сторону, но не прямоком, а перепуганными зигзагами. Сколько ни всматривался, не мог понять, откуда они возникают и, еще интереснее, куда пропадают. Бежит, петляет и вдруг исчезает, словно проваливается или закапывается. Он попробовал поймать их, черпанул ладонью, а в пригоршне оказался чистый снег. Но букарашек не распугал, они продолжали выписывать перед ним свои непонятные зигзаги. Долго стоял не двигаясь и наблюдал за ними, пока не понял, что никаких букарашек нет, просто каждая снежинка, пролетая под фонарем, бросала тень, бегущую по снегу, а когда приземлялась, тень исчезала. Понял и от радости рассмеялся, а потом зашел: «Парня в горы тяни, рискни...» Когда проходил мимо дома Тулупа, вспомнил холодный голос «чтобы ни одна душа». А хотелось.

На другой день после школы завернул к магазину. Надеялся, что Ольга отмякнет. Долго топтался у крыльца, выжидал, когда Ольга останется одна. Выждал и натолкнулся на раздраженный вопрос:

- Зачем пришел?
 - Увидеть захотелось.
 - Посмотрел, и довольно. И к дому не смей подходить. Ну, пощади ты меня.
- Подходил, но под окнами не задерживался.

* * *

Он и не догадывался, что существует бессонница. Обычно добирался до кровати и сразу же проваливался в глухую ночь. Теперь перед глазами стояла Ольга. Однажды проснулся перед рассветом и почувствовал под собой мокрое липкое пятно.

Потом спохватился, что еще с осени влюблен в Юлию Полынскую из десятого класса.

Сначала в деревне появилась ее мать – красивая, строго одетая женщина. Поговаривали, что сбежала из города от мужа. Устроилась учительницей немецкого языка и получила квартиру при школе. Юлия приехала перед самым началом учебного года. Прошла по деревне в голубых обтягивающих брюках и легкой полупрозрачной кофточке бирюзового цвета. А деревенские девчата носили сатиновые шаровары и платья, которые шили матери или сами, у кого руки росли откуда следует. Выгоревшие до пшеничной желтизны густые волосы были распущены и доставали до половины спины. Легкая голубоглазая райская птица прилетела на берег холодной Ангары. Все лето она жила у брата матери, который работал в торговом флоте то ли старпомом, то ли стармехом, но точно не рядовым матросом. Заглядывались, но влюбиться боялись. Такую и Юлькой назвать, даже за глаза, язык не поворачивался. Только Юлия.

На его удивление, первым к ней подкатил Тулуп. Такой прыти от приятеля он не ожидал. Никчемный парень, ни рыба ни мясо, за что ни возьмется, любая работа из рук валится, да и не брался он ни за что, приходил из школы и валялся весь вечер с книжкой в руках, правда, учился хорошо. Когда в школе проводили викторины, он всегда побеждал, по любому предмету, даже в район ездил на химическую олимпиаду и занял первое место. Почетная грамота в горнице на стене висела. Учителя надеялись на его золотую медаль. Первую в истории школы.

Юлия выбрала в друзья будущего героя. Колян не раз видел, как они подолгу разговаривают возле школы. Осмелился, подошел и зачем-то поздоровался.

- Да вроде виделись на перемене, – удивился Тулуп.
- На всякий случай, думал, что не заметил меня.
- Это он может, постоянно в своих фантазиях витает, – засмеялась Юлия, потом хитренько взглянула на него и добавила: – С какой стати десятиклассник на восьмиклассника должен внимание обращать?

– Да он всего на два месяца старше меня, – буркнул Колян, и как-то по-дурацки получилось, словно оправдывался или доказывал, что они ровня. И с кем, с Тулупом, которого всегда считал ниже себя!

– Так ты у нас второгодник, оказывается. А я удивлялась – такая дылда, а всего лишь в восьмом классе.

– Не твое дело, – огрызнулся он и, круто развернувшись, пошел, но не в сторону дома, как собирался, а в противоположную, успев услышать за спиной девичий смех и удивленный голос Тулупа.

– А чего это он?

Приятель недоумевал, а Юлия все поняла, да и как не понять, если сама хотела окоротить. И Тулуп хорош, друг называется, слушал и ухмылялся. Забыл, сколько раз за него заступались. Да без него деревенские пацаны давно бы заклевали недотепу.

В новогодние каникулы учительнице привезли дрова. Три дня ходил, присматривался к сваленной у забора куче сосновых чурок, потом подкараулил мать Юлии возле калитки и предложил:

– Татьяна Робертовна, давайте я вам дрова поколю и уберу, а то прямо на дороге валяются, растащить могут.

– Мне вроде обещало начальство, да что-то не торопится.

– Обещанного три года ждут.

– А тебе не тяжело?

– Да мне в удовольствие. Дома на всю зиму заготовил, пока отец в тайге.

– Ну, если в удовольствие, буду благодарна. Только на пятерки по блату не рассчитывай.

– Да нужны мне эти пятерки, я и на тройках до конца года доеду.

– Только до конца года, а потом?

– Работать пойду, и в тайгу хочется, там интереснее.

– Может, ты и прав, занятие для настоящего мужчины. Подожди, я топор вынесу.

Он придиричиво осмотрел топор и забраковал:

– Слабенький, и топище расхлябанное. Сразу видно, что мужика в доме нет.

– Так уж получилось.

– Не переживайте. Я домой сбегаю и свой принесу, тут рядом.

Колоть дрова он любил и умел. Особенно ему нравилось, когда чурки разлетались с одного удара. Хотелось, чтобы Юлия вышла и посмотрела, как ловко у него получается. Но она не выходила. Татьяна Робертовна догадалась, о чем он думает, и сказала:

– Юля у меня приболела, пойду чаем с малиной отпаивать.

На всякий случай он выбрал толстенный чурбак, высмотрел метик, ткнул по нему топором, удостоверился, что в нем наметилась щель, в которую оставалось ударить колуном, чтобы чурбак развалился, и откатил его в сторонку, надеясь, что Юлия все-таки выйдет и он сможет показать свою удаль. Но вышла только мать, переодевшаяся в старое осеннее пальто, и стала собирать в поленницу колотые дрова.

– Не надо. Я сам все сделаю.

– Должна же и я свою лепту внести. Юля тоже хотела, но ей переодеться не во что.

– Так болеет же. Зачем рисковать. – Но в отговорку не поверил: если бы хотела, могла бы и выйти.

– Кстати, почему тебя Коляном дразнят?

– Потому что я и есть Колян.

– Некрасиво как-то, – поморщилась Татьяна Робертовна, – словно беспризорник из ночлежки. А ты вон какой статный парнишка. Тебе же по святцам имя давали. Существует два праздника – Никола летний и Никола зимний. Овчинников из Юлиного класса родился в авгу-

сте, значит, он Никола летний. А ты в ноябре, значит, Никола зимний. У вас даже характеры соответствуют. Он мягкий и покладистый, ты – сильный и волевой.

– Я и не знал.

– Теперь знаешь и требуй, чтобы звали Николой.

– Как я потребую?

– Характер покажи.

Когда стало темнеть, Татьяна Робертовна сказала:

– Хватит. Согласно законодательству у школьников укороченный рабочий день. Этак меня и привлечь могут.

– Да тут немного осталось.

– Все, все, все, никаких разговоров. Пойдем чай пить.

– Неудобно как-то, – начал отказываться, хотя самому не терпелось увидеть Юлию.

– Это мне неудобно отпускать работника, не угостив.

Он почему-то думал, что в квартире приезжей учительницы должен быть какой-то особый порядок и особые вещи, но ничего особенного не увидел, разве что свободного места больше. Без лишних ведер, чугунов с кастрюль. Стол в горнице был уже накрыт. Юлия разливала чай. Каждая чашка стояла на блюдце. Его мать блюдца под чашки не ставила. А радиола «Рекорд» такая же, как и у них. Но этажерки с книгами в его избе не было. Над кроватью, чуть выше подушки, приколот портрет бородатого мужика. Сестра Верка тоже вешала открытки с артистами, но этот на артиста совсем не походил. Юлия была одета в махровый халат с капюшоном, как у брезентового плаща, и он никак не мог понять, зачем капюшон домашней одежде, неужели на случай дырявой крыши? Но спросить постеснялся. А про мужика спросил.

– Это Папа Хем.

– Чей папа, твой?

– Близкие так звали, а в историю он вошел как писатель Эрнест Хемингуэй.

– Не слышал о таком.

– В школе его не проходят. А он, между прочим, в Африке на львов охотился. А за рассказ, как старик голубого марлина поймал, Нобелевскую премию получил. Самый модный писатель. Дядя мой обожает его.

– Дашь почитать?

– У меня книги нет, и в школьной библиотеке тоже. Я ее у дяди читала.

– Не ожидал, что ты про рыбалку любишь.

– Думал, что я сентиментальными романами увлекаюсь. Заблуждаешься, я предпочитаю настоящую литературу.

Дома она была совсем другая и не казалась задавакой. Нормальная девчонка, с которой можно разговаривать. Так бы мирно и разошлись, если бы ее не потянуло расхваливать Тулупа, какой он умный и как много знает.

– Так он же ничего делать не умеет, – не выдержал он.

– А ты хочешь сказать, что мастер на все руки?

– Не на все, но кое-что могу.

– Например?

– Валенки подшивать могу, а он не может.

И в Юлию сразу же вернулся ее привычный гонор надменной городской красавицы. Расхохоталась и, давась смехом, спросила:

– А зачем ему валенки подшивать, он после школы в университет поступит. В городе жить будет, а там в валенках не ходят.

Задело. Прищемило. Поблагодарил за чай и быстренько выскочил на улицу. Но домой не пошел, сделал крюк, чтобы посмотреть на окна Ольги, женщины, которая выбрала его, царицы, с которой городская пигалица ни в какое сравнение не идет. Постоял, но вспомнился почему-то

не жаркий шепот в постели, а металлический голос в магазине. Понимал, что если постучится, нарвется еще на одну обиду. С раздраженной мстительностью помочился в сугроб и повернул к своему дому.

А Юлия и Тулупу разболтала про валенки. Тот подошел на другой день и спросил:

– Значит, валенки умеешь подшивать?

Чего смешного они в этом нашли, он не понимал.

С Юлией не разговаривал до конца года. Делал вид, что не замечает. Если случайно оказывались рядом, демонстративно отворачивался. Она в ответ равнодушно посмеивалась без гримас и эмоций.

В такой молчаливой ссоре дожили до ее выпускного вечера. Торжественную часть чужого праздника он пересидел дома. Слушать поздравления с напутственными речами парторга и учителей желания не было. Тем более, что его поздравлять было не с чем. Но появиться на танцах имел полное право. На углу возле школы рос большой куст белой сирени. Единственный на всю деревню. Говорили, что его привезла из Красноярска приезжая учительница. Посадила, и сирень принялась. Ухаживала за ней, поливала, убирала сухую листву. Отработав положенные три года, вернулась в город, а на следующую весну кустик зацвел. Разрастался, богател. Любители пробовали отсадить в свои палисадники, но не получалось. Кто-то из ее учеников назвал сирень Анной Сергеевной, и прижилось имя. Еще на днях на сирени назревали всего лишь бледные бутоны, а к выпускному, как по заказу, куст дружно зацвел. Засмотрелся. И тут его окликнули. Повернул голову. В двух шагах от него стояла Юлия и улыбалась.

– Любуешься!

– Красиво цветет! Почему бы и не полюбоваться.

– А подари мне ветку с пятилепестковым цветком. На счастье! – И протянула ему холодную узкую ладошку.

После такой нежной улыбки и ласкового голоса глупо было вспоминать старые обиды. Он шагнул к кусту, выбрал пышно цветущую ветку и протянул Юлии.

– Считать будем?

– Я верю, что он есть, дома обязательно найду, – сказала срывающимся голосом, потом обвила его шею оголенными руками и поцеловала. Мягкие и горячие губы долго не отпускали его. Ветка сирени в ее руке царапала шею. Голова кружилась.

Когда Юлия опустила руки, он поднял голову и увидел, что Тулуп стоит на школьном крыльце и смотрит на них.

– Тебя ждут, – еле выговорил он.

– Я знаю, – несколько не смутившись, беспечно прошептала Юлия и помахала Тулупу. Смотрел на уходящую и продолжал слышать, как билось ее сердце.

Что это было? Не понимал он Юлию. Не понимал.

* * *

В девятый класс он не пошел, да его никто и не уговаривал ни дома, ни в школе. Отец выпил с леспромхозовским начальником, и парня пообещали пристроить, а пока гулял на свободе. Чтобы жизнь медом не казалась, отец плотно запряг в домашние дела и муштровал так, что ни охнуть, ни вздохнуть. Никола не мог дожидаться, когда выйдет на работу, там хоть вечера свободные и выходные положены. И зарплату, как взрослый мужик, получаешь.

Вечером с парнями сгоношили на выпивку и уперлись в поселок на танцы. Да еще и леспромхозовская деваха попросила проводить, а сама возле дома даже поцеловать не дала. Вернулся среди ночи, не успел заснуть, а отец уже будит. Недовольный, ворчит, подгоняет. Мать пытается заступиться.

– С вечера надо предупреждать.

– А где его с вечера до утра носило.

Он помалкивал. Надо было пораньше вернуться, да не хотелось от компании отставать. А ведь знал, что поднимут.

– И тебе работа есть, с нами поедешь, – приказал матери, – Верка пусть дома управится.

Понягу собрали неподъемную. До берега брел, запинаясь. Окончательно проснулся только в лодке, на свежем ветру.

Отец работал бакенщиком. На берегу у него была избушка, приспособленная под мастерскую. По договору с колхозом он должен был сделать десять саней, за это ему разрешалось заготавливать сено.

Приехали, разгрузились, попили чаю – и сразу за дело. Сначала проверили сети. Мать оставили разбираться с рыбой, а сами отправились в лес. Пока выбирали жерди для оглобеля, отец показал небольшую, но чистую полянку и велел вечером скосить.

Ужинать сели уже в сумерках. Заснул сразу. Где-то под потолком занудствовал шальной комар, по другую сторону занавески храпели на два голоса мать с отцом, но спать не мешали.

Истеричный лай разбудил, когда уже светало. Поднялись все трое. Ему показалось, что мать первой подбежала к двери. Отец сразу понял, какого зверя встретил кобель, схватил свое ружье, а второе не раздумывая протянул ему.

– Ребенка-то оставь!

– Пусть идет, – оборвал отец и, не оглядываясь, выбежал на улицу.

Движением ладони отец приказывал держаться у него за спиной. Сразу за избушкой начинался редкий подлесок. Медведя было не видно, но пес лаял так громко, что казалось, будто они совсем рядом. Когда между сосенок мелькнула белая шкура кобеля, он даже приостановился от неожиданности. А пес мелькнул и снова пропал в темноте. Но воинственный лай не прекращался, а сквозь него проступал грозный медвежий рык, похожий на хрюканье. Отец остановился, когда до схватки оставалось метров пятнадцать. Пес бросался на медведя, норовя вцепиться ему в ляжку. Зверь сбрасывал его, уворачивался, отбегал и сам бросался на собаку. Отец выждал момент, когда перед ним задержится медвежья спина, и выстрелил. Зверь взревел и встал на дыбы. Он был уверен, что после отца добивать нет надобности, и все-таки не удержался, пальнул в медвежью грудь, и так получилось, что рухнул он после его выстрела. Собака первой поняла, что медведь неопасен, и кинулась к нему, рвала за бока и давилась шерстью. Он тоже сделал шаг, но отец загородил дорогу и придержал за руку.

– Погодь, не торопись. Всяко может случиться.

Потом, когда разделявали тушу, спросил:

– Струхнул, поди?

– Да вроде нет.

– Значит, не успел.

– Наверное. – Такое объяснение его устраивало. – Все так быстро произошло, я даже не понял, как выстрелил, но прицелиться не забыл.

– Ладно. Герой. Ловко управились. И пес геройский. Бобка, Бобка, иди ко мне.

Но того никакие похвалы не могли отвлечь от бурой туши. Остервенело рычал и отфыркивался от выдранной шерсти.

– И куда стоко мяса девать! Битый центр. Ты знаешь, где бригада взрывников русло чистит?

– Конечно, знаю.

– Газуй к ним, скажи, чтобы водки взяли и приезжали за мясом.

В лодке ему не терпелось рассказать, как они с отцом добыли медведя, но от волнения рассказ не получался: залаял Бобка, разбудил, отец схватил ружье, побежали, Бобка рвет медведя за ляжки, отец выстрелил первым, медведь поднялся на дыбы, и тогда пальнул он, и мед-

ведь рухнул к его ногам. Боялся, что мужики не поверят, но они слушали, не перебивая, и понимающе кивали.

Когда привез взрывников, отец уже разделал тушу и, сидя на чурбаке, бросал Бобке куски мяса и нахваливал его самыми нежными словами, которых даже детям не говорил. Мать стояла у плиты и варила медвежатину. Мясо еще не успело дойти, но отцу не терпелось налить гостям.

Он еще ни разу не выпивал при родителях. Отец протянул стакан.

– Ребенку-то пошто, – неуверенно встряла мать.

– Какой ребенок, если зверя завалил! – отмахнулся отец и, обращаясь к гостям: – Не струсил, мужиком себя показал. Осталось только бабу попробовать, – потом заглянул ему в глаза и, усмехнувшись, спросил: – А может, уже?

Он не понял, от чего загорелось лицо – от водки или от смущения.

* * *

Служилось легко. Сначала стыдился, что попал в стройбат. Надеялся, что возьмут в пограничники, все-таки сибиряк, охотник, но в военкомате решили, что крепкий парень с восьмилетним образованием в стройбате нужнее. Осмотрелся, освоился и случайно приглянулся «старик» из мастерских. Сибиряк сибиряка чует издали. Леха вырос на Чулыме, в леспромхозе. Метил в чокеровщики, но, к счастью, промахнулся, попал в ремеслуху и больше года успел потокарить на военном заводе, многому выучился. Разговорились о рыбалке. Чулым, конечно, не Ангара, Леха и не спорил, но стерлядка и в Чулыме водится. Когда пришла посылка с ангарской рыбой, принес похвастаться, наша, мол, и жирнее, и крупнее. Леха отрезал кусок, скривился, сказал, что пересоленная, и пошел в свой тайник за спиртом. Пока выпивали, Леха завернул в газету половину рыбины и сказал:

– Это старшине. – И, наткнувшись на вопросительный взгляд, объяснил: – Пойду договариваться, чтобы тебя ко мне в ученики определили. Хороший токарь – специальность хлебная, все время со спиртом будешь. А я хороший токарь. И тебя научу.

– Так, может, целую старшине отнести? У меня осталась одна.

– Хватит ему и половины, он такого деликатеса у себя на Донбассе отродясь не пробовал. А целую, если не жалко, я Валюхе в санчасть презентую, чтобы спиртом бесперебойно обеспечивала.

Он думал, что земляк хвастается, но Леха слово сдержал. Через неделю его перевели в мастерскую, а обмывали новое место медицинским спиртом и закусывали тушенкой, которую Лехе принесли за левый заказ.

– Рыба хорошо, а тушенка лучше, – пошутил он, чтобы не впадать в откровенный подхалимаж, довольный, что все так ловко получилось.

– Не скажи. Валюха говорила, что подруги визжали от удовольствия, когда пробовали. И сама была очень ласковая со мной.

Терпения Лехе не хватало. Учил нервно, порою казалось, что издевается над ним. Доводил до того, что хотелось врезать учителю между глаз, но сдерживал себя, терпел, и через месяц стало получаться. Сам понял, а потом и Леха признал. Сели перед дембелем, суровый наставник запил водой глоток неразбавленного, обнял ученика и заявил, что из него получится классный токарь.

Лехин дембель отпраздновали хорошо, а со своим все пошло наперекосяк. Началось с дурацкой самоволки. Чувствовал, что не надо рисковать – отпуск обещали. Так нет же, побежал, нарвался на патруль, и отпуск заменили «губой». Но самое страшное ждало впереди.

Оставалось меньше ста дней. Когда из дома перестали приходить письма, особой тревоги не появилось, полагал, что ленивая Верка все новости приберегает до встречи. Мать стеснялась

малограмотности, поэтому переписку доверила Верке. Раз в полмесяца она исправно сообщала старшему брату о деревенских новостях, передавала приветы от знакомых и от своих одноклассниц. В одно из писем вложила записку от подружки Галки, которая тоже хотела переписываться с ним. Он смутно помнил эту Галку, но обижать девчонку не хотелось, и он ответил. Веркины письма были короткие и сухие, а Галка писала намного подробнее: рассказывала, как отелилась корова Февраля, как смешно учился ходить теленок, как ждали ледоход на Ангаре, как льдины громоздились друг на друга, а потом, подтаяв, рушились и осыпались, издавая музыкальный перезвон, как ходила собирать первые подснежники. Он понимал, что девчонке хочется понравиться взрослому парню, посмеивался, но ждал ее писем и радовался им больше, чем весточкам от сестры. Последнее письмо было от Галки коротенькое, без привычных историй. Потом совсем перестали приходить. Особой тревоги не появилось, да и почта никогда не отличалась порядком. А душа рвалась домой.

Когда сажился в Ан-2, осмотрелся, надеясь увидеть кого-нибудь из своих деревенских, но никого не высмотрел. С дембельским чемоданом не разбежишься, но шел ходко, аж взмок. Первой увидел Верку. Она несла домой два ведра воды и остановилась перед калиткой. Хотел подкрасться сзади и напугать, но не выдержал, окликнул. Сестра оглянулась, ахнула, потом, чуть не споткнувшись о ведро, подбежала к нему, уткнулась в грудь и заплакала, но это были не детские слезы радости, а бабьи рыдания.

– Что-нибудь с мамой? – закричал он.

Не в силах говорить, она отрицательно замотала головой и зарыдала еще громче.

– Отец?

– Пойдем в избу, все узнаешь.

Мать сидела на табуретке спиной к печи и вязала носок. Увидев его, спросила:

– Совсем отпустили?

– Конечно, совсем!

– Хорошо, – выговорила с тусклой радостью, – потом все-таки отложила носок, обняла и бессильно заплакала.

– Где отец? – тихо спросил он.

– Пусть Верка рассказывать. – Вернулась на табуретку и взяла носок.

Сестра вывела его на двор.

– Не могу при маме. Не хочу лишний раз напоминать. Нет у нас больше папки.

– Да где он? Что вы тянете?

– В бане угорел.

– Как угорел? – не понял он.

– Не знаешь, как угорают? Ольгу Шумакову помнишь, она продавщицей работала?

– Конечно, помню. – «Она мне всю службу снилась» – чуть было не сорвалось с языка, но как-то не соединялись отец и Ольга, да еще и баня. Несуразица какая-то.

– На третий день нашли их. Валяются растелешенные. Ольга на полке, отец на полу, – у Верки сорвался голос, и она замолчала.

Обнял сестру, погладил по спине. А перед глазами стояла Ольга. Без одежды. Склоненная над ним, лежащим на кровати. Он даже чувствовал касание груди. Ольгу – видел. Отца – нет. Даже представить их вместе не получалось. Тем более в бане. Не верил.

– Так тайлись, что и подумать никто не мог. Мать догадывалась, что гуляет, но терпела. Да и бабы на похоронах болтали, что у него в леспромхозе шалава была. Но Ольга, ее и представить рядом с деревенским мужиком невозможно. Да еще и старым ко всему. Мало ли, что в шелковые платки наряжается, а никому ни разу не улыбнулась, лицо словно каменное, все думали, что мужа тюремного боится, слухи-то и до зоны могут доползти. Вот и пряталась в бане со стариком. Мать не то чтобы умом тронулась, по дому управляется, но все молчком,

редкое слово скажет, а по ночам стонет. Это она вызывать на похороны не велела. От позора берегла. И Галке приказала не писать.

– А я-то гадал, почему писем нет.

– Мать запретила. А что писать? Врать – глупо, а правду – стыдно. Решили дожидаться приезда. Слушай, а может, мне за Галкой сбежать?

– К нам, чё ли, звать? Да я и не помню ее.

– Так пойдем к ним, увидишь – и сразу вспомнишь, она, пока ты служил, расцвела, хорошенькая стала. У дядьки Миши самогонка есть, выпьете за встречу.

– А как же мама?

– Ей одной лучше. Пойдем, предупредим, что в гости уходим.

На их предупреждение мать рассеянно кивнула и продолжала вязать. Сестра успела привыкнуть к такому поведению матери, а он даже смотреть на нее боялся и все-таки оглянулся с порога, увидел сгорбленные плечи. Захотелось сказать что-нибудь утешительное, но к горлу подкатил комок, да и слов подходящих не находилось.

Галка засмушалась, засуетилась, рассаживая гостей. Она и впрямь выросла во взрослую девушку. А дядя Миша совсем не изменился, все такой же суетливый и матерящийся через слово.

– Никола, ну, красавец вымахал. Орел.

– Да я, дядь Миш, вроде и призывался таким.

– Не ломайся. Будто я не помню. Возмужал, в плечах расширился. Галина, ты пока развлекай жениха, а я быстренько на стол соберу.

– А кто тебе наплел, что жених? – зарделась Галка.

– К слову пришлось. Но с другой стороны, лично я не против. Ты, кстати, в каком звании пришел?

– Рядовой.

– Тоже хорошо. Чистые погоны – чистая совесть. Мать, а ну-ка, поторопись. Все, что в печи, на стол мечи, а рыбки сам в дуплё спушшусь и достану, я и краснухи добыл, и тугун имеется. Соскучился, поди?

– Еще бы!

Дядя Миша вернулся с плоской тугуна и шматом осетрины, бутылку самогонки с водочной этикеткой достал из-под рубахи.

– Чуть не разбил, наставили банок, ступить некуда. Ладно, Никола, с увидом. И за отца твоего, Василия, пусть земля ему будет пухом.

– Ты бы попридержал свое ботало, – буркнула жена.

– А ково я сказал? Хороший был мужик – и охотник фартовый, и мастер на все руки, и хозяйственный, все в дом.

– Не чета тебе. Вчерась сковородник взяла, а у него ручка отвалилась.

– У них порода такая. Дедушка, царствие небесное, когда ноги заболели, все одно не мог без дела, сапожничал на всю деревню.

– И Васька тоже не мог без своего дела.

– Ково теперь вспоминать. Держись, Никола, назад ничего все одно не воротишь.

Веселья не получалось. Самогонка не брала. И Галку не рассмотрел, даже спасибо за письма не сказал. А собирался.

* * *

Прячась от позора, мать отвела гостей, а сама не выходила за ограду. Невыносимо было смотреть на нее сидящую, с вязаньем на коленях. Случалось, она засыпала, спицы соскальзывали на пол, она вздрагивала, испуганно поднимала их и начинала торопливо накидывать

петли. И ни слова. Хоть бы расплакалась или пожаловалась. Ему даже стало казаться, что обиду на отца она переложила на него. Не знал, куда деть глаза. В избу заходил только по необходимости. Искал заделье на дворе или на реке. Готовился к сезону. Ондатры для накрохи добыл с полуторным запасом. Почистил ружья, хотя после отца проверять было необязательно, он всегда содержал их в порядке.

Когда погода начала портиться, посоветовался с мужиками. Да и сам понимал, что заводится рановато, но не терпелось, и решил все-таки смотаться до базовой избушки. Мотор тянул, не задыхаясь и не чихая, да еще и по течению, и все равно казалось, что лодка идет слишком медленно. Когда увидел знакомую корягу на берегу, обрадовался, словно друга встретил. От коряги надо было подняться на сотню метров. Разгрузил лодку. Провиант и одежда про запас уместились в рюкзак и понягу. Первой походкой решил отнести рюкзак, он был полегче, оглядеться, перекурить, а потом уже вернуться за остальным.

Отца не стало, а избушка стояла такая же, как и прежде, разве что справа от лабаза росла молодая березка, но отец почему-то срубил ее, видимо, на что-то понадобилась. Он выпростался из-под рюкзака, но заходить внутрь не решался. Присел на чурбак у входа. Отец любил на нем покурить. Говорил, что он приносит удачу и не велел пускать на дрова. Он достал сигарету и присел на отцовское «кресло», только не лицом к тайге, как любил отец, а лицом к избушке. Сигарета погасла, а он все еще не мог собраться войти. Выкурил вторую, и только после нее встал и осторожно толкнул дверь. Внутри было выметено, возле печки лежали колодые дрова и тонкие завитки бересты. На столе рядом с топчаном стояла почерневшая алюминиевая кружка, остальная посуда, аккуратно расставленная на полке, прибитой к стене, ждала хозяина. Вот только старый хозяин, любящий порядок, ушел далеко-далеко и заблудился.

Притащив понягу к избушке, он поднялся в лабаз и увидел неизрасходованную муку, завезенную отцом, и аж горло перехватило. Второй приступ случился, когда вернулся в избушку, увидел на полке запас махры и початую пачку «Севера». Достал из нее папиросу, хотел понюхать, но пересохший табак высыпался на пол. Невелика потеря, если в кармане пачка сигарет, но такая тоска подступила, что не выдержал и простонал:

– Эх, папка, папка, что же ты наделал!

Без обиды, без обвинений, только с болью.

* * *

Погода капризничала, дурила, но выждал неделю и все-таки добрался до ближней избушки. Путик вдоль ручья забила ольха. Пришлось вырубать, чтобы потом не цепляться за нее и не запинаться. Возле первого капкана достал тушку ондатры, нюхнул и похвалил себя – удачно заквасилась. Вспомнил любимую присказку армейского друга Лехи: «Сам бы ел, да денег надо». Пока вырубал ольховник, пока наживлял ловушки, стало темнеть, да и проголодался. С утра не терпелось на путик, волновался до мандража, даже еда в рот не лезла.

На другой день заправился основательно и решил двинуться ко второй избушке. Не прошел и километра, как залаяла Дамка. Свернул на ее след. Лай то прекращался, то взрывался с неуправляемой яростью, и казалось, что собака совсем рядом. Он прибавил ходу, но по бурелому больно-то не разбежишься. Дамкин след спустился к ручью, заросшему тальником, а дальше предстояло пыхтеть в горку, огибая сучкастые валежины. Соболь сидел на верхушке сухостойны, снег возле нее был вытоптан, мелкий кустарник поломан, кора с дерева содрана. Дамка от нетерпения прыгала на ствол, словно сама собиралась добраться до загнанного зверька. Он выстрелил и, глядя, как добыча падает меж ветвей, смачно крикнул. Соболешко оказался молоденький, светлый, но почин был сделан.

Едва вернулся на тропу, Дамка снова залаяла. Голос был не такой жоркий, как на соболя, звонкий с подвизгиванием – белочку загнала. Однако петлять до нее пришлось еще дольше, через другие расщеперенные валежины.

Спустив чулочек шкурки, разделил тушку пополам и бросил переднюю часть Дамке. Собака поймала добычу на лету и встала перед ним, заглядывая в лицо преданными глазами. Не выдержал просящего взгляда и отдал вторую половину. Расщедрился, а потом уже подумал, что отец бы не одобрил.

Вторую белку добыли где-то на середине пути к избушке, и сразу после этого он наткнулся на чужой след. Откуда ему взяться на их участке?! След от сапога сорокового размера. Ну, может, сорок первого. Не очень крупный гость. Да какая разница, если внутри все закипело. Захотелось плюнуть в этот поганый след, но слюны во рту не было. Он принялся топтать отпечатки чужих сапог, и тут залаяла Дамка, совсем рядом, разохотилась собака, во вкус вошла. Идти к ней не было никакого желания, но не бросать же, старается подруга – грех обижать. Перевозбуждение – плохой помощник. Когда целился, чувствовал, что промажет. И промазал. Попал только с третьего раза. Такого с ним и в детстве не случилось.

Набегался за день, разбираться с гостем было уже поздно, и непонятно еще – куда уведет след. Вернулся на обжитое место. Посидел в любимом отцовском «кресле», пытался обмозговать, как вести себя с незванным соседом. А чего думать, если не знаешь, кто и зачем – надо утром идти знакомиться, а там видно будет.

Чужая свежесрубленная избушка стояла на их участке, чуть не доходя до большого ручья, по которому считалась граница. Еще на подходе выскочил рыжий пес и кинулся на Дамку. Чувствуя себя хозяином, прыгал нахраписто, но Дамка не отступала. Избушка была небольшая, но аккуратная. Лабаза пока не стояло и дрова не заготовлены – видимо, не успел. Увидев дымок над трубой, понял, что ждать не придется. Надеялся, что до стрельбы не дойдет, но ружье на всякий случай зарядил. Услышав собачью грызню, вышел мужичок лет сорока, невысокий, но крепенький. Смотрел удивленно, явно не ждал.

– А ты кто?

– Сосед.

– Ну, проходи. Чай будешь?

– Буду, – согласился, потому как с чаем разговаривать спокойнее.

Чайник стоял на краю печки и еще подпаривал. Мужик взял чистую кружку. Налил наполовину чуть ли не чифира и придвинул банку с песком.

– Сласти по вкусу.

От сахара он отказался. Чай был слишком горячий.

– Сосед, говоришь? Что-то я тебя раньше не видел, – спросил без намека на подозрение, скорее из любопытства.

– Из армии недавно вернулся. А ты в курсе, что построился на чужом участке?

– Почему на чужом? У меня разрешение имеется. Охотовед приезжал и выписал. Справка с печатью дома лежит, могу предъявить, – оправдывался мужик.

– Да мало ли что твой охотовед с пьяни напишет. Вся деревня знает, что мы здесь тыщу лет охотимся. И дед мой, и папка.

– Так это твой, значит, с девкой в бане угорел? – И уже с нагловатой уверенностью стал объяснять: – Вот видишь, все по закону, потому охотовед и выписал справку. Батьке-то участок уже без надобности.

Мужику, видимо, понравилась собственная рассудительность, и он примиряюще улыбнулся. Но улыбка получилась какая-то гаденькая. Захотелось врезать в улыбающуюся рожу, но сдержался. Отодвинул чай. Встал и выложил:

– Раз уж так получилось, до конца сезона промышляй, а на следующий год проси своего оховеда, чтобы он тебе другой участок выделил.

– Я на твои путики не полезу. Только по своему.
– Будем считать, что договорились. Но я предупредил.
Когда вышли на улицу, Дамка игриво обнюхивала чужого рыжего.
– Видишь, – сказал мужик, – собаки помирились, надеюсь, и мы поладим.

Незванный сосед не нагнул. Следы иногда пересекались, но как без этого на охоте. Раздражало, но, коли договорились, терпел.

Надеялся, что человек понял. Но на следующую осень к нему подошел отец Галки и обрадовал:

– Слышь, Никола, а твой-то снова завозится. Вчера утром видел его лодку. Не понимает по-людски.

Дядя Миша не советовал, что надо делать, знал, что обойдется без подсказки.

Дождлся дождливого дня и отправился к чужой избушке. Наколот мелкой лучины и разжег три костерка. Два – по углам и один возле стола. Потом выбил окно и распахнул дверь. Огонь лениво лизал стены, и он пожалел, что не прихватил бензина – было бы без лишних переживаний. Когда пламя стало вырываться в дверь, бросил в него окурочек и зашагал к лодке, уверенный, что в дождливый день тайга не загорится. На душе – гадко, словно в дерьмо вляпался. Избушку было жалко, но не мужика – сам виноват.

* * *

Случай, который постоянно вспоминал, когда что-то не ладилось и начинало казаться, что невезуха не собирается уходить.

Совсем челяденком был. Училка пришла к отцу и пожаловалась, что Коля прогуливает уроки, не делает домашние задания, и, если не исправится, придется оставлять на второй год. Отец был выпивши и понял, что училка учуяла запах, застыдился и, как только она ушла, зажал его между коленей и отходил ремнем, приговаривая: «Если оставят, выпишу еще одну порцию, с двойной добавкой». Не плакал, не обещал, но сумел вырваться и убежал на берег. Хотел заночевать в лодке, простудиться и заболеть, но сидеть без дела не умел. В лодке нашлась удочка и банка с остатками червей. Закинул, ни на что не надеясь. Пока шарил глазами по воде, высматривая пробочный поплавок, удилище резко дернулось в руке и хвост его согнулся в дугу. Откуда на мели крупная рыба?! Кроме пескарей и ельчиков на этом месте никто не клевал. Неужели шальной налим заблудился на мелководе? Чтобы не упустить добычу, он выбрался из лодки и вытащил рыбку на плоский берег. А когда понял, что поймал не налима, а настоящего ленка, побежал домой хвастаться отцу, забыв про недавнюю порку.

Почти так же получилось и с женитьбой. Не ждал, не гадал.

Верка чуть ли не за полгода стала требовать, чтобы он пришел на их выпускной вечер. Обязательно в костюме и при галстук. Пообещал, чтобы отвязалась. И на галстук согласился – как откажешь младшей сестренке? Платья для «первого бала» шила Галка и себе, и ей. Примерки и подгонки затянулись до последнего дня. Когда оставалось до выхода меньше часа, его в очередной раз выгнали на улицу. Возле калитки прогуливался дядя Миша, уже при орденах и медалях, тоже маялся в ожидании.

– А ну-ка, паря, загляни ко мне, кое-что покажу. – А что он мог показать, кроме бутылки? Завел в стайку, достал стаканы и чашку с солеными огурцами. – У меня самогонка лучшая в деревне. Я два раза не ленюсь перегонять, потом молоком чищу, потом на травках, корешках настаиваю, но главный секрет в змеевике, мне его в городе из особой нержавеющей стали выгнули, марка где-то дома на бумажке записана, большого осетра отдал. А раньше, когда знакомых в городе не имелось, стволом от старой берданки пользовался, клал в корыто со льдом, и капало, но качество, конечно, не то.

– Серьезно, что ли, стволом?

– Какие могут быть шутки, у бабки моей спроси, токо она, поди, не помнит. А дефки-то наши какой переполох устроили. Взрослые уже, невесты. Ну, давай по чуть-чуть, чтобы силы на праздник сэкономить.

Но экономить не получилось. Возле клуба заманили за угол знакомые парни. К началу танцев был уже навеселе.

Верка, держа подругу за руку, подошла к нему и заявила:

– Сейчас будешь танцевать со мной. Хочу, чтобы видели, какой у меня красивый кавалер. Смотрели и завидовали.

– Так все знают, что я твой брат.

– Кто-то и не знает. Наши девчонки говорят, что ты похож на артиста Киндинова.

– Из какого кина?

– «Романс о влюбленных».

– Да брось ты, совсем не похож.

– Со стороны виднее. А как тебе наши платья?

– Красивые. Сразу и не поймешь, что самодельные.

– Галка молодец. Только пока шила, мы два раза в усмерть переругались. Но она отходчивая. Значит, первый танец со мной, а потом с ней. Пусть и она похвастается.

– У вас что, своих ребят нет? – засмеялся он.

– Хватает, но ты лучше.

Галке достался медленный танец. Она была чуть ли не на голову ниже его. Ее волосы щекотали ноздри. Оба молчали. Чужая пара задела их, и Галку качнуло к нему на грудь. Нечаянно прильнув к нему, девчонка не спешила отстраниться. Пока меняли пластинку, она стояла рядом, пришлось приглашать на следующий танец. После третьего танца подряд запросился на перекур. Возле клуба толклось много народу, в основном леспромхозовские – парни в джинсах, девицы в кримпленовых платьях. Поискал взглядом знакомых. Вернее – знакомую, Марину из бухгалтерии. Полгода назад он впервые переночевал у нее, а до этого месяца два обхаживал. Высокая, с длинными черными волосами и крутыми бедрами, могла зазывающе улыбнуться, но за любую попытку дотронуться била по рукам. Дразнила, а близко не подпускала. Только после сезона сама подошла и спросила, как поохотился.

– Нормально добыл, больше, чем в прошлом году.

– Так подарил бы девушке на шапку.

– Думаешь, пожалею?

– Кто тебя знает, обещать все горазды.

Подарил, и оставила на ночь. Удивился, что вышло так просто, даже осадок нехороший в душе остался. Говорила, что недавно исполнилось двадцать четыре года, но замуж пока не собиралась – не за кого здесь выходить. Мечтала уехать в город. О любви не заговаривала, но обнимала жарко.

Договорились встретиться на танцах, но она почему-то задерживалась. Выкурил пару сигарет, поговорил со знакомым парнем и уже направился в клуб, но все-таки высмотрел Марину. Близкие отношения она велела не показывать, поэтому махнул рукой и свернул в тень дерева. Она подошла сразу и, уклонившись от поцелуя, предупредила, что ждет подругу. Договорились встретиться после того, как он проводит сестру. Но до клуба снова не дошел. Наперерез ему выдвинулись трое леспромхозовских парней.

– Эй ты, дай закурить.

Ребята были пьяные, и он сразу понял, что миром дело не кончится. Не хотелось портить вечер, и он протянул пачку.

– А чего ты «Приму» куришь, на хорошие сигареты денег жалко?

– Привык.

– А со шмарами нашими тоже привык шушукаться?

Надеялся разойтись мирно, так вынудили. А если от драки не отговориться, надежнее начинать первым. Ударил самого наглого. Хлестко врезал. Парень крутанулся волчком и встал на четвереньки. И тут же получил сам откуда-то сбоку. Прилетело в нос. От нового удара сумел уклониться и успел точно ответить. Выжидал следующего. Но тот, который поднялся с четверенек, закричал:

– К нему на помощь бегут, рвем отсюда.

Никто на помощь не бежал. Померещилось дураку или понял, что не на того нарвались. Верхнюю губу саднило. Провел рукой под носом и увидел кровь.

Девчонок встретил, когда шел умыться.

– У тебя лицо в крови, – перепугалась Галка, – ой, и рубашка, и галстук.

– Кто это тебя? – спросила сестра.

– Шпана леспромхозовская прицепилась. Только не они меня, а я их.

– С кем же мы танцевать будем?

– Ладно, Вер, не капризничай, иди танцуй, а я твоего брата в порядок приведу.

Возвращаться домой и пугать маму окровавленной мордой не хотелось, и он повернул к реке, чтобы умыться.

– А те, с которыми дрался, их трое было?

– Трое. А ты откуда знаешь?

– Один с черными усиками?

– Точно, с усиками. Самый наглый.

– Они к нам приставали, усатый меня по задку хлопнул. Ты из-за нас подрался?

Не признаваться же, из-за кого вышел сыр-бор, а врать язык не поворачивался, и он утвердительно кивнул.

Какая сила тянула его на реку, он понял только после того, как умылся. Освежил голову и вспомнил, что в береговой избушке у него заныкана бутылка. Предложил Галке продолжить выпускной на другом берегу. Согласилась она радостно, а в лодке притихла, сидела молча, но он не обратил внимания. Мотор лежал дома, шел на веслах, лодку сильно сносило, а хотелось подогнать прямо к избушке, поэтому греб без роздыху. Ткнувшись в береговой песок, выскочил из лодки, чтобы вытащить ее подальше. Но Галка поспешила встать, и когда он в очередной раз подпернул, она взмахнула руками и упала в воду. Плашмя. В красивом белом платье. У него сорвался матерок. Подбежал к девчонке, но она уже встала и вылавливала на дне слетевшие туфли. Он ожидал истеричных слез и обвинений, но Галка рассмеялась:

– Прости дуру, не устояла.

– Это я виноват, дернул, а не посмотрел, что ты поднялась.

– Хотела, чтобы тебе легче было вытаскивать лодку.

– Пошли сушиться. Придется и тебе самогонки принять, от простуды.

– А чё я, не пробовала, чё ли! С Веркой отлили у папки, а в бутылку воды добавили, чтобы он не заметил.

– Не бойся, не продам. Бежим в избушку, печку затоплю. – Затолкал весь запас бересты и лучины. Оглянулся на Галку, девчонка стояла, обхватив себя обеими руками, ее трясло. – Мокрое скидывай, в мою рубаху оденешься.

Он вышел на улицу. В ботинках чавкала вода. Надо было переобуваться. Озверевшие комары лезли в глаза и уши. Переждав минут пять, постучал в дверь. Галка не ответила. Чужа неладное, резко вошел. Аккуратно развешанное платье белело на вешалах. Галка, не успевшая надеть рубаху, стояла спиной к печке, грелась. Он попятился к двери, но она поймала его за руку. Грудь и живот у нее были холодными, а спина под его ладонями горячая.

И не смог удержаться. Когда понял, что он у нее первый, мелькнул испуг, но Галка так доверчиво прижималась к нему, что страх перед утренними объяснениями не отогнал желание обнять ее как можно крепче.

День назад она была для него обыкновенной соседской девчонкой, на которую почти не обращал внимания, а утром, глядя, как она, одетая в его старую рубаху, разливает по кружкам чай, сказал:

– Давай поженимся. – И удивился, что она восприняла предложение как должное.

В лодке ее потянуло на песни, и не какие-то молодежные, а старинные – «Из-за острова на стрежень», «Поедем, красотка, кататься, давно я тебя поджидал»... Не удержался и стал подпевать, там, где знал слова.

На берегу она встала перед ним и, заглядывая в глаза, спросила:

– Ты понял, что я специально в воду упала?

– Правда, чё ли?

– Не хотела признаваться, но нельзя начинать с обмана, ты же со мной по-честному.

– И платьё не пожалела?

– А чё его жалеть, другое сошью.

* * *

Слухи о затоплении появились еще до армии. Потом Верка с Галкой делились новостями. Писали, что начали строить поселок для строителей новой ГЭС и дорога к нему проходит мимо деревни. В их магазине скопились полные стеллажи консервов. Зачем деревенскому народу тушенка, если у них настоящего мяса хватает? Или кальмары какие-то, на них смотреть противно, тем более – кушать. Не говоря уже про морскую капусту и мидии. И все это залежалое добро заезжая шоферня за неделю с полком смела. Но он не воспринимал сплетни всерьез – надо же девчонкам о чем-то писать солдату. Когда вернулся домой, взрослые мужики подтвердили, что деревню действительно собираются затопить, только непонятно когда, мало ли что наверху планируют – сегодня одно, завтра другое. И все-таки те, кого в деревне ничего не держало – ни тайга, ни хозяйство – воспользовались случаем и стали перебираться ближе к городу. Рядом с Красноярском построили завод автоприцепов и при нем большой поселок Сосновоборск. Матери Юлии дали в нем однокомнатную квартиру со всеми удобствами, так она с радостью переехала. Дядя Миша был уверен, что Овчинников знакомства свои подключил. Парень его с учительской дочкой в университет поступили и пожениться собрались, вот он и подсуетился, чтобы мать за молодыми доглядывала. Он и себе переселенческую квартиру устроил, только уезжать не торопился, не хотел заработки терять.

Еще до смерти отца дядя Миша уговорил его встать в очередь на кооперативную квартиру – напишем, мол, на всякий случай, а там видно будет, отказаться никогда не поздно, не оштрафуют, поди. Тот сгоряча послал его, заявив, что уезжать не собирается: «Чё я в этом городе буду делать, тухлую убоину жрать да глаза телевизором портить?» Но дядя Миша не успокоился, зашел с тылу, переговорил с матерью, и та предъявила свои резоны, напомнила, что Верка скоро подрастет, учиться в город уедет, а там, глядишь, и замуж выйдет. И совсем добила обвинением, что он, куркуль, денег для дочки жалеет. Сдался мужик. Подали заявление и успокоились, очередь-то длинная, а крыша над головой не течет и подворье обустроено.

Другая очередь его волновала, очередь на машину. С армии заболел.

Заработки в леспромхозе были хорошие, и удача в тайге не обижала, особенно после того как женился. Он даже подшучивал над Галкой, уж не знает ли она какого волшебного слова. Молодая жена поднимала над головой годовалую дочку.

– Это Анютка знает. Ну-ка, скажи папке волшебное слово.

– Кака.

– Деда Миша научил, старый безобразник.

– Значит, правильно научил, коли фарт идет.

На охоте фартило, а с очередью – не очень. Закусило, как шест в речном пороге. Дергаешь, а он ни в какую. Подводные каменные челюсти не разожмешь, намертво держат. Поток гонит вперед, а ты крутишься на месте. Бросить шест – страшно, неизвестно, что впереди, понимаешь, что надо сдать назад, а течение – не позволяет. По правилам талоны выдавались передовикам производства. С этого боку к нему было не подкопаться – второй год на Доске почета красовался, в черном костюме и модном цветастом галстуке, который Галка сшила. Не помогло. Машина ушла к какой-то тетке из профкома, которая, по слухам, сразу же переоформила ее на зятя.

– Ей нужнее, – рассудил отец Галки, – они в город намылились. Тебе-то на кой? Куда на ней ездить будешь? Из одного конца деревни в другой? Даже до леспромхоза не доберешься, если погода испортится.

Тесть был прав. Он и сам понимал, что нужды в машине не было. Но хотелось. Чем наглее задвигали, тем сильнее хотелось.

И все-таки дождался. Но когда прилетел в Красноярск, обрадовали, что машины подорожали и надо отстегивать еще тысячу. При этом очень обходительно предупредили – если он не согласен, имеет полное право отказаться от машины.

Прокатился по деревне, распугал собак и поставил в ограде. Накрыл брезентовой попоной и больше месяца не выгонял. Но, возвращаясь с работы, всегда останавливался полюбоваться. Собственная машина.

* * *

Разговоры о закрытии леспромхоза тянулись долго, а закрыли быстро. Если точнее, сменили вывеску: лес как валили, так и продолжали валить, но уже силами заключенных. Из леспромхозовских оставили только тех, кто обслуживал дизельную, крановщиков и главных специалистов, остальным дали полный расчет и полную свободу. Куда податься с этой свободой, каждый искал сам, только выбор не утешал разнообразием.

На первое время нашлось место у токарного станка – спасибо армейскому другу, которого потом еще не раз придется благодарить. Но надо было что-то решать. Размеренная жизнь в деревне оживилась, но не в лучшую сторону. Мужики посадили лодки на цепи с замками. Раньше-то даже бензин в баках оставляли, чтобы утром не тратить время, а теперь тащили в стайки не только моторы, но и весла. Бабы, чтобы сходить по грибы или по ягоды, сбивались в кучи и в лесу сильно не разбредались.

Дядя Миша, не думая о крутых переменах, нечаянно оказался провидцем. Но коварные сюрпризы от кооператива выплывали один за другим. Когда подавали заявления, пришлось прилагать липовые справки, что у них нет собственного жилья: будто бы и отец, и дядя Миша продали свои дома родственникам. В деревне любую справку получить нетрудно. Выдали, выпили и забыли. И вдруг председателю колхоза позвонили из города и попросили подтвердить, проживают ли такие-то в деревне. Он даже удивился, куда, мол, они денутся! Тогда его спросили:

– А у кого они проживают, в чьих домах?

– В своих, – ляпнул председатель, не подумав.

И только после этого вспомнил, что сам подписывал справку о продаже. Понял, что их могут выкинуть из очереди, и побежал к дяде Мише. Мужики запаниковали. Открыли бутылку. Громче всех причитал председатель. Боялся выговора по партийной линии. Всех удивила Галка, самая молоденькая и неискушенная в их компании. Отобрала бутылку и четко растолковала, что делать. Приказала подниматься и шагать в контору. Рабочий день уже кончился, но ключи-то у председателя при себе. Надо найти амбарную книгу, расшнуровать ее и вставить страницы с актами о купле и продаже, помеченные нужными числами и заверенные

печатами. Галка оставила Анютку на бабушкин догляд, а сама пошла с мужиками, чтобы они ничего не напутали и не оставили следов.

Отдала выпивку только после того, как вернулись домой. Понимала, что им надо отдохнуть после переполоха, и сама с ними полрюмки выпила. На другой день председатель позвонил в район и доложил, что виноват, напутал. Но когда внимательно пересмотрел документы, обнаружил, что дома действительно проданы, и копии расписок в получении денег имеются. Потом рассказывал, как на него матерились, кричали, что передали очередь другим людям и вступительные взносы уже взяли.

– Ну, про взносы, допустим, они сочинили, а что новых покупателей нашли, не сомневаюсь, – закончил рассказ председатель и кивнул дяде Мише на подпол.

* * *

Посадив стариков и Галку с Анюткой в самолет, остался ждать баржу, чтобы загрузить весь домашний скарб. Вроде и не жадничал, когда сортировал, что оставить себе и что раздать знакомым, но куча получилась внушительная. Глянул на нее и задумался – как рассовать все барахло в городской квартире, где ни стайки, ни амбара, ни летней кухни. Откинул полог, укрывающий «москвича», потрепал его по крыше, словно коня по холке и, как бы отвечая на шуточки тестя, подумал, что в городе машина не застоит, хватит ей работы, и запчасти, если приспичит, найти проще.

Баржа, хоть и по течению, но ползла медленно. Фарватер лежал рядом с берегом. Привычные места не пролетали мимо, как перед окнами поезда, а тихо наплывали и стояли перед глазами. Их береговая избушка пряталась в кустарнике, но эти родные кусты были настолько знакомы, что он узнал бы их, даже если бы они переселились в другую тайгу. Ему даже показалось, что сумел высмотреть сквозь ветки угол избушки. Вспомнил, как нес туда Галку в мокром платье, как пела она в лодке: «Поедем, красотка, кататься, давно я тебя поджидал». Подумал, как добрались они до города – наказывал ей не экономить и взять в аэропорту такси, а если старики будут уговаривать ехать в автобусе, не слушать их. Как доехали? За поворотом выполз валун, рядом с которым он столько раз вытаскивал лодку на берег и уходил к базовой избушке. За валуном показался высокий пенёк с ободранной берестой. Когда отец первый раз взял его на серьезную охоту, береста еще оставалась.

Поселок гидростроителей увидел издалека. Ровные ряды новых духэтажных домов, еще не облепленных подсобными постройками. Его поразила безлюдность – ладно, взрослые, они не успели вернуться с работы, но где попрятались ребятишки, сколько ни вглядывался, не заметил. Смотрел на поселок – сначала наплывающий, потом отплывающий – и ничего не шевельнулось в душе. Ни горечи, ни обиды, ни зависти к людям, которые приехали на новое место, приехали с большими надеждами, что здесь им наконец-то обязательно повезет и кому-то наверняка заживется лучше.

Они приехали, а он уезжал. Никакие большие надежды ему не грезились, но и страха не было. А чего бояться – молодой, здоровый, он не сомневался, что обязательно выплывет, деваться-то все равно некуда. Успокаивал себя – а кому легко?

Поселок скрылся за очередным поворотом, и вместе с ним перестали донимать воспоминания о деревне, отпустили до времени. Вдоль берега зеленела привычная глазу тайга, но уже чужая. «Надо думать о новой жизни», – в который раз подбадривал себя. На его памяти переселились в город не меньше десятка знакомых. И прижились, прилично зарабатывают, на курорты ездят, детишек в кружки и спортивные секции водят. У Сереги Мамаева дочка мастером спорта по акробатике стала. За границу на соревнования возят. С подарками оттуда возвращается. А его Анютка чем хуже – на фигурное катание можно отдать, а потом вся страна будет любоваться ею по телевизору. И к сеструхе поближе. Недавно Галка получила от нее

письмо, и та, по секрету, похвасталась, что после училища вышла замуж за доктора. Он невысокого роста, но добрый и врач хороший. Работают в одной больнице. Не расписались, но живет в его квартире. И, главное, ждут ребенка. Просила пока не говорить матери, потому что непонятно, как она отнесется, что живет без регистрации. А мать так и не оправилась, по-прежнему не выходила за ограду. Даже на свадьбу к нему не пошла, единственный раз улыбнулась, когда Галка внучку к ней принесла. Вот он и подумал, что, может быть, в городе, где никто не знает о ее позоре, она воспрянет. Не очень верил в такую перемену, но надежда появилась.

Баржа шла только в светлое время, а по ночам стояла. Перед остановкой его окликнул рулевой с буксира, белобрысый парень, чем-то похожий на его армейского друга Леху, и пригласил к себе в рубку на уху. Дорога предстояла долгая, мало ли что может случиться, так что с командой лучше дружить, чем ссориться, да и флотские разговоры хотелось послушать, народ-то бывалый, побольше его успели повидать. Ходить в гости с пустыми руками было не в его характере. Дядя Миша, упаковывая баулы и мешки для погрузки на баржу, рассовал все запасы самогонки по мягким углам, чтобы не побились, но для знакомства брать самогонку не решился – кто их знает, этих городских, вдруг побрезгуют. Достал магазинную из своих запасов. Удивить его ухой было трудно, однако флотские рыбу не экономили. В юшке из окуней плавали добрые лафтаки щучины.

Белобрысого звали Кешей. На Енисей он попал после речного училища, а служил на Тихом океане. Слушать его было – не переслушать. Осмелев, попросил порулить, и Кеша не испугался, доверил. Очень хотелось посмотреть Казачинский порог, историй о котором наслушался от новых знакомых. Но проспал. Когда стал пенять – почему не разбудили, Кеша успокоил – на Ангаре пороги не слабее.

В порту Кеша поймал знакомого шофера и помог не только загрузиться, но и до дома проводил. Вещи были распакованы не полностью, но плита работала, и кастрюля с горячими щами была очень ко времени. Щами тоже хорошо закусывать.

Очень хотелось что-нибудь подарить Кеше, но как разобраться в грудe вещей, сваленных в кучи? Не совать же бутылку, как случайному грузчику. Вспомнил, что любимый нож лежит в кармане рюкзака. Жалко было расставаться, но подарок и должен быть дорогим – для себя, а не «на, боже, что нам не гоже». Кеша отказывался, но он настоял.

Пока они с Кешей выпивали, Галка сбегала к автомату и позвонила Верке. Беременная сестрица приехала с мужем на такси. Охи, ахи, обнимахи. Мать подошла к ней и ласково погладила живот.

– Когда родишь, возьмешь водицца.

– А кому же еще, если не тебе. – И, посмотрев на мужа, сказала: – Эдик будет очень благодарен.

Муж был одного роста с Веркой, сразу бросалось в глаза, что русская кровь разбавлена хакасской. Худенький, но с широкой крепкой ладонью. От рюмки отказался, объяснил, что у него ночное дежурство. Пообещал, что выпить за знакомство и за рождение племянника они успеют, и не раз. Держался ровно, не корчил из себя ученого, но и не заискивал, не старался понравиться с порога. А понравился. Особенно теще.

– Очень хорошего мужа нашла, – сказала мать, когда они ушли, – шшупленький, по дефкам бегать не будет.

Помог все-таки переезд. Когда мать окончательно переехала к Верке, сестра забежала в гости и поделилась переменами.

– Ожила бабушка без деревни, будто помолодела. Подруг во дворе нашла. Интересы к жизни появились, но уже новые, городские. Я к лавочке подошла, где она по вечерам со своими бабулями судачит. Послушала, а они, оказывается, съезд обсуждают. Спорят чуть ли не до скандалов. Одной подруге Собчак нравится, а мама его терпеть не может, у нее академик

Сахаров больше доверия вызывает. Домой возвращается, с Эдиком беседу заводит. Тот с ней на полном серьезе, он и с пациентами высокомерия не позволяет. Если что спросит – растолкует, кто из депутатов перестроился вовремя, а кто свои принципы отстаивает. В «Санта-Барбаре» он, конечно, не советчик, бабушка в ней лучше разбирается, но Эдик все равно слушает внимательно. А я заметила, что маме не нравятся те герои, которые напоминают отца, красивые, самоуверенные. Сказала Эдику, и он согласился. И ты уж не обижайся, Но ты ей тоже папку напоминаешь, потому она и замкнута с тобой.

Странно было слышать такие рассуждения от младшей сестренки. Живя с умным мужем, и сама вроде как повзрослела. Может быть, она и права. Но соглашаться с ней не хотелось.

* * *

Переезд занятие хлопотное – пока с документами вошкался, пока на барже телепался, пока деревенское барахло по закуткам распахивал... Заглянул в трудовую и за голову схватился – после увольнения прошло двадцать пять дней. На раскачку оставалось меньше недели. Для сохранения непрерывного стажа надо было срочно устраиваться на работу. Это в деревне всегда можно было договориться, чтобы оформили задним числом, а в чужом городе никто с ним цацкаться не станет. Дом достался на окраине города. Через дорогу стоял глухой заводской забор. Дошел до проходной, а там турникет и толстая некрасивая баба в будке. Догадывался, что существует отдел кадров, где ему все растолкуют, но посмотрел на вахтершу с брезгливо отвисшей нижней губой и подумал, что кадровичка может оказаться еще злее. Намного полезнее переговорить с работягами напрямую. Пока огибал забор, видел пару тополей с ветками, нависающими над территорией, да и заборчик, хоть и бетонный, но в его рост. Вернулся к тополям и без лишней волокиты оказался на заводе. Нашел механический цех. Разговаривать с народом проще и полезнее, чем с начальством, ему врать никакого резона. Заработками недовольны всегда, но успокоили, что на соседних заводах приблизительно так же. Постоял возле токарей и решил, что не опозорится – можно смело идти к мастеру.

– А где на токаря учился?

– В армии, в стройбате служил.

– Армейская выучка – это хорошо, а деревенская практика развивает смекалку и делает универсалом. Давай пропуск подпишу, и можешь устраиваться.

– Да я без пропуска.

– А как ты прошмыгнул?

– Через забор перелез, – сознался и тут же пожалел: напогляд вроде и добрый мужик, но все-таки начальник.

– Партизанщины не хватало. Подсудное дело, чтобы знал, но мне, в общем-то, фрезеровщик нужен, не пробовал?

– Нет, но если Родина прикажет, могу попробовать. Если пару деталей запорю, надеюсь, не посадите?

– Обязательно, лет на пять, с конфискацией. Только не думай, что я такой добренький. Пить будешь – выгоню.

Понимал, что мастер доверяет, а при доверии работать легче, особенно учиться. Встал к фрезерному станку. Не без подсказок и не сразу, и без брака не обошлось. Даже штраф за испорченную деталь высчитали – тоже наука. Терпел. А куда денешься? Уже через год выполнял сложные заказы, а через два и «левые» прихватывал. Семью-то кормить надо.

Потом был краевой конкурс «Лучший по профессии».

– А почему бы и не выиграть? – засмеялся он, когда предложили принять участие. Для форсу сказал, но в победе почему-то не сомневался.

Работал под наблюдением нормировщицы с секундомером и двух конторских мужиков, оба в новенькой спецодежде, но при галстуках. Мастер тоже присутствовал, для моральной поддержки. Дело привычное, а вспотел. Нервничал, пока нормировщица не щелкнула секундомером. Комиссия забрала горячую деталь для замеров. Проверки и согласования тянулись долго. Делал вид, что забыл про конкурс, но все-таки ждал. Наконец-то мастер подошел после планерки, пожал руку и заявил, что с него армянский коньяк.

Почетные грамоты вручали в Доме культуры. В президиуме сидели ветераны, увешанные медалями, в основном юбилейными. Шестеро пожилых мужчин и одна женщина, рослая, с бородавкой на щеке. Приветственных слов было много, но запомнилась только она. Без призывов к новым рекордам, без воспоминаний, как трудились они в военные годы, не выходя из цехов, она лишь позавидовала молодым, что работают они на современных сверхскоростных станках. Когда подошел к ней получать грамоту, рассмотрел и грубое лицо в глубоких морщинах, и пучок белых волос вокруг бородавки. На лацкане пиджака тускнели всего две медали: «За трудовую доблесть» и «За трудовые заслуги». Всего две, но заработанные на войне, юбилейный «иконостас», в отличие от стариков, не надела. А наверняка имелся. И ему подумалось, что и женское счастье обошло ее.

При заполнении конкурсных документов выяснилось, что у него всего-навсего второй разряд. Выговорили мастеру. Пришлось заступаться, говорить, что сам отказывался, потому что платили с выработки. Сложность конкурсной детали вытягивала на шестой, но требовался экзамен по теории. Зубрить учебники не любил с детства, сошлись на пятом.

Вместе с грамотой выдали 50 (пятьдесят) рублей и право на личное клеймо. Это уже серьезнее, зарплата увеличивалась на десять процентов. Потом бухгалтерия посчитала, что рядовой работяга зарабатывает больше начальника цеха, и десять урезали до пяти. Но не успокоились. Если сначала проценты насчитывали на общий заработок, то по новому приказу стали платить от тарифа. По документам поправка почти незаметная, но для кармана весьма чувствительная. Ходить по профсоюзным придуркам, жаловаться и выяснять отношения – стыдно, особенно если все равно зарабатываешь больше других. Ворчал, конечно, но даже подумать не мог, что подкрадываются времена, когда станут задерживать зарплату. От соседей поползут слухи, что потихоньку свертывается производство, закрывают вспомогательные цеха.

А их завод закроют сразу.

* * *

Дело всегда можно найти – и дома, и в гараже оно само в глаза лезет и в руки просится. Вот только зарплату за него не платят. Деньги дома водились. Транжирой Галка не была, но и не скупердяйничала: и Анютку баловала, и с него отчета за каждую копейку не требовала, потому что была уверена, что мужик два раза в месяц принесет приличный заработок. Но когда регулярная подпитка прекратилась, в квартире стало как-то молчаливее, не замолкал только телевизор.

На прощание с родным заводом посидели с мужиками, выпили, пьянка получилась кособокая, со склочными воспоминаниями, двое даже поцапались, еле растащили. День отлежался, чтобы «выхлоп» выветрился, и поехал искать работу. Тряс перед кадровиками грамотой «Лучший по профессии», правом на личное клеймо, в ответ сочувственно кивали и уныло разводили руками – сокращение, своих ветеранов приходится увольнять. Ждал у проходных конца смены, чтобы поговорить с работягами. Ничего утешительного не услышал, кроме совета надеяться на «биржу». Объяснили, как туда добраться. Биржей называли улочку, на которую съезжались в поисках временной или одноразовой работы. Находилась она почти в центре города, рядом с речным вокзалом.

Не думал он, что придется изведать подобное. Мужики с унылыми лицами стояли по обе стороны дороги в ожидании удачи. Когда подъезжали машины «хозяев», кто-то из безработных резво подбегал, чтобы первым успеть предложить себя, потом, опустив голову, брел на свое место. Но суетливых было немного. Основная масса вроде бы как и не жаждала найти работу, а пришли, чтобы не маяться дома и отчитаться перед женами и тещами. Аккуратно одетый мужичок прогуливался вдоль переулка с табличкой на шее. На табличке ровными буквами было написано: «ЭЛЕКТРИК» и стоял восклицательный знак. Чаще всего требовались грузчики, и уставшие ждать соглашались. Возле него остановилась красная иномарка. Моложавая женщина, зависая над пассажирским сидением, выглянула в окно.

– Картошку на даче выкопаешь?

Первое, что бросилось в глаза – грудь, просящаяся наружу из глубокого выреза кофты. Подумалось: а не надеется ли дамочка рассчитаться натурой?

– Мне нужна мужицкая работа.

– Я могу и мужицкую предложить, – засмеялась она и медленно тронулась дальше, а метров через десять все-таки посадила работника.

На этих двоих он сразу обратил внимание: слишком придирчиво разглядывали строй желающих им понравиться. Один сухопарый, в джинсовом костюме, другой – тяжелый, с медвежьей походкой, одетый в камуфляжные штаны и такую же майку, легковатую для осени, заросший густой черной щетиной. Сухопарый скользнул по нему взглядом, но не остановился. Никого не высмотрев, повернули назад, и небритый крикнул:

– Нам нужен опытный тракторист.

Он оказался единственным.

– Где пахал? – спросил сухопарый.

– В леспромхозе.

– В самый раз. Только работа с выездом. – И, предвидя логичный вопрос, уточнил: – Около ста километров.

– Надолго?

– Как работать будешь, если не сачковать, за пару недель управитесь. День на сборы хватит?

– Попробую.

– Придется постараться. Сроки поджимают. Завтра в восемь подъезжай к автовокзалу, Михал Иванович тебя заберет. Кстати, «Михал Иванович» не только имя, но и погоняло. Жить будете в балке, кормежка за свой счет. Ящик тушенки, чтобы не искать, даю авансом. Крупу и макароны бери с запасом, мало ли что случится, вдруг дожди пойдут?

– Можете не объяснять, я по месяцу в тайге промышлял.

– Тем лучше, только учти, что бегать за рябчиками времени не будет.

– И сколько заработаю?

– Хорошо заработаешь. За две недели больше чем за два месяца на алюминиевом. А понравишься Михал Ивановичу, и на следующую шабашку выдернем. Адресок продиктуй и телефончик, если имеется. – Он раскрыл папку. – Главное чуть не забыл: не вздумай брать водку, Михал Иванович алкашей не любит. Верно говорю, Михал Иванович?

– По существу.

Галка чувствовала, как мается он без работы, поэтому обрадовалась новости:

– В тайге поживешь, молодость вспомнишь.

– Да с удовольствием. Всяко лучше, чем на алюминиевом. Да и не возьмут меня туда, там очередь на каждое место, а здесь обещали снова пригласить, если справлюсь.

– А чего бы ты не справился?

– И я про то, дело-то знакомое.

Галка сходила в магазин, принесла гречки, макарон и курицу, чтобы приготовить в дорогу. Когда собирала сумку, поставила в нее банку малосольных огурцов и полсетки молодой картошки – напарника домашним угостить. За ужином выставила бутылку отцовской самогонки.

– Только рюмочку, не дай бог, связчик учует. Высадит из машины и уволит, – засмеялся он.

– Правда чё ли?

– Не знаю, говорит, что трезвенник, но мне кажется, что врет или запойный.

– А я хотела положить для знакомства.

– Не стоит рисковать.

Когда приехал на автовокзал, Михал Иванович был уже там. Курил, стоя у грязной «Нивы», одобрительно глянул на пузатую сумку и сам поставил на заднее сиденье.

– Теперь вижу, что бывалый человек. Прежний тракторист приезжал со сменной одеждой и запасом курева.

– Потому и расстались?

– Слабак оказался. Если бы даже не запил, все равно бы пришлось нового искать.

– За балком куда будем заезжать?

– Хватился. Пока ты вчера с бабой прощался, я и балок и трелевочник на место отогнал.

– Так позвал бы.

– Сам управился.

– А как твоего начальника зовут?

– Он не начальник. Он субподрядчик. Предприниматель. Находит заказчика и организует процесс. Мы валим лес в тайге и вытаскиваем к дороге, а другая бригада грузит и вывозит.

– Не маловато ли двух человек для валки?

– На двоих проще делить, чем на троих или четверых.

– А твой предприниматель, случаем, не кинет нас?

– Гарантировать в наше воровское время никто не может, но я с ним четвертую командировку, пока расплачивается честно. Сколько себе оставляет, не спрашивал. – А помолчав, добавил: – И тебе не советую.

– Ясно, что не меньше, чем нам.

– Так у него и работа рискованнее.

На дорогу от города потратили около двух часов. С асфальта свернули на грунтовку, потом ползли по лесной дороге, и около километра пришлось идти пешком, обходя глубокие лужи в разбитой колее. Балок и трелевочник стояли в кустах, с дороги их было не видно. Михал Иванович открыл замок и вытащил из балка бензопилу «Урал» с присохшими опилками и бачок с бензином.

– Когда работал в леспромхозе, у нас были «Дружбы».

– Эта мощнее, но все равно тяжелая. Лучшего мы пока не заслужили. Так что переодевайся и, как говорил Никита Сергеевич Хрущев, обещающий, что мы будем жить при коммунизме, – «За работу, товарищи»!

– Может, перекусим перед трудовым подвигом?

– А у тебя есть готовое?

– Курица, жена в духовке запекла.

– Доставай, а я пока чаек соображу. Готовить будем на костерке, а то потом в балке не продохнешь.

Несмотря на медвежью громоздкость, Михал Иванович двигался ловко и все делал аккуратно.

– А баба-то у тебя заботливая, вон какой тормозок сочинила.

– Так в деревне воспитывалась. Она и молоденькой картошечки положила, вечером сварю.

– Молодой картофан обожаю.

Выпили по кружке чаю, перекурили. Михал Иваныч поднялся, молча кивнул ему на трактор, а сам направился к пиле.

– Я тут осмотрелся, а делянку-то наш предприниматель выбрал не лучшую. И тонкомера полно, и коряжника.

– Есть такой анекдот: мальчик подходит к милиционеру, протягивает грецкий орех и говорит: «Дяденька милиционер, раскуси, пожалуйста». Милиционер раскусил, мальчик сказал спасибо, убежал, а через пять минут возвращается с другим орехом. Милиционер и его раскусил. А когда мальчик принес третий, говорит ему: «Что ты по одному таскаешь, неси все сразу». А мальчик отвечает, что на помойке они кучкой не лежат.

– А мальчик здесь при чем?

– И нам тоже придется на помойках искать. Там, где на халяву или подешевле.

– Теперь понял – фирма «воруйлес».

– Теперь все воруют в меру возможностей, и Ельцин лозунг выдвинул: «Обогащайтесь кто как может». Только приехали мы сюда не философствовать, а мантулить.

Дело было несложное и знакомое с молодости. Цеплял тросом десяток шестиметровых баланов, залезал в трактор, тащил их на площадку, отцеплял и возвращался за новой порцией. Когда трудился в леспромхозе, без нужды из трактора не вылезал. Волохал трос и зацеплял баланы чокеровщик. А здесь все приходилось делать одному. Зацепил, залез в трактор, отвез, вылез из трактора, отцепил. И так – с утра до вечера день за днем. Хорошо, что с вальщиком повезло. Баланы после Михал Иваныча лежали ровно, без поперечин и углов. Коряжник он или пропускал, или брал из него по одному балану. Вершинник оставлял, так его и раньше бросали не только шабашники. Леспромхозовских вальщиков хватало часов на шесть, а он держался до восьми, случалось, и от девятого прихватывал. Хотелось предложить перекур, но самолюбие не позволяло. Вечером готовили ужин и сразу засыпали. Разговаривать Михал Иваныч не любил. Никола даже не знал, женат ли напарник и откуда родом.

Работы оставалось на два-три дня. Уже нестерпимо хотелось увидеть Галку с Анюткой – чувство, подзабытое за годы городской жизни, когда не отлучался из семьи. Как в молодости, в конце охотничьего сезона. Не видел своих какие-то две недели, а казалось, что целый год.

Дождь пришел не ко времени и не к настроению. Сначала брызгал меленький, и они продолжали работать, но быстро промокли и убежали сушиться в балок. Надеялись переждать, но он разошелся и не хотел останавливаться. Пришлось устраивать ранний ужин, после которого Михал Иваныч прилег отдохнуть и сразу же захрапел. Дождь лил всю ночь, а с утра приступился еще сильнее. Михал Иваныч, подобно своему таежному тезке, впал в спячку. В обед спустил ноги с лежака, открыл банку тушенки, запил холодной водой и снова завалился лицом к стенке.

В балке стало душно. Он приоткрыл дверь, но брызги залетали на пол. Пришлось мириться с духотой. Думал, что не заснет, однако усталость еще не выветрилась. Проснулся на рассвете. Дождя было не слышно. Михал Иваныч оставался в той же позе. Не надевая брюк, чтобы не мочить их о сырые кусты, сунул ноги в сапоги и пошел искать сушняк для костра. На лежавшей чуть в стороне от трактора спиленной верхушке сосны сидел бурундук и смотрел на него. Любопытный и доверчивый. Вспомнил, как в один из сезонов такой же полосатый сосед прижился возле его избушки на целый месяц. Подпускал к себе так близко, что при желании можно было поймать, но желания не возникало, боялся, что зверек испугается, а если не давать волю рукам, можно полюбоваться и даже поговорить. Он сделал шаг к нему, но бурундук спрыгнул с ветки и пропал из виду. В надежде снова увидеть полосатого сделал еще шаг. Наступил на мокрый ствол, нога поехала и провалилась между ветками. Его повело вбок, но

удержался, не упал. Осмотрелся – бурундука не было. Стал освобождать ногу и почувствовал резкую боль. Наступать уже не мог. Прыгая на одной ноге, добрался до балка, но надо было как-то одолеть две ступеньки. Крикнул Михал Иванычу, тот не отозвался, спал. Присел на ступеньку, огляделся. На костровище лежала недогоревшая ветка, годная чтобы опереться, снова пришлось прыгать, каждый скачок отдавался болью. То, что у него перелом, а не вывих, он уже не сомневался. Пока добирался до топчана, о работе не думал, но стоило лечь, и в голову сразу же ударило – как быть дальше?

Михал Иваныч осмотрел ногу и с безразличностью спросил:

– И какого ляда тебя туда понесло?

– Отлить вышел, – говорить о бурундуке не решился.

– Мог бы и с порога, – покачал головой, хмыкнул и снова покачал, словно прикидывая что-то в уме. – Подвел ты меня, паря, ты представляешь, сколько мне теперь одному кувыряться: навали, потом залезай в трактор, таскай и снова вали. Ни в какие графики не лезет. А люди-то ждут.

Он все понимал и виновато соглашался:

– Подвел. Подвел и меня и себя. Процентов тридцать, считай, потерял. – Подумал и утвердил: – Верных тридцать процентов. Да и с тобой надо что-то делать. Сейчас вырублю тебе костыль, доковыляем до машины, вывезу тебя на трассу и лови попутку до города.

И возразить нечем, не тратить же на него рабочий день. Действительно, подвел. Хотя штрафной процент мог бы и снизить.

– Адрес напиши, или у тебя визитка при себе? – и хохотнул, довольный собственной шуткой.

– Откуда?!

– Да кто тебя знает, может, ты шпион.

– Так я предпринимателю твоему адрес давал.

– Пусть и у меня будет.

Чистой бумаги не нашлось, записал на обрывке газеты. Дал и адрес, и телефон. Михал Иваныч вложил бумажку в паспорт, потряс им перед его глазами и спрятал в карман.

– Как только расчет получим, сразу привезу. Но тридцать процентов, извини, сам виноват, подвел ты меня. И сегодня полдня теряю.

Свой адрес дал, а его – не попросил, подумал, коли честно предупредили о штрафе, остаток должны выплатить. Через десяток дней подползло беспокойство. Если даже Михал Иваныч будет работать в три раза медленнее, все равно должен закруглиться. Каждый звонок в дверь заставлял хватать костыль, но гостя с деньгами почему-то не было. Прождал еще неделю.

У Анютки появился ухажер, крепкий парнишка, играющий в регби. Жили в одном доме, Витек учился на два класса старше, и когда девчонка подросла, безжалостно отваживал всех ее воздыхателей. Характер у нее был дедовский, сначала ей не нравилась излишняя напористость, гнала парня, но постепенно обуздала и полностью подчинила себе. Витек был рад потакать любому ее капризу. И ей стало нравиться, что у нее в услужении не просто самый здоровый парень во дворе, но еще и спортсмен, который ездит по всей стране и привозит подарки, на зависть подругам.

Попросил дочь, чтобы привела жениха в гости. Витек пришел к обеду, но есть отказался, поскромничал.

– Ты машину водишь?

– Конечно, – обиделся парень.

– Не испугаешься без прав на моей свозить за город?

– Почему без прав, у меня есть права. И зачем на вашей, у меня своя во дворе стоит.

– Какая?

– Пока жига.

- Откуда?
- По доверенности, товарищ отдал, она ему не нужна. А куда ехать?
- Меньше сотни километров, но асфальт не до конца.
- Там, где лес воровали?
- С чего взял, что воровали?
- Я что, совсем наивный?!
- Когда сможешь?
- Да хоть сейчас.

Вел Витек уверенно, как опытный мужик. Доехали быстрее, чем с Михал Ивановичем. Когда начались глубокие лужи, он велел остановиться. Ни трактора, ни бензопилы не было слышно. Стал вылезать из машины, но парень остановил:

- Ну, куда на костылях! Покурите, а я быстренько сбегаяю, не заплутаю небось, дорога-то одна. – Он вышел из машины и достал бейсбольную биту.
- А это зачем?
- На всякий случай.
- Ты что, заранее запасся?
- Товарищ в багажнике возил, а я не стал выбрасывать, вещь денег стоит.

Ходил Витек, наверное, не очень долго, но пока ждал, извелся. Понимал, что надежды нет, а прислушивался, вдруг заработает трактор. Но в лесу было тихо, разве что ворона села на дерево и закаркала.

- Ну, чего привязалась? Как, как – хреново, вот тебе и «как».

Зря гонял парня.

– Ни балка, ни трактора, ни бревен – все увезли. Уехал цирк, – отчитался Витек, – только вот что я нашел там, где балок стоял. – И протянул пистолетную гильзу. – Случайно заметил, я даже поискал, нет ли трупешника. В буреломе, что вы наворочали, соваться не стал, чтобы ноги не поломать, но по краям посмотрел. У него пистолет был?

– Да я откуда знаю, – выматерился и как можно бодрее предложил: – Поехали домой, самогонку пить.

- Да я же крепкое не пью, только пиво. Может, на «биржу» заглянем?
- А толку?
- На всякий случай.

Заглянули – бесполезно. Потом заезжали и караулили с утра до обеда.

Пропали денежки.

- Вот тебе и тридцать процентов. Лихо успокоил и обнадежил.

Но Витька зацепило. Спортивный азарт разыграл. Попросил описать внешность жуликов, чтобы съездить еще раз. Михал Ивановича обрисовать легко, такого и в толпе не перепутаешь. А предприниматель – ну, в джинсовом костюме, сухопарый, среднего роста – да мало ли таких? Три дня отдежурил на «бирже», Михал Иванович не объявился.

– Не все потеряно. Пацанам, у которых есть знакомые среди торгующих лесом, передам приметы. Если найдут, они не только штрафные проценты спишут, в двойном размере заплатят. Но откуда эта гильза? Что хочешь, то и думай.

Слушал и удивлялся, откуда у парня такая хватка? Неужели будущий зятек из тех крепких ребят в спортивных костюмах? И догадывается ли об этом Анютка?

* * *

Искать работу на костылях – занятие бесполезное. Спустился во двор поиграть в карты. Компания была постоянная. Удивились, почему долго не показывался, а чего удивляться, если человек на костылях?

– Теперь тебе, хромоту, прямая дорога в сапожники, – пошутил Сашка Сорокин, забудыга из их подъезда.

Сашка работал в обувной артели, но пил, и его постоянно выгоняли оттуда, а потом звали назад. Видимо, мастером был действительно неплохим, сам-то он считал, что равных ему – два-три человека во всем городе, самое большое – пять.

– А что, у меня дедушка сапожничал, кое-чему научил. Чирки могу сшить.

– Чирки? Что за модель и почему я не слышал о ней?

– Деревенская обутка, кстати, очень удобная и практичная.

– Чирки – это, конечно, высший пилотаж. После них сшить дамские сапоги – раз плюнуть.

– Дамские сапоги – не пробовал. А ты научи, авось и получится.

– Ну, наглец. Ты хоть представляешь, сколько материала надо извести, чтобы научиться? А кожа нынче дорогая. Хром еще дороже.

– Да и сапоги недешевые. И нет их в магазинах, только на барахолке. У моих девчонок совсем разбитые. Галкины, ладно, сам подлатал, а дочку в латаных не отправишь, невеста уже.

– Сам, говоришь, подлатал? А ну-ка, покажи.

– Что я тебе – на костыле побегу за сапогами? Приходи, если покритиковать хочется, дома покажу.

И Сорокин пришел через день, знал, что нальют хорошей самогонки. Но для солидности изобразил профессиональный интерес, попросил показать заплатку на сапоге. Осмотрел, посетовал, что цепляться за подгнившие края очень трудно, и это звучало как похвала.

– Руки у тебя умные, могу взять в ученики, если вступительный взнос нальешь. Только не казенную, а ту, которая на травках настоящая. – И, увидев бутылку, добавил: – И огурчики твоя Галя хорошо солит, лучше, чем моя городская супруга.

После третьей рюмки разговорился.

– На костылях даже при моей рекомендации могут не взять, но первые уроки я тебе на дому проведу. У меня дома все оборудование: и машинка заводская, и фурнитура любая, и хром высшего качества. А начнешь самостоятельно хромать, отведу к начальству, зарплата у нас небольшая, а зарабатывать можно хорошо, если руки нормальные. Хотя и безрукие тоже зарабатывают.

– Воруют, что ли?

– Не совсем. Химичат. Сапоги, которые шьем по заказу для передовиков производства и прочих профсоюзных деятелей, наши тетки из Дома быта через родственников сплавляют на рынок. Нам начисляют за пару семь рэ, они толкают барыгам за семьдесят, а те – уже в зависимости от спроса. Я, из любопытства, заглядывал на базар. Стоят мои, родненькие, свою-то работу завсегда узнаешь. Где справедливость? Так и вынуждают нарушать Кодекс строителя коммунизма.

Когда сменил костыль на палку, Сорокин отвел хромого в мастерскую и устроил своим учеником – «посадил на липку». По плану мастер должен был сдать двадцать пар, а через полгода больше половины плана Сорокина приходилось тянуть ему. Левые заказы у великого мастера постоянно переходили в загулы, а загулы заканчивались болезнью и трясущимися руками. Но обойтись без учителя он не мог, потому что колодки, каблуки, хром и прочую фурнитуру добыть самостоятельно не хватало связей, да и жалко было мужика. Пахал за двоих. Это большое начальство постоянно жалуется, что вынуждено работать круглые сутки. Сапожник круглые сутки работать не может, ему обязательно надо поспать, чтобы руки уверенность не теряли и глаза не мутнели от клея, иначе брак пойдет, а платить за материалы из собственного кармана приходится, опять же в отличие от большого начальства, у которого за брак платит государство.

Поначалу без промашек не обошлось, но приноровился. Сдавал два плана и выкраивал время, чтобы мать с тещей переобуть и Галку с дочкой. Анюткины сапоги вышли на загляденье, и нога в них пряталась, как в раю.

А Сорокина все-таки уволили – не за прогулы и не за левые заказы, за которые можно было гнать любого мастера. Приперся пьяный на работу, попросил у приемщицы денег, а та пожадничала, и понесло мужика. Выказал, как пристраивает она сапоги своим знакомым, а те несут их на барахолку. Раскричался на всю мастерскую, не обращая внимания на заказчиков, резал правду-матку о всех махинациях. Такого простить не могли. Даже среди своих нашлись особо ретивые, чтобы угодить начальству. Заступаться за учителя было бесполезно, но камня в него не бросил. Тем более что перед этим попался сам. Пообещал сестре помочь с ремонтом. Ее умный муж ничего не умел делать по дому. Взял на три дня отгулы и с утра до ночи кроил и клеил плитку на потолки. А в это время в мастерскую нагрянула комиссия. Открыли его стол и обнаружили четыре неучтенных пары. Составили акт. Оправдываться было противно и стыдно. Простили на первый раз как мастеру, которому можно доверить «особый эlegant» из белого хрома, к тому же и план сдавал регулярно.

Заводскую сапожную швейную машинку урвал при случае, через главного механика обувной фабрики, когда те после хитрой приватизации без лишнего шума распродавали оборудование. Новенькая досталась, целый день подходил любоваться. И обошлась примерно в двадцать пар сапог. Но сапоги сносятся, а своя машинка останется надолго. С таким сокровищем можно было организовывать семейный подряд. Галке доверил машинку, Анютку назначил главным модельером, а сам затягивал в готовые сапоги все, что помощницы накроили и сшили. Кроме того, приходилось мотаться по городу в поисках сырья. Узнал от Сорокина, что на алюминиевом заводе организовался кооператив по литью пряжек. Съездил, закупил по дешевке большую партию, поделился с Сорокиным, но себе осталось столько, что Анютка смеялась, как бы не пришлось эти пряжки передавать по наследству ее детям.

Случались клиенты, которые выходили прямо на него, но без перекупщиков не обойтись. Самому торговать было стыдно и девчонок впрягать не хотелось, жалел. А барыги наглели. Сбивая цену, канючили, дескать, слабо покупают. Уступал. Со ста семидесяти снизил до ста пятидесяти. Потом решил проверить. Послал Анютку прицениться к своим же сапогам. Торгаш запросил двести пятьдесят. Почти в два раза наварил. Пришлось искать нового купца. Через неделю барыга позвонил, поинтересовался здоровьем, обрадовал, что рынок налачился, готов брать по сто восемьдесят за пару. Скандалить не стал, сослался, что подвернулся новый посредник, даже извинился. А тот, конечно, все понял. Барыги народ догадливый.

* * *

Он сидел в цветных ситцевых штанах и в фартуке, когда Анютка привела ему гостя.

– Вот, папа, человек, говорит, что из вашей деревни, только на деревенского не похож.

– Почему из вашей? – засмеялся гость, – Ты вроде тоже в нашей деревне родилась. Нехорошо отрекаться от родины.

– Я не отрекаюсь, просто с языка сорвалось, – смутилась дочь, разглядывая представительного мужчину.

– Тулуп, ты, чё ли?

– Я! Овчинников Николай Павлович собственной персоной.

– Встретил бы на улице – мимо прошел.

Лукавил, конечно, глаз-то цепкий. Хотя изменился сильно. Считал, что он обязательно растолстеет, девчонки в школе Пончиком звали, а он подобрался как-то, ни живота, ни второго подбородка, даже подросток. И одет солидно – двубортный серый костюм, галстук, очки, впрочем, очки он и в школе носил.

– А ты ничуть не изменился, а прикид вообще зашибись. – Открыл портфель и выставил бутылку. – «Хенесси» будешь?

– Буду, хотя и предпочитаю самогонку.

– Это почти одно и то же.

– А я вас в универе видела. Вы к нашему декану приходили, – встряла Анютка.

– Учишься там? Филолог?

– Обижаете, математик.

– Молодец, коллега.

– Слушай, математик, иди-ка на стол собери, нам с дядей Колей обняться надо, столько лет не виделись.

– Однако не меньше двадцати.

– Вижу, в большие люди выбился.

– Есть немного, но не в самые большие.

– Погоди, я слышал, ты в ученые подался?

– Подался, а потом за место под солнцем бодался. Диссертацию быстро защитил, самый первый из выпуска, и остался в универе преподавать. Докторскую написал, но тебе это, полагаю, неинтересно.

– Почему же, рассказывай.

– Долгий разговор. Короче, написал свою докторскую, но не защитил.

– Не пропускали?

– Скажем так, тормозили. Стандартная история. Не я первый, не я последний. Потом перестройка грянула. Для защиты деньги понадобились, а где их взять? Те, что отец оставил, царствие ему небесное, инфляция сожрала. Помнишь то время, сам, наверное, пострадал?

– Кто его не помнит. Больших запасов у меня не было, но все-таки шибануло.

– Всех шибануло, кроме торгашей и хозяйственников, которым было что прихватизировать и продать. А что может продать преподаватель универа? Зарплату нам все-таки платили, но нищенскую. Представляешь, «челноком» в Китай смотался, но и там «кинули».

– Прошу к столу, дорогие гости, выпивайте, закусывайте, вспоминайте. – Анютка явно кокетничала с Тулупом, старалась произвести впечатление на влиятельного человека. Такой свою хулиганистую дочь он еще не видел. Девчонка превращалась в женщину.

– Накрыла и шагай к своему вязанию, не мешай мужикам материться.

– А ты разве умеешь?!

– Остроумная девушка, – засмеялся Тулуп, – ну ладно, давай за встречу.

– Кстати, а как ты меня разыскал?

– Я разве не сказал, что в администрации губернатора подвигаюсь.

– Ничего себе! Уж не замом ли губернатора?

– Можно сказать и так, а если точнее, замом зама. Поэтому адрес нашел без проблем.

– А как Юлия поживает? Деревенские говорили, что вы поженились.

– Был такой период. Со школы дружили, сам знаешь, но на третьем курсе она сошлась с актером из ТЮЗа, хорошо еще не из кукольного театра. Богема засосала. Зарабатывают провинциальные актеры гроши, перспективы, что заметят киношные режиссеры, мизерные, а самомнение огромное. К тому же, по ее словам, психопат был и дикий ревнивец. Когда устала, пришла ко мне. Я к тому времени к защите созрел. Три института сватали, но дело не в этом, не выгоды она искала. После актера ей покоя хотелось. Мы даже расписались. Я о сынишке мечтал. А она или не могла, или не желала. Но я готов был терпеть. Защитился, стал прилично, по тем временам, зарабатывать. И она востребована. В город фирмачей понаехало. Красивая женщина с тремя языками нарасхват. Жаль, китайского не знала, на китайца она бы не польстилась. Но американец уболтал, уехала в Штаты, на родину любимого Хемингуэя. Три года в Чикаго прожила. У нее, как по тарифу, – на каждого мужика ее хватает только на три года.

В Америке, вот уж чего не ожидал, возненавидела избыточный американский патриотизм и стала русской патриоткой. Но хватит об этом. Когда в Штаты улетела, я даже запил.

– Ты вроде как противником был?

– Я и сейчас противник. А тогда запил. Месяц дурил, но не мое это, и одноразовые бабы – не мое.

– Один, чё ли, живешь?

– Когда Юлия в Германию перебралась, женился, сынишка растет. Балбес балбесом. И хватит обо мне. Ты что, как выбрался из деревни, все время сапожничаешь?

– Сначала на заводе работал. Теперь закрыли завод.

– Наломали дров, энтузиасты хреновы. Я, собственно, по делу приехал. На рыбалку не хочешь слетать?

– Куда, на Ангару?

– Нет, на Фатьяниху.

– Не слышал о такой. Далеко?

– Под Туруханском.

– Далековато и дороговато.

– Не беспокойся, фирма платит за все. Главное, чтобы ты согласился.

– Согласен, а когда?

– Дня через три. Проясняю ситуацию. Московский профессор сделал операцию матери моего шефа и в качестве гонорара просит организовать рыбалку. Нужен опытный и неболтливый человек. Лучшей кандидатуры, чем ты, я придумать не мог. Но у шефа отыскался дальний родственник по линии жены, бывший геолог, у него и лодки есть, успел заныкать, когда в хозяйстве раздрай пошел. Он, кстати, и речку предложил, гарантировал тайменей.

– На рыбалке гарантировать нельзя, – усмехнулся он не без ревности к незнакомому геологу.

– Это ваше дело, я не специалист. Вопрос в другом. Выяснилось, что профессор оперировал в Швеции, и ему подарили какие-то дорогие снасти, хочет опробовать их в Сибири. Но снасти в Москве. Поэтому вызвал ассистента, чтобы тот привез их. На мой взгляд, каприз, а приходится ублажать. Троим в лодке тесновато, для комфорта потребовался второй экипаж. Вторым Дерсу Узалой будешь ты.

– Я не гордый, согласен и на третью роль.

– На речку вас забросит вертолет. Порыбачите, потом туруханцы выдернут вас в Верхне-Имбатск, там пересядете на катер. Профессору, видите ли, Енисей хочется посмотреть. Дойдете до Бора, а оттуда на вертолете в город. Он сначала хотел до Красноярска доплыть, но мы обдумали, сказали, что две недели скучать придется.

– Оно и так на пару недель растянется.

– И я про то. А катер не туристический лайнер. Да и в лодке, полагаю, не очень комфортно для избалованных москвичей. С ума сойти можно. Лично я ни за какие шанежки.

– Тебя и в деревне с дивана без бульдозера не скovyрнуть было, а после городской жизни и подавно.

– Речь не обо мне. Твой бизнес не пострадает?

– Ково там! Работы почти не стало. Сапог в магазинах полно.

– А чего за нее держаться? Давай к нам устрою, в администрацию.

– Кем? Ботинки вам чистить?

– Зачем? Хозяйственным рабочим. Столяром, например. Будешь ремонтировать все, что ломается. Зарплата меньше, чем у губернатора, но регулярная.

– А я возьму и соглашусь. Тогда что будешь делать?

– Сейчас поздновато, и выпили уже, а завтра с утра напишем заявление и поставим первый рабочий день. А рыбалку оформим как производственную командировку.

Самое удивительное, что и заявление подписали, и командировку выписали.

* * *

Тулуп провожал их на джипе. Заехал на территорию порта и подогнал машину прямо к вертолету. Человек из администрации, видимо, имел право. После погрузки отозвал его к джипу.

– От родственничка разит, хоть закусывай. Ты будешь за старшего. Пойдешь в лодке с профессором, ассистенту и геолог подойдет. С москвичами поаккуратнее, гонор попрдержите, продемонстрируйте легендарное сибирское гостеприимство во всей широте. Я пару литров поставил в коробки с едой. Надеюсь, в первый день все не выжрете, – подошел к гостям и пожелал «ни хвоста ни чешуи».

В вертолете он летел в первый раз и боялся опозориться. Кто-то из друзей пугал, что выворачивает наизнанку страшнее, чем в Ан-2. Но оказалось не так и страшно. Геолог прилег на мешки с лодками и заснул. Гости прилипли к иллюминаторам. Все молчали, знакомство сдвинулось на удобное время. Когда под ними завиляла речка, геолог перебрался в кабину, чтобы выбрать место для посадки. Приземлились возле воды. И вверх и вниз по реке лежало широкое плёсо, почти без течения. Берег был ровный и сухой. Разгружались при работающих двигателях. Мешки и коробки сбрасывали под крутящимися лопастями, вжимая головы в плечи. Геолог задержался в кузове для проверки, потом спрыгнул на землю и приказал лечь на барахло, чтобы ветер от винта ничего не унес в воду.

Помахали вслед улетающему вертолету и начали знакомиться. Профессора звали Юрием Федоровичем. Невысокий мужичок в потертой куртке, похожий больше на деревенского жителя. Зато его ассистент Василий прилетел в модной кожанке, видимо, для рыбалки ничего попроще не нашел. Холеный брюнет с голубыми глазами. Самоуверенная вальяжность не то чтобы подсказывала – кричала о его успешности. Рука у него была мягкая и вялая. Геолога звали Геной.

– А я думал, что сибирские геологи все бородатые, – сказал Василий.

– По молодости в поле запускал, да она у меня реденькая, чего народ смешить.

– Как у телушки на пи...шке, – хохотнул Юрий Федорыч.

Гена, пропустив обидную шутку, поднял руку.

– Господа браконьеры, поздравляю с высадкой на берег одной из красивейших речек Сибири.

– Почему браконьеры? – возмутился ассистент.

– Потому что у нас все нормальные рыбаки – браконьеры, кроме рыбнадзоровцев, ментов и партийных работников, или... как их теперь обзывать. Дело в другом – благополучное прибытие надо отметить, чтобы и обратная дорога не подкузьмила.

Геолог достал из кармана фляжку и протянул профессору. Тот отказался. Ассистент последовал примеру старшего товарища. Никола понял, что Гена затеял ритуал не из жадности опохмелиться, выпить он мог и в вертолете, пока гости глазели на пейзажи, мужик хотел показать характер. Не поддержать Гену было бы предательством, что бы там ни наказывал Тулуп.

– Теперь второй вопрос, – продолжал геолог, завинчивая крышку фляжки, – здесь рыбы нет. Плёсо кончается за поворотом и начинается длинная шивера, там настоящая рыбалка. Можем накачать лодки и двинуть туда, но пока навьючиваем груз, пока плывем по медленной воде, пока выбираем место для табора, времени на рыбалку почти не останется. А здесь сухо и дрова рядом. Выбирайте. Как скажете, так и будет.

– А змеи здесь есть? – спросил Василий.

– Здесь точно нет, а дальше могут быть.

Все смотрели на профессора.

– В Горыныча мать, без бабей ночевать. Здесь остаемся. Васька, ты буржуйскую пилу не забыл?

– Как же я забуду! Вы же изматерите и пешком в Москву отправите.

– Дай Николе дров напилить и чурбачков нарезать, чтобы у костра посидеть, коли рыбалка срывается.

Ассистент долго рылся в куче выгруженных из вертолета вещей и наконец-то принес футляр с бензопилой. Таковую красавицу держать в руках еще не приходилось. Не то что наша «Дружба» или «Урал». Легонькая, как детская игрушка, не терпелось быстрее заправить ее и бежать в лес пилить чурбачки для профессорской задницы. Геолог занялся палаткой, а он пошел искать дрова. Остановился у первой попавшейся на глаза валежины и опробовал пилу. Не работала, а пела. Под горячую руку навалил столько, что за неделю не сжечь. Заодно при-
смотрел и тоненькие березки на шесты. Тоже спилил. Гена успел поставить палатку и накачи-
вал лодку. «Лягушка» насоса тяжело вздыхала под его ногой, а ссохшийся ниппель трескуче попердывал.

– Больше года не пользовался, но дома проверил. Нормальные лодки, не травят.

– А где москвичи?

– По берегу пошли, не терпится.

– Да я и сам бы не вытерпел, – хотел пожаловаться, что давно не был на рыбалке, но вдруг услышал вопль.

– Попалась! Поймал! – К ним бежал Василий и тряс над головой рыбиной. – А некоторые асы уверяли, что рыбы здесь нет. Для вас нет, а я поймал.

– Так это же щука.

– А щука разве не рыба?

– Сорная. Настоящая ждет нас в шивере.

– Лучше синица в руках, чем журавль в небе, – бросил щуренка им под ноги, – почистить надо, а я побежал еще ловить.

– Почистить ему. Поймал, пусть сам и чистит, – проворчал Гена, продолжая давить на «лягушку».

– Не обращай внимания. Меня просили не обижать их.

– Я и не обижаю, терплю.

Гена спустил лодки на воду и стал перетаскивать в них вещи. Фляги ставил с особой тщательностью. Он предложил помощь, но геолог отказался.

– В шивере потрясывать будет, надо понадежнее навьючить, чтобы не растерять. Занимайся костром.

Никола перетаскал дрова к костру, попилил их, нарезал чурбаков для сидений. Ошкурил четыре шеста.

– А зачем четыре? – засмеялся Гена. – Ты думаешь, они за шесты возьмутся?

– На всякий случай. Ты покури, а я пойду профессора встречу, помогу рыбу донести.

Он вроде как пошутил, а профессор и впрямь вытащил четыре щуки, и одну из них личную.

– Как думаешь, Никола, на полпуда потянет?

– Запросто, – согласился он, хотя в щуке было не больше пяти кило.

Василий поймал еще одну щучку. Уху варил геолог, не сбивая чешую, порезал рыбу кусками и бросил в котелок. Туда же спустил и промытые потроха. Профессор предложил выпить за почин по 50 миллилитров, и, когда подняли кружки, Василий заявил:

– А что, Юрий Федорыч, получается, что без нашего улова пришлось бы консервами закусывать?

Гена поперхнулся водкой, но стерпел, даже приободрил:

– Между прочим, щуки в горных речках намного вкуснее, нежели в равнинных, потому что вынуждены питаться исключительно хариузом и ленком.

Наливая уху в чашку, Василий увидел чешую на куске рыбы, закричал на Гену:

– Ты что, совсем одурел, почему рыба в чешуе? Вот она, русская лень-матушка.

– Я всегда так делаю, для наваара, а чешуя легко снимается вместе с кожей. – Он достал кусок рыбы, легко снял кожу и бросил в костер. – Видишь, все просто, юшка чистая, настоящая рыбацкая уха. А наутро будет отличное заливное плюс ко всему.

Гена с Василием отчалили первыми. Профессор дошел до лодки и почувствовал, что сбилась портянка. Пока возвращался к чурбачкам, чтобы сидя переобуться, пока пытался выловить шальную щуку, сыгравшую на середине реки, более расторопные снимали сливки с шиверы. Гена с удочкой стоял на камнях, а Василий махал спиннингом чуть впереди. Словно по заказу, Гена выворотил здорового черного хариуса у них на глазах. Профессор схватился за спиннинг, но берег был завален курумником, и он причалил метров через двести, к мелкому пологому галечнику. Помог выбраться профессору из лодки, показал, куда бросать блесну, объяснил, что в буруны кидать нежелательно, а таймени стоят под камнями. Катушка у москвича была безинерционная, импортная. Не без удивления отметил, что со спиннингом управляется он уверенно и умело. Блесну кладет туда, куда направлял. Первого хариуса поймал не сразу, нервничал и слишком быстро крутил катушку, опасаясь зацепа, зато, когда взялся, вывел спокойно, дав глотнуть ему воздуха. Перед тем как опустить рыбину в кан, который уступил ему Гена, взвесил ее на руке и, довольный собой, выматерился. При следующей поклевке удилище согнулось в дугу, а потом резко выпрямилось. Профессор выматерился вслед ушедшей рыбине, и матерок был по-прежнему восторженным. Сам Никола начал бросать только после того, как профессор один за другим выловил двух ленков. Сделал несколько бросков, но поклевки не было, а профессор не мог налюбоваться своими ленками.

– Красавцы, почти как форель!

– Не знаю, форель у нас не водится.

– Зато у вас таймени. Надеюсь, повезет.

– Куда они денутся. Шивера не последняя. Потом и парочка порогов будет, Гена карту смотрел. Вы идите первым, а я следом, на зачистке.

Далеко профессор не ушел. Блесна все-таки зацепилась. Надо было помогать. Попытался забрести в воду, но рано началась глубина. Велел держать леску внатяг и побежал за лодкой. Подплыл со стороны реки, подцепил леску шестом, и блесна, застрявшая в донных камнях, освободилась.

– Спасибо, Никола, блесенка дорогая, за валюту покупал, и уловистая оказалась. А ты что, ни одной не поймал?

– Не берет пока, не беспокойтесь, успею.

– Ну-ка, покажи снасть. – Осмотрел, крутнул пальцем катушку. – «Ленинградская», если бы ты знал, сколько «бород» я на ней сделал, распутывать никаких нервов не хватало. У меня запасная буржуйская в коробке лежит, хочешь попробовать?

– Спасибо, я к своей привык.

– И блесна прям-таки на акулу. – Достал из кармана пластмассовую коробочку, покопался в ней и протянул желтую блесенку. – Дарю.

– Да не надо.

– Бери, не стесняйся. У меня целый арсенал, из каждой поездки привожу.

Было неудобно. Только глаз-то загорелся, захотелось попробовать. Пока стояли, к ним подошел Василий. Профессор при нем вывалил рыбу в лодку. Показал на ленков.

– Смотри, какие красавцы!

– Вы бы видели, сколько этот крокодил Гена наворочал. На простую удочку, даже без червей, на какую-то обманку, «мушкой» называется.

– Хариусы?

– И ленки тоже. Один даже крупнее ваших. Говорит, что и таймешонка поймал, но в речку выпустил, маленький якобы. Может, и наврал.

– Маленьких таймешат положено отпускать, пусть растут и плодятся.

– А маленькие – это какие? – любопытствовал профессор.

– Где-то до трех кило.

– Не слабо. – И предложил подождать, пока Гена подгонит лодку забирать Василия, чтобы посмотреть на его ленков. Присаживаясь на камень, подстелил куртку.

– Простату надо экономить.

После шиверы началось длинное мелкое плёсо. Никола толкался шестом, а профессор, сидя на носу, кидал блесну, но никто не брал, даже щуки. Под лодкой просвечивало дно, выложенное ровным замшелым плиточником. Ловить было бесполезно, но разуверять самолюбивого старика не стал. Гену догнали в перекате, но тот махнул рукой, чтобы плыли дальше. Причалил, когда речка сузилась и шест едва доставал до дна. Улова на изгибе реки показалось ему обещающим, отправил туда профессора, а сам решил опробовать «буржуйскую» блесну, не отходя от лодки. На первом же забросе взял крупный ленок. Пока его вываживал, профессор добрался до улова. В надежде, что ленки стоят парами, бросил еще несколько раз. То, что у профессора взял таймень, сначала услышал, а потом увидел, как большая рыба с красным хвостом делает свечки над водой. Побежал помогать. Забыв, что всю дорогу обращался к нему на «вы», начал командовать:

– Помучай его, только не давай слабины, попробуй приподнять башку, пусть воздуха глотнет, отпусти его речнее, коли рвется туда, потом подтащишь, но леску держи в постоянном натяге, а я за ружьем слетаю.

Пока стаскивал полиэтилен, которым Гена укрывал вещи на случай дождя, пока вытаскивал мешок с ружьем... Когда подбегал к лодке, услышал гремучий камнепад профессорского мата. Спиннинг валялся на галечнике, безвольная леска уходила в воду.

– Все делал, как ты велел. Подвел уже, он и сам навстречу ко мне подался, потом резко развернулся – и в реку. И п...ц.

– К берегу рано подвел. У берега он звереет.

– Как думаешь, сколько в нем было?

– Не меньше пуда.

– Мне кажется, больше. Но прочувствовать настоящего тайменя все-таки успел.

– Может, и больше, – не стал разочаровывать и закурил.

– Пять лет назад бросил, но по такому поводу разреши стрелнуть.

– Да ради бога.

– А вот Бога поминать все нежелательно.

Табориться пришлось рано. Василий поскользнулся на камне и сел на задницу, промок до трусов. Пострадали все, кроме Гены. Профессор, как ни осторожничал, умудрился попасть в яму, а сам он черпанул, пока отцеплял блесну.

Гена поставил палатку и спустился к реке обрабатывать рыбу. Никола занялся дровами, соорудил вешала для портянок, развел костер и пошел помогать геологу.

Над водой чувствовался легкий ветерок, а на берегу роилась безжалостная голодная мошка, лезла в глаза, в уши и за ворот рубахи, даже мазь не спасала. Гости постояли возле них, полюбовались уловом.

– Серьезно поработали, – хмыкнул профессор, – жаль, что я своего тайменя упустил. Никола виноват, долго за ружьем бегал. Шучу, конечно. Вася, идем сушить портянки с твоими штанами.

– А Вася-то наш никакой не ассистент, он вообще не медик, – прошептал Гена. – Я его спросил, где работает, начал юлить. Полагаю, что в КГБ. Нормальные люди никогда не скры-

вают, где работают, чего им таиться? Не удивлюсь, если он подгоняет Федорычу подпольных пациентов.

– Я не скрываю, что неделю назад был сапожником.

– Оригинально. Значит, и пить должен как сапожник. У меня фляжка с собой, закуски груда. Интересно, они там что-нибудь готовят? Жрать уже хочется, а работы часа на два, не меньше. Ладно, профессор, ему не только простату, но и руки экономить надо, а Васька мог бы и подключиться.

– Не переломимся, меня просили не обижать гостей.

Про ужин москвичи все-таки не забыли. Василий запек в фольге каждому по хариусу.

– Ну и где ваш стратегический запас? – потребовал профессор. – Надо помянуть моего тайменя.

– Я смотрю, Юрий Федорыч, сибиряком становитесь, – засмеялся Гена и щедро плеснул ему из бутылки.

Перед тем как выпить, профессор перекрестился. Все вешала были заняты одеждой Василия. Поужинав, гости сразу пошли спать, устали с непривычки. Профессора пошатывало. Они с Генкой остались у костра – надо было сварить уху из ленковых голов и подсушить портянки. Допили остатки водки из халявной бутылки, а зажевать не успели: из палатки выскочил ошарашенный Вася и заорал:

– Спасайте Федорыча!

Из откинутаго полога палатки полз вонючий дым. Спальник с профессором вытащили волоком из палатки. Он, полусонный, ничего не понимал. Пытался высвободиться из мешка, но не мог найти молнию. Василий сунул руку в палатку и выкинул дымящийся сапог.

– Кто его туда поставил? – закричал, глядя на Гену.

– Некому, кроме тебя, наши здесь еще.

– Не может быть! – поднял с травы сапог, выдернул обгоревшую портянку. – Как это получилось?!

– Слишком старательно сушил и заботливо в сапог прятал, чтобы за ночь не отволгли. И вообще-то извиниться перед связчиками не мешало бы за ложное обвинение.

Василий не ответил. Осмотрел сапог – в подъеме зияла дыра величиной с кулак.

– Как теперь рыбачить? Не ходить же целый день с мокрой ногой.

– С берега будешь кидать. Или ставь Николе коньяк, может, он и придумает, как тебе помочь.

Утром Никола отдал Василию свои сапоги, отправил гостей с Генкой, а сам остался на таборе. Подъем не самое удобное место для заплатки, проматерился не меньше трех часов. Догонять пришлось долго. Первым увидел Василия. Стоял возле лодки, пытаясь выловить тайменя под скалой.

– Здесь Федорыч с Генкой здоровенных крокодилов вытащили, и у меня хватал, но сошел.

– Если укололся, значит, уже не возьмет. Поплыли дальше. Я возле того берега пару ключей слышал. Гена не проверял?

– Нет, они в боковой приток завернули.

– Давай сплаваем. Сапогами меняться здесь будем или на таборе?

– Лучше здесь. Твои великоваты, тяжело таскать.

Оказалось, что и сыроваты – успел зачерпнуть, но сознаться постеснялся.

Возле первого ключа останавливаться не стали, вдоль берега шла широкая полоса лопухов, бросать блесну да и выводить рыбину, если возьмет, неудобно. Второй ручей звенел громче. В устье образовалась продолговатая чистинка. Попробовал пальцем – вода была ледяная. Пропустил Василия вперед.

– Там должны стоять ленки. К самой воде не подходи и далеко не кидай, в траву попадешь. Они должны стоять под берегом.

Ленок взял с первого заброса. Василий вытащил рыбину к его ногам и нетерпеливо ждал, когда снимут ее с тройника. Бросил – и снова удачно. И так шесть раз подряд. И ленки словно калиброванные. Красавцы, каждый килограмма по три. Василий подтаскивал, он отцеплял. Седьмой бросок был неудачный, блесна улетела в траву. Забрал у Василия спиннинг, попробовал освободиться от зацепа – не получилось. Пришлось пройти вдоль берега и дергать под другим углом. Блесну освободил, но рыбу распугал. Василий попросил поискать новый ручей. Плыли вдоль берега, пока не увидели лодку Гены. Тот вышел из воды, чтобы вывалить тяжелую сетку с хариусами.

– Удачный сегодня день. Главное, что Федорыч трех таймешат поймал, теперь успокоится. А я жрать хочу. Вчерашних печеных хариузей надолго не хватило.

– Я бы тоже подзаправился. Пока Васька хвастается ленками, чайку сгоношим и тушенку разогреем. Двух банок хватит или каждому по штуке?

– Грей четыре.

Когда подошли москвичи, чай был уже заварен и Гена открывал тушенку.

– А это что такое? – спросил профессор, показывая на банку.

– Тушенка.

– Да вы что, мужики, пост еще не кончился.

– Какой пост, он же весной, перед Пасхой? – удивился Гена.

– Августовский. Яблочный. Человеку с высшим образованием надо бы знать.

– Так я же комсомольцем рос. И отец у меня коммунист, на фронте в партию вступил. Да вы и сами, наверное...

– Время такое было.

– Может, китайской лапшички заварить или вчерашнюю уху разогреть?

– Которая из голов? Давай, только греть не надо, заливное поем.

Василий от тушенки тоже отказался. Гена садистски выскреб свою банку у всех на глазах и принялся за вторую.

Обижать профессора не хотелось, и он сказал, что отнесет открытые банки в лодку Гены, но ложку все-таки сунул в карман.

На другой день на хариуса напал жор. Обловили два переката и боковую речку. Шел сплошной крупняк. Черные, каждый под килограмм. А после обеда как отрезало. Гена менял «мушки», профессор – блесны, и все равно не клевало. Чтобы не тратить нервы и время, он предложил искать место для табора. Довольные уловом москвичи радостно согласились. Но берега тянулись сначала болотистые, потом каменистые. А когда припустил дождик, выбирать уже не приходилось. Встали на сухом, но сильно покато месте. В спешке поставили палатку и накрыли ее полиэтиленом. Разжигать костер было бессмысленно. А рыбу солить обязательно, иначе пропадет. Ловили вчетвером, а обрабатывать на пару. Пока солили, промокли насквозь. В палатке переоделись в сухое и выпили по стакану водки – профессор посоветовал.

Утром Гена выскочил на берег набрать воды и с кислой физиономией сообщил, что камень, лежавший вечером на сухом месте, затопило, а дождь не перестает. Надо было одеваться и топать в мокрый лес за дровами. Еще в первую ночь профессор достал из рюкзака литровую банку с крышкой и, если подпирало, журчал прямо в палатке, но в сухую погоду это даже Гену не раздражало, а в дождь нестерпимо хотелось присоединиться к его журчанию, сон пропадал, и – сколько ни крутись – приходилось вылезать из спальника.

После еды профессор достал из рюкзака Евангелие и начал читать им вслух, но света не хватало и книгу пришлось отложить.

– А рыбалки уже не будет, – обрадовал Гена, – вода поднимается. Корму с берегов намыло, рыба разбежалась по всей ширине реки. Ждать, пока спадет, времени у нас нет. Остается молиться, чтобы «вертушка» в срок прилетела.

– А что, может задержаться?

– Запросто. И на день, и на три – в авиации все возможно.

– Тогда будем молиться.

Получилось так, что молитвы профессора достучались до небес. Дождь перестал, они еще и порыбачить успели, хотя клевало слабенько, но, главное, вертолет забрал вовремя и катер поджидал у пристани. Капитан отозвал Николу и сказал, что человек из администрации вышел на связь и попросил, чтобы профессору из Москвы приготовили царский ужин.

– А почему ко мне обращаешься?

– Обрисовал, кто главный экскурсовод. У нас и банька есть, не шикарная, но после тайги сойдет.

– Баньку Юрий Федорыч обожает.

– Первый пар профессору – по чину положено.

– Карьеру сделал. Из сапожников в начальники, – засмеялся Гена, когда остались одни, потом толкнул в бок и шепнул: – Полюбуйся, мужской стриптиз начался.

На палубу выбежал профессор без трусов и крикнул:

– Вась! Посмотри у меня в сумке деревянный крестик, а то золотой грудь обжигает, он в левом боковом кармашке должен быть.

– Видишь, какая глубокая вера, даже в баню с набором крестиков идет, а ты во время поста втихаря тушенку жрешь.

Следующим пошел мыться Василий. Профессор накинул на плечи куртку, попросил стул и пристроился на корме читать вслух Евангелие. Подошел капитан, послушал, но времени у него не было, и он кивком отозвал «главного экскурсовода».

– У нас пара хорошеньких стерлядочек есть, решили подарок гостям сделать, чтобы помнили енисейских речников. Но их на всякий случай разделить надо, дорога впереди длинная. Сам справишься или матроса прислать?

– Справлюсь, дело привычное.

– Сейчас принесу, чтобы от книги тебя не отвлекать. А что за книгу он вам читает?

– Евангелие.

– Вона как! Профессор.

Капитан принес рыбу в мешке и доску. Стараясь не стучать ножом, чтобы не мешать чтению, приступил к делу. Отходы бросал за борт. Сразу же налетели чайки и устроили базар. Профессор с раздражением отложил книгу и, увидев Василия с полотенцем на плечах, крикнул:

– Тащи берданку, я им сейчас покажу.

Стрелять из тозки по мельтешащим птицам приспособиться не просто. И все-таки после пятого или шестого выстрела одна из чаек дернулась в воздухе и упала на воду, потом попыталась взлететь, но не смогла. А сестры ее продолжали свой базар.

– Попал! Молодец, Федорыч!

– Рука крепка и пальцы наши быстры. Учитесь, молодежь.

– Птичку жалко, – криво усмехнулся Гена.

На царский ужин подали стерляжью уху, малосольную осетрину и строганину из налима максы. Осетрина для москвичей не в новинку, пусть и в ресторанных порциях, а на катере можно не стесняться. Но больше всех восторгов досталось максе, которую пробовали впервые. Захмелевший капитан, чувствуя, что ужин удался, осмелел и приобнял профессора.

– Вы, Юрий Федорыч, передайте в свою больницу, что капитан Нестеренко умеет быть благодарным. Работа у нас нервная, от болезней никто не застрахован.

– От триппера, что ли?

– Ну, вы шутник, Юрий Федорыч! И ты, Никола, в своей администрации замолви словечко. Ежели что, всегда готов помочь.

– Никола обязательно замолвит, у него доступ к телу губернатора, – заверил Гена.

Когда вышли на воздух покурить, Василий протянул ему футляр с пиллой:

– Прими, Никола, в благодарность за сапоги и особенно за «аквариум» с ленками. Незабываемое впечатление. И вообще знакомство с настоящим сибирским мужиком – это подарок судьбы. Дарю на память! – обращался к нему, а посматривал почему-то на Гену.

– Насовсем, чё ли?

– Я же сказал, дарю. Видел, с каким вожделием ты на нее смотрел и как ласково гладил.

– Спасибо! – И чуть не ляпнул, что не ожидал такой щедрости.

– Но с подругой своей на рыбалку тебя бы не пригласил – влюбится.

– У меня своя хорошая.

Свободная каюта была одна. В нее поселили гостей. Они с Геной постелили спальные в шлюпке, но ложиться не хотелось.

– Заметил, с каким аппетитом Пидорыч поглощал осетрину, забыв про пост?

– Почему Пидорыч?

– Ну, Федорыч, какая разница. Осетринка, пожалуй, скромнее говяжьей тушенки. И как тебе стрельба по чайкам после чтения священной книги? Ханжество все это, фарисейство.

– Да ладно тебе, нормальный мужик.

– Видел я, как он вставал спиной к реке, сгибался в коленях, словно срать готовился и ждал, когда ты лодку под его задницу подгонишь.

– Пожилой человек. Меня и позвали, чтобы о нем заботился. А кому легко?

– Ваське, наверное.

– Ладно тебе. Добрым парнем оказался, пилу подарил. Если честно, не ожидал от него.

– И я не ожидал. Видимо, легко досталась, если не пожалел. Может, конфискат какой?!

На другой день дул ветер. Стоять на палубе было прохладно. Гости быстро устали от красот Енисея. Осинковский порог их не впечатлил. Василий маялся с похмелья и первый спустился в каюту. Профессора тоже на долго не хватило, забеспокоился, как бы не продуло.

– Пойду подремлю. Могучая, конечно, река, но по Волге плыть интереснее, там берега поближе, деревеньки рассмотреть можно, церквушки глаз радуют – исконная Россия. Насытился экзотикой, хочу на винтокрылую птицу.

* * *

Тулуп лично повел его знакомиться с непосредственным начальником. Маленький кабинет, заставленный по углам коробками, коробочками и рулонами, совсем не казался захлапленным. Угадывалось, что при необходимости хозяин сразу достанет нужную коробку.

– Вот вам, Анатолий Петрович, столяр-краснодеревщик, введите в круг обязанностей – и можете смело запрягать. Вы же сами жаловались, что работы невпроворот.

Дождавшись, когда Тулуп выйдет из кабинета, хозяин, не вставая из-за стола, мрачно выговорил:

– Что же вы, уважаемый товарищ столяр-краснодеревщик, начинаете работу с прогулов? Не успели устроиться – и пропали на две недели.

Уверенный, что командировка была обговорена заранее, он растерялся, не зная, как оправдываться и стоит ли, чтобы не сболтнуть лишнего, но начальник не выдержал игры, засмеялся и шагнул к нему.

– Шутка. Я в курсе, кто тебя рекомендовал и где ты прогуливал. С улицы к нам не попадают.

Первое, что бросилось в глаза: аккуратный серый костюм с жилеткой, ботинки, начищенные до блеска, и очень белые зубы.

– Зовут меня Анатолий Петрович, это если при начальстве, а при работе просто Петрович. Работа у нас такая, забота наша простая. Видел по телевизору, как Рязанов в гостях у Ельцина шуруп задницей почувствовал.

– Я редко смотрю.

– Был такой прецедент. Наш губернатор пока не Ельцин, но подобного не простит. Остальное начальство – тем более. Так что бери по вечерам ключи на вахте, я распоряжусь, чтобы давали, и досконально осматривай мебель, чтобы не шаталась и не скрипела. Мебелишка-то старая, с советских времен. Каждый новый начальник, заняв кабинет, планирует ремонт, а сделать не успевает. Последнее время большая текучка кадров.

Потом провел его в рабочую каптерку познакомить с напарником, но того на месте не было. Краем глаза Никола осмотрел инструмент и удивился, что в таком солидном заведении стамеска в зазубринах, а у молотка сосновая рукоятка в потеках смолы.

– Дедушка где-то по территории ползает, – объяснил Петрович, – он у нас ветеран. Я здесь тринадцать лет, а он раньше меня устроился. Пенсию госслужащего заработал, потому что лишнего не болтает. Пункт из должностной инструкции. Но ты, как мне рекомендовали, мужик надежный. Надеюсь, сработаемся, а если еще и северной рыбкой угостишь...

– Какой базар, завтра же привезу.

Набрал большой пакет отборного хариуса и большой кусман таймешатины положил. Удивил Петровича.

Обслуживали здание человек двадцать, не больше. Электрики, компьютерщики – особые спецы со своим гонором. Напарник Данилыч с ними не дружил, ну и он, за компанию, в друзья к ним не навязывался, даже по имени знал не всех.

– Ты поосторожнее с ними, – предупредил Данилыч, – наверняка кто-то постукивает. Здесь это принято, снизу доверху, интеллигенция, так сказать.

Не верилось. Не привык он к такой осмотрительности в отношениях ни в тайге, ни на заводе. Правда, и народ там был другой. Да и здесь глухого молчания не замечалось. Вечером заглянул в ларек пива выпить, а там парень из компьютерщиков. Сам подошел. Разговорились. Он и просветил, что больше половины обитателей серого дома шарится в рабочее время по сайтам с голыми девицами. Даже дамочки не гнушаются порнухой. Или сидят перед компом с умным видом, а сами пасьянсы раскладывают. Он рассказал про это Данилычу.

– Проверяли тебя. А как парня зовут, не запомнил?

В один из понедельников Петрович позвал к себе и предупредил, что для деликатного поручения. Это означало, чтобы помалкивал. «Уж не связано ли с парнем из пивной?» – подумал он.

– Дождись вечером, когда уйдут из двадцать седьмого кабинета, и врежь новый замок.

– Заедает, чё ли?

– Заедает, и очень сильно. Человека уволили, а он продолжает ходить на работу.

– Может, надеется, что остынут?

– Не остынут. Хозяину донесли. Разорался и велел срочно заменить замок, иначе и меня погонит. Сделаешь, а утром отдашь ключи лично мне. Хочу посмотреть, как он будет возле двери психовать.

Караулил до восьми вечера. Увидел, как запирает кабинет. Солидный с кожаным портфелем и приятным, умным лицом. Ключи на вахту не сдал. Зачем ему эта игра? Важные документы наверняка давно изъяли, секретные копии снимать не с чего. Неужели хочется лишний день посидеть в высоком кресле, но, скорее всего, прячется от жены, не хочет признаваться, что выгнали. Кто их поймет, этих госслужащих! О возможных мелких командировочках Петрович предупредил еще в первые дни. При случае отправлял в квартиры больших (и не очень

больших) начальников заменить кран, повесить картину или мебель передвинуть, и предупредил, чтобы на чаевые ни в коем случае не намекать, а если будут предлагать – отказываться. Да и не шибко-то предлагали. Все эти работы учитывались в премиальных, и недоработки – тоже.

Новая командировка в один день не укладывалась. Требовалось отделать лоджию в новой квартире.

– Тетка строгая и на хорошем счету. Губернатор ее ценит, шикарную квартиру в кирпичном доме дал, но отделку лоджии она забраковала. Потребовала заменить рейку на кедровую, так что материалы поедешь отбирать сам.

Ожидал увидеть суровую тетку в толстых очках, а серьезная финансистка оказалась молодой блондинкой в юбке выше колен. Но когда привела его в лоджию и стала указывать на щели между рейками, плохо подогнанные стыки и выпавшие сучки, прорезался брезгливый начальственный голос. Пожеланий о качестве не предъявляла, уверенная, что для нее халтурить не посмеют.

– А куда старую рейку девать?

Посмотрела, не понимая, о чем спрашивают. Пожала плечами.

– На свалку, наверное.

Везти домой было ближе, чем на свалку. Обмерил свою лоджию. На стены хватало, а на потолок требовалось добавить. Когда заказывал рейку для хозяйки, как и любой мастер, брал с запасом, экономить на хозяйском материале себе дороже, всегда случается какой-нибудь строительный косяк – без резерва оставаться рискованно. Если вдруг не хватит, придется объяснять, куда потратил. Лишние вопросы, несправедливые подозрения. С запасом не наглед, но по врожденной привычке не шиковал материалом, и в конце работы остались лишние рейки. А это уже другие вопросы. Чтобы избежать ненужных объяснений, решил увезти остаток на свою лоджию. Но обсчитался. Последние штрихи в отделке всегда требуют больше времени и больше материала. Поехал домой забирать. Рейки, пролежавшие ночь в собственной квартире, казались уже своими.

– Словно от сердца отрываю, – жаловался Галке.

Хозяйка заходила с проверками каждый день, но в лоджии задерживалась минут на пять, осматривала, сдержанно хвалила, потом подолгу беседовала с электриком, который менял проводку во всей квартире. Звали его Володя. Иногда он заглядывал к нему в лоджию, смотрел на сделанное и хвалил:

– Я бы, наверное, так не смог, придется уроки у тебя брать.

Никаких уроков брать он, конечно, не собирался. Хвалил, чтобы сделать приятное, но получалось у него очень естественно. И улыбка с ямочками на щеках всегда была искренней и уместной. Красивый мужик. Подтянутый, выбритый до синевы, чем-то напоминающий комиссара Каттани из сериала «Спрут», может, поэтому и любила беседовать с ним хозяйка.

В тот день Петрович позвонил с утра и велел зайти на службу. До лоджии добрался только вечером. Еще в коридоре почувствовал запах духов хозяйки. На всякий случай, не подавая голоса, прошмыгнул к себе, но Володя сам явился к нему с початой бутылкой вискаря.

– Не составишь компанию?

– С удовольствием бы. – А ему действительно хотелось познакомиться поближе. – Но не могу, за рулем.

– Жаль. У меня сегодня настроение расслабиться. Может, зайдём в мой апартамент, покурим, там есть где присесть. Не люблю курить стоя, удовольствие не то.

Провел в комнату, где оставлял инструменты и рабочую одежду. На подоконнике стояла тарелка с дольками лимона и консервная банка с окурками. Когда выносил банку, Никола успел заметить – окурки в губной помаде. Значит, хозяйка успела навестить объект и электрик пил виски не в одиночку.

– Лоджия, смотрю, почти готова к сдаче?

- Начальство торопит. А ты разве не из нашей службы? Что-то раньше не встречал.
- Нет. Меня через задний проход провели. У хозяйкиной подруги приводил в порядок электрику, она и порекомендовала. – Сделал глоток, зажевал долькой лимона и кивнул на бутылку. – Может, все-таки примешь?
- Боюсь. Штрафы очень большие.
- Ладно. Сам никогда не настаиваю и не люблю, когда это делают другие.
- Что-то смотрю на тебя – не похож ты на простого электрика.
- Да я и не электрик. С таким же успехом и печником могу назваться. Камин не желаешь?
- Ставить некуда.
- Может, знакомые богатые имеются? А вообще-то, я радиотехник. Кончил военное училище.
- Выправка и сейчас чувствуется.
- Молодость в шинели и юность перетянута ремнем. Это на всю жизнь. Вальс, например, умею танцевать. Но армейская субординация оказалась не по характеру. Демобилизовался. Погорячился, наверное, сейчас бы уже пенсию получал. Работал в конструкторском, на военном заводе. И вроде успешно, гордились, что с Байконуром связаны. С деньгами тоже проблем не было. Существовало дурацкое мнение, что советские инженеры за сто двадцать рублей штаны протирают. Инженеры разные были. Я не протирал. В половине городских кабачков охранную сигнализацию установил. Благодаря сигнализации любые деликатесы имел по госцене. Когда магазинные полки опустели, садились с напарником в машину и ехали по окрестным деревням. Я с паяльником телевизионные внутренности врачую, а у него руки-крюки, зато язык медовый, бегаёт по дворам, великого мастера рекламирует. Домой возвращаемся с полным багажником сельхозпродуктов – и мясо, и сало, и мед, и сметана. Замечательный напарник был. Сам я о цене договариваться не умею, а он настоящий коммерсант. В иных деревнях, стучалось, и о ночлеге договорится с горячими вдовушками. Вроде и лысенький и пухленький, а уговаривать умел. Доярки – кровь с молоком! Но это для него вроде хобби. Первым делом самолеты, а девушки потом. Заказчика нутром чувствовал, с кого сколько потребовать, чтобы не напугать и не продешевить. Другого такого напарника не попадалось. Мне его и теперь не хватает. Но когда началась перестройка и оборонка с грамотными специалистами стала выпускать кастрюли и перестала платить зарплату, он уехал на Землю обетованную. Чем он там промышляет – понятия не имею, но, полагаю, не бедствует, иначе бы вернулся. А мне уезжать некуда. Но проблема в том, что меня без моего участия переселили в другую страну. На закате Советской власти, благодаря урокам напарника и с помощью моего паяльника я оброс блатом, как волк шерстью: что надо – достать, где требуется – утрясти. Даже в милиции свои люди были. Если впадать в подробности, не одна бутылка потребуется. Но грянул рынок – и все мои связи, которые годами создавал, рассыпались на глазах. Само понятие «блат» исчезло из человеческих отношений. Плати деньгу – и забирай что хочешь, так проще и, может быть, честнее. Но в понятии «достать по блату» была все-таки своя романтика. И так совпало, что электроника перешла на другой уровень. «Нужные люди» перестали ремонтировать отечественные телевизоры и покупают корейские. А мне куда податься? Не в челночники же? С детства внушили, что спекуляция – презренное занятие. Сначала стеснялся после работы на космос печки класть. Спрашивал себя: «Где же, Володя, твоя профессиональная гордость? Совсем опустился!» А потом как-то сложил камин, посмотрел на него и залюбовался – красавец! Не стыдиться, а радоваться надо, что руки выросли из нужного места. Выпил и понял, что всю жизнь занимался не своим делом. Пыжился, ломал голову над дурацкими схемами, гнался за престижем, а настоящего удовольствия не получал. А теперь получаю. Самое главное, что, когда протрезвел, остался при этом же мнении.
- Так мы с тобой коллеги. Я тоже всю жизнь шабашничаю.
- Не совсем. Ты – всю жизнь, а я только после сорока. Ты счастливчик.

Не знал, что и ответить о своем счастье, да и Володя, по всей видимости, не очень сожалел о временах работы на космос. Бутылка у него опустела, но оставался трезвым. Собираясь домой, опустил бутылку в пакет, туда же высыпал окурки.

– Не стоит оставлять следы преступления. На улице в урну брошу. А насчет камина имей в виду.

– Обязательно, если в подсобники возьмешь.

– Быстро научу. Уверен, что у тебя получится.

Понравился мужик, о помаде на окурке спрашивать не стал, зачем ставить человека в неловкое положение?

* * *

Тулуп намекал, что без нужды афишировать их дружеские отношения нежелательно, хотя мог бы и не предупреждать, сам понимал. Да и не было никаких близких отношений. Столько лет не виделись, прожили разные жизни, интересы разные – и поговорить-то не о чем. Удивился, когда сразу после майских праздников Тулуп заглянул к нему в каптерку и позвал к себе в кабинет.

– У меня две новости: одна – плохая, другая – хорошая.

– Начинай с плохой.

– Я тоже так думаю, хорошее оставим на десерт. Объявился твой компаньон по рыбалке.

– Профессор, чё ли? Так это хорошая новость. Я с удовольствием слетаю.

– Не торопись, пока что его ассистент. И знаешь, по какому вопросу? – Тулуп явно маневрил, отодвигал неприятную новость. – Требуется, чтобы ты возвратил пилу, которую он оставил до новой рыбалки.

– Так и сказал?

– Не он, а его доверенное лицо, которое прилетело к нам в командировку и завтра улетает. Так он ее точно подарил тебе или я что-то путаю?

– Подарил при свидетелях, в любви клялся. Вот тебе и любовь до гроба. Правда, на следующий день был мрачный и молчаливый. Наверное, переживал, что сильно расчувствовался. Надо будет Генке позвонить, обрадовать, что его предсказания сбылись.

– А пила стоящая?

– Отличная пила!

– В принципе, ты можешь сказать, что у тебя ее украли.

– Да пусть подавится. Просто хотелось бы ему в глаза посмотреть.

– С этим проблема. Командировку в Москву тебе не выпишут. А если бы даже и прогнал к нему, твой презрительный взгляд его бы не испепелил.

– Пожалуй, ты прав. – Другие слова наполняли его, кипели внутри, но выхода не находили.

– Прав без вариантов, а в морду дать вроде как и не за что. Ты на колесах?

– На автобусе приехал.

– Повезло. В таком состоянии за руль лучше не садиться. Сейчас дам тебе машину, возвратишь подарок в гостиницу и снова сюда.

Съездил в гараж, вынул пилу из футляра, полюбовался на прощание. Мелькнула шальная мыслишка – не испортить ли красавицу, но тут же отогнал ее – инструмент не виноват. Да и рука не поднялась бы.

Доверенное лицо оказалось откормленной заспанной ряшкой. Передавать какие-то претензии не стал, просто сказал, что очень благодарен Василию и век не забудет его доброты. Лицо пообещало обязательно передать.

Про хорошую новость, оставленную на десерт, вспомнил на обратном пути, но ничего серьезного от нее не ждал. Когда вошел в кабинет, увидел, что спиной к нему сидит белокурая дама с сигаретой. Повернулся уйти, но Тулуп призывно махнул рукой. Посетительница встала, и он увидел Юлию. Она подбежала к нему и, закинув руки на плечи, повисла на шее, прижимаясь всем телом. Когда опустила ноги на пол, отступила на пару шагов. Отдышалась.

– Ни х... себе сюрприз. – И тут же закрыла рот ладошкой. – Ой, мальчики, я что-то не то сказала. Извините. Сорвалось. Привыкла в Германии материться по-русски. А тебя, Овчинников, убить мало, мог бы и предупредить. Чуть инфаркт не трахнул.

– Хотел устроить настоящий сюрприз.

– Считай, что получилось. Экспериментатор. Спрячься под стол, иначе снова материться начну. А Никола у нас почти не изменился, только поседел. Никола, ты почему молчишь?

– В себя прийти не могу. Столько лет не виделись.

– Много. Только давай без арифметики, а то выяснится, что я древняя старуха.

– Да ты еще... – начал Тулуп.

– Давай без твоих комплиментов. Я их за долгую жизнь столько наслушалась. Беседы о математике у тебя интереснее. Представляешь, Никола, на его лекциях у студенток оргазмы случались.

– И это говорит серьезный представитель солидной зарубежной компании! Ты знаешь, зачем она прилетела?

– По Родине затосковала.

– Может быть. Но фирма послала ее прозондировать почву по случаю смены нашего непредсказуемого губернатора. Она у нас не только переводчица, но и серьезный аналитик.

– Не преувеличивай. В лучшем случае – дипломат, как и подобает красивой женщине.

– Наш бывший губернатор в женской красоте не разбирался. Ты видела его фаворитку?

– Страшненькая, но каждый день меняла шубы.

– А он доверил авантюристке экономику огромного края.

– Сами выбирали.

– Лично я голосовал против. Выбрала его определенная группа олигархов. Они его поставили, и он широким жестом отдал край на разграбление. Кстати, характерный случай. Оказался я в одном застолье с директором нашей оперетки. И тот для поддержания разговора, и чтобы собственный статус приподнять, рассказал, как сидел он в высокой приемной, рядом с ним нервничали три директора завода, так вот губернатор первым пригласил его, а потом уже производителей. Заявил с гордостью и уважением к хозяину. Когда я подсказал, что правильнее было бы приглашать в другом порядке, он сначала не понял, а потом обиделся. Опереточный губернатор, но с огромной харизмой.

– И ты служил ему верой и правдой.

– Насчет веры промолчу, а правдой стараюсь служить всегда и везде. А как тебе наше новое начальство?

– Давай не будем торопиться, да и Николе, мне кажется, это совсем не интересно.

– Почему же, он у нас тоже карьеру сделал. Сорок восьмой заместитель губернатора. Это мне в ближайшее время могут сказать, что обойдутся без моих услуг, а без него обойтись трудно, он у нас непотопляемый. Помнишь, как сопляками наперегонки плыли?

– Помню, ты меня обогнал, а я чуть не утонул.

– Так выплыл все-таки. Говорю – непотопляемый.

– Овчинников, не заводись. Ты вроде не в проруби плаваешь.

– Пока не в проруби, а завтра – не знаю. Вон шеф у Николе при смене позапрошлого губернатора так перепугался, что в реанимацию на скорой увезли. В этой конторе для повышенной пенсии надо отработать определенный срок, как на вредном производстве, а у мужика несколько месяцев не хватало...

– Да какое мне дело до этого несчастного. Я выпить хочу. Поехали ко мне в гостиницу. Посидим, молодость вспомним.

Тулуп поднял руки.

– Я пас. У меня совещание и вечером серьезная встреча. А ты, Никола, езжай. Не пить же ей в одиночку. Петровича я предупрежу. Машину дать?

– На такси доберемся.

Когда проезжали мимо гастронома, он попросил остановиться, но Юлия велела ехать дальше.

– Если ты о выпивке беспокоишься, то у меня в номере все есть. Овчинников к тебе до сих пор ревнует.

– Какие мы с ним соперники?

– Давние.

Она открыла холодильник, забитый бутылками от литровых до шкаликов.

– Вот видишь, на любой вкус. А о закуске я с вечера позаботилась. Ты не против, если я приму душ? Только не подумай, что соблазняю. Просто в офисе жарко было и здесь тоже. Отопление не отключили. Россия экономить не приучена. Немцы такую расточительность не позволяют. Я быстренько.

Вернулась в коротком легком халате. Голову не мочила и прическа осталась нетронутой. Волосами гордилась еще девчонкой, и они не потеряли пышности.

– Если ты до сих пор не налил, придется этим заняться мне.

– Неудобно чужим распоряжаться. Ты – хозяйка, я – гость.

– Но бутылку-то откроешь, это мужская обязанность. Не стесняйся.

Она пила коньяк и быстро захмелела.

– Не пугайся. Я в таком состоянии могу долго держаться – тринкен-дама.

– Это как понять?

– Тринкен по-немецки – пить, значит, я – выпивающая дама, но это не значит, что я алкоголичка, контроля над собой никогда не теряю. Скажи честно, я сильно постарела?

Шторы были задернуты, в номере полумрак, но и в хорошо освещенном кабинете Тулупа она выглядела намного моложе своих сорока семи. Чувствовалось, что следит за собой и, в отличие от деревенских баб, не изработалась.

– Что молчишь, боишься обидеть?

– На выпускном вечере ты была немного стройнее.

– Молодец, выкрутился! У меня еще и ножки хороши, и попка упругая, а вот грудь на выпускном была, пожалуй, привлекательнее, тренажеры не во всем помогают. А пластику делать боюсь. Не то я говорю...

– Говори, о чем хочешь, если накипело. Может, легче станет.

– Жизнь прошла и не могу ответить ни себе, ни другим, на что ее потратила. Детей не родила, а ведь хотела. И знаешь, от кого – от Овчинникова. Девочку, такую же красивую, как я, и мальчика, такого же умного, как он. Овчинников очень умный, гордилась им. И добрый, все мне прощал. Первый мужчина у меня был в Одессе, когда к дядюшке на каникулы ездила. Красавец, любимец публики, на гитаре играл и Окуджаву пел. Я его капитаном Гэем звала, а он уверял, что я красивее Анастасии Вертинской, но я и без него это знала. Идем по набережной – все бабы оглядываются. А мне, дурочке, лестно. Капитан голову от любви потерял, а я – от любопытства. Не он меня соблазнил, а я его. Когда узнал про беременность, расписаться уговаривал. Не потому, что дядя Эдик избил его, а потому что любил до безумия. А мне замуж не хотелось. Сделала аборт. Убедила дядюшку, чтобы матери ничего не говорил. А куда ему деваться, виноватым себя считал, хотя и не был виноват. Всю жизнь подарками задабривал. Помнишь, какие платья у меня были?

– Вся деревня тобой любовалась.

– И мне это очень нравилось. О капитане у дядюшки не спрашивала, и он боялся напоминать. Как будто его и не существовало – красивого капитана. Теперь мне кажется, что их вообще не было – ни мужей, ни любовников. Да и не любила я никого. Это они теряли головы, осыпали цветами, восторгами. Мне было приятно, и я уступала. Потом страсти прогорали, я переставала быть для них женщиной несбыточной мечты. Я это чувствовала. Особо примитивные начинали ревновать к бывшим мужчинам, и, чтобы спастись от их истерик, я уходила сама, но чаще всего к этому моменту созревал новый воздыхатель. Видишь, какая расчетливая. Последнее время часто вспоминаю смерть твоего отца и продавщицы Ольги. Теперь мне кажется, что это было самоубийство.

– Папка? Самоубийца? Ерунду городишь. У него двое детей оставалось, Верка совсем школьницей была.

– Не он, а Ольга. Мужик на такое не способен.

– Ольге-то с чего? Молодая, красивая, дом полная чаша...

– Да при чем здесь деревенская полная чаша? Во всем виновата красота. У меня она легкая, легкомысленная, можно сказать, а у нее трагичная. Потому и поняла безысходность раньше меня. Не знаю, каким был уголовник, в которого она влюбилась, но подозреваю, что крах случился еще до того, как его посадили. Сбежала в деревню. Надеюсь отогреться, а в деревне еще холодней, чем в городе. Оттого и появился твой отец. Назло обманутым надеждам.

– Все ты напридумывала.

Никому не говорил, держал слово, данное Ольге, а здесь не выдержал, выпил для храбрости рюмку и рассказал, что она была его первой женщиной.

– А ты знаешь, я не удивлена. Это несколько не противоречит моей версии. Отчаяние загнало ее на топчан грязного деревенского мужика, а потом, чтобы полностью прочувствовать глубину падения, она совратила его сына.

– А с чего ты взяла, что отец грязный? – обиделся он.

– Извини, не грязный, разумеется, это для образности. Не исключаю, что в ту трагическую ночь Ольга призналась твоему отцу, что совратила тебя.

– Ну, наплела.

– Мужикам этого не понять. Но она любила своего уголовника. А я не любила никого, потому и живу до сих пор. Ни-ко-го. Даже тебя.

– Я-то с какого боку?! Ты Тулупа в ухажерах держала.

– Держала. Он отличник был, а ты второгодник. Его держала, а тебя хотела. Но вы были сопляками, а я – женщиной. Или ты хочешь сказать, что не был в меня влюблен?

– Так в тебя вся деревня была влюблена.

– Что ты заладил про всю деревню. Все меня не волновали, а ты волновал. Помнишь, как я тебя поцеловала на выпускном вечере?

– Еще бы. Впились губами ни с того ни с сего, а потом оттолкнула и убежала к Тулупу.

– Дурак! Ничего не понял. Я надеюсь, что ты сгребешь меня своими лапищами и унесешь на сеновал.

– Ага, сгребешь такую. Издевалась надо мной постоянно. Я и дотронуться до тебя боялся.

– Говорю же – дурак. – И расплакалась, потом пересела к нему на колени, обвила шею, руки у нее были гибкими, как щупальца, а губы мягкими, но требовательными. Оторвавшись, чтобы вздохнуть, прошептала: – А теперь неси на сеновал.

Лежала и плакала.

– Обещала не соблазнять, а не удержалась. Извини.

– Да ладно.

– Спасибо, что понял. Если бы ты оттолкнул меня, не знаю, что бы с собой сделала. Теперь вызываю такси и отправляю домой, к жене. Она у тебя не ревнивая?

– Да повода не было.

– Не ожидала.

Ехал и рассуждал сам с собой: надо же такое придумать. Несчастливая баба, надо же так жизнь исковеркать. С Галкой такого случиться не могло. И в постели Галка ласковее.

* * *

Умный Тулуп, не дожидаясь, когда новая власть приведет на его место своего человека, нашел должность в банковской системе.

– А мне тоже увольняться?

– Не суетись, до сорок первого зама подкованные толчки не докатятся.

– Ты вроде говорил, что я сорок восьмой зам?

– Принимай как повышение. Карьерный рост. А если серьезно, извини, что сорвал с места.

– Ничего страшного, место для себя всегда найду, выплыву. Буду потом внукам хвататься, что в губернаторских замах служил. Только неуютно мне здесь, слишком холуйская работа, буду что-нибудь попроще подыскивать.

– Она здесь и на моем уровне холуйская.

Уходить следом за Тулупом не стал. Надеялся прокантоваться до весны, но объявился электрик Володя и предложил взяться за отделку большого коттеджа. Совмещать не получалось, работа была дневная, и он согласился. Коли заноза попала – чего терпеть и ждать, когда воспалится. Петрович прочитал заявление и сильно удивился.

– Чего испугался, пока я здесь, не тронут тебя. Работай спокойно, в тепле и зарплата регулярная. По собственному желанию от нас никто не увольняется.

– Уже пообещал.

– Вот за это и уважаю тебя, что обещаниями не разбрасываешься. Коли не сложится, возвращайся, с удовольствием возьму. Если самого на пенсию не отправят.

Сложилось, и очень удачно. У Володи была умно подобранная бригада. Маленькая, но дружная, каждый был мастер в своем деле и доказывать свое превосходство никому не приходило в голову, поэтому работалось легко, даже весело.

Успевшие наворовать вкладывали деньги в недвижимость. Новые коттеджи брали город в кольцо. Не просто особняки – настоящие замки. Едва заканчивали один объект, переходили на другой. Работы хватало, но главное, что перестал быть обслугой напыщенных начальников, которые сами не знают чего хотят. Когда нет нужды оглядываться, работается намного легче. Наступили размеренные ровные дни, но ухабы появились там, где не ждал.

Всю жизнь был спокоен за Анютку – нарадоваться не мог. Самостоятельная девчонка росла, некапризная. Когда в семье было туго с деньгами, ничего лишнего не требовала. И училась хорошо, в свой универ без блата поступила. Это он был второгодник, а Галка без троек школу закончила. В мать пошла. А характером – в деда. Самолюбивая, властная. Особенно стало заметно, когда появился Витек. Выбор дочери ни он, ни Галка особо не одобряли. Парень видный, но какие нормальные родители хотят иметь в зятях бандита? Правда, выяснилось это не сразу. Когда спохватились, дело к свадьбе шло. Смирились, а если бы и возражать начали, она все равно бы поступила по-своему. Тем более что хлопнуть дверью и уйти она могла, ничем не рискуя: у Витьки была своя квартира, оставшаяся от бабушки. Понадеялись, что Анютка с ее характером сможет образумить молодого мужа, направить на верную дорогу. В какое-то время им стало казаться, что у дочери получается. И сама Анютка уверовала, что сделала его ручным.

После рождения сына Витек заявил, что они с пацанами открыли свое серьезное дело, и больше никакого криминала. Но пока Анютка ходила беременной, его хватало, чтобы нянчиться с женой, а когда жена стала нянчиться с маленьким Николкой, терпение у парня кончилось. Аукнулись все бывшие унижения. Загулял, то ли с друзьями, то ли нашлась покладистая

утешительница, не задающая лишних вопросов. Ночевать все-таки приходил. Потом осмелел, начал пропадать на день-другой, объяснял поступлением или отправкой груза, который надо проконтролировать. Догадывалась, какие там ценные грузы, но на прямой разговор не решалась. Вышла после декретного отпуска на работу. Видимо, тяжело было сидеть в четырех стенах, гадая, придет муж или нет. Да и по работе соскучилась. Честолюбивая, боялась, что привыкнут обходиться без нее.

В тот день попросила забрать ребенка на ночь. Сказала, что надо явиться на службу очень рано. Ничего толком не объяснила, а они и не допытывались – рады были поиграть с внуком лишний раз. Пошли за ним вдвоем. Из подъезда Никола вынес его на руках, а на улице мальчишка захотел самостоятельности, попросился на землю. Пробежал метров пять, запнулся и захныкал, пришлось брать на закорки. На горбу деда повеселел и отказался слезать даже в лифте. Дома потребовал любимую машинку. Галка порылась в сумке, но Анютка забыла ее положить. Никола стал искать, чем бы заменить игрушку, под руки попала коробка с блестящими. Высыпал их перед внуком на пол и сам уселся рядом. Малыш дотронулся до «мыша», но испуганно отдернул руку, а блестящие игрушки его заинтересовали, да и самому было что вспомнить, почти за каждой тянулась своя история. Уже в городе нашел возле дома уют, снял с него корпус из нержавейки, соорудил простенький пресс и наштамповал десяток «байкалок». Несколько лет пролежали, опробовать довелось только в «командировке с профессором». Взял в руки большую блесну, сделанную из серебряной ложки еще в деревне. Поехали с отцом в ближнюю избушку, вышел перед сном на берег. Щука взялась чуть ли не пудовая, сопротивлялась, не хотела сдаваться, сама норовила стащить рыбака в воду. Испугался, что перекусит поводок и уйдет. Крикнул отцу, тот прибежал с тозкой, выстрелил. Щука ослабла. Когда вывел на песок, оказалось, что пуля пробила голову и попала в блесну. Отец хвастался метким выстрелом, а он переживал, что блесна покорежена. Сам отец спиннинг в руки не брал, считал баловством, но, узнав пропавшую у матери ложку, его не продал.

От воспоминаний отвлек телефон. Звонил Володя, сказал, что договорился встретиться с заказчиком, и утром надо ехать закупать материалы. Пока болтал с ним, Галка заглянула в комнату, увидела внука с блесной в руках и закричала:

- Дед, ты что творишь?
- А что такое? – не понял он.
- Оставил ребенка со своим богатством. А если он в рот потащит?
- Он что, дурак! Смотри, с каким интересом рассматривает. Мужик растет. Через десяток лет на Ангари его повезу. Рыбачить научу.
- Размечтался. Там уже гнилое море будет, и никакой тебе рыбалки.
- Щука-то всяко-разно останется.
- Помнишь, какое заливное из нее делала?
- А ты – строганину из таймешатины.
- Не трави душу. Давай укладывай внука, а потом по рюмке выпьем.
- Тебе же завтра за руль садиться.
- Пара рюмок не помешает. Нахлынуло.

Николка услышал, что его собираются укладывать, стал просить, чтобы дед покачал его на ноге. Пришлось садиться на стул и качать.

- А тяжеленький уже. Тебе не кажется, что он на меня похож?
- Не знаю, в таком возрасте я тебя не видела, а фотографий не осталось.
- Откуда им взяться, если в деревне не было ни одного фотоаппарата?
- Ладно, уговорил. Сейчас Николку уложу, выпьем и сами пораньше ляжем, – подошла, прижалась к нему, теплая, уютная.

Ему захотелось сказать ей что-нибудь нежное, но ударил истеричный звонок. Он вышел в коридор. Кто-то, не переставая звонить, колотил в дверь ногами и дергал за ручку. На пороге стояла Анютка, бледная, в распахнутом плаще.

– Папка, Витька убивают!

– Где?

– В нашем сквере.

Кое-как засунув ноги в ботинки, в рубашке и домашнем трико выскочил на площадку с молотком в руках, первое, что попало под руку. Лифт успели угнать. Побежал по лестнице. Увидел, что Анютка увязалась за ним, крикнул:

– Дура, иди к ребенку! – И, пробежав пролет, добавил: – Скорую вызывай.

Сквер начинался сразу за крайним подъездом. Они и не думали скрываться. Напали прямо на тропе. Витек в белой куртке корчился на земле, а три мужика охаживали его бейсбольными битами. Ясно было, что это не случайная шпана, а очередная разборка братвы. Если бы он догадался подкрасться молча, тогда бы двое, как минимум, не увернулись бы от его молотка, а он сдуру заорал, но разве их напугаешь криком? И все-таки успел увидеть, как один из братков падает после его удара. Потом в глазах потемнело, и он куда-то надолго провалился. Может, и не очень надолго, но показалось, что вся жизнь прокрутилась в памяти: отец на турнике, Ольга без одежды, мать с вязанием, Галка в мокром платье, Михал Иванович, профессор, стреляющий по чайкам...

Когда очнулся, рядом с ним лежал только Витек. Братки сбежали. Он тронул лежащего за плечо и то ли прохрипел, то ли подумал пригрозить:

– Если бросишь Анютку с внуком – убью.

Голова кружилась, и его вырвало. Мимо проходил мужик.

– Помоги, – еле выдавил он.

Мужик оглянулся и прибавил ходу.

Встал сначала на четвереньки, потом кое-как распрямился. Но не устоял и снова потерял сознание. Очнулся от запаха нашатыря. Приехала скорая. Анютка помогала довести Витьку до машины.

– У вас сотрясение мозга.

– Ерунда, откуда мозгам взяться!

Встал и шатаясь направился к подъезду. Надо было успокоить Галку.

Крестовый дом

1

И, как бы между прочим, она говорила:

– Вот еще! Буду я плакаться из-за несчастной прописки. У меня в Качинске крестовый дом. Наследственный.

Следом ей приходилось объяснять, что карточная масть не имеет к ее дому никакого отношения. Крестовый – потому что перегородки расположены крест-накрест. Для пущей наглядности вспоминала известный почти каждому пятистенок. Пятистенок большой, а крестовый – еще больше.

– Наследственный замок, можно сказать, – добавляла она, смеясь. – Родовое поместье.

А тем, кто не слышал о славном городе Качинске, советовала перелистать на досуге учебник географии. И это убеждало.

Но прежде чем заговорить о доме, она не забывала встать и пройтись, чтобы незнающие тонкостей деревенской архитектуры смогли рассмотреть и прочувствовать, что женщина с такой роскошной фигурой не могла вырасти в завалухе с двумя кривыми окошками, равно как и в железобетонной коробке.

Этому научил ее Анатолий. А Настя верила своему учителю. Она и Настей-то стала с его слов. Мать нарекла ее Надеждой. И в паспорте было записано – Надежда. Но Анатолий полагал, что имя Надежда слишком нежно и легковесно для нее. Надежда – это нечто зыбкое, отдаленное; женщина приятных грез и горьких разочарований при ближайшем рассмотрении. А Настасье нет нужды закутываться в туман, она может смело входить в ярко освещенную комнату или, еще лучше, на поляну, залитую солнцем. Она может позволить рассматривать себя сколько угодно с любого расстояния – ей нечего бояться. Пусть бояться другие, те, кто смотрит. Даже в песнях заметна разница между Надеждой и Настасьей.

– Надежда – мой компас земной, – кривился Анатолий. – Хорошо еще осциллографом не обозвали.

– Так это же о другой надежде, – пыталась возразить она.

– Какая разница, все равно нельзя. То ли дело: «Ах, Настасья, эх, Настасья, отворяй-ка ворота». Здесь уже без обмана, здесь сразу ясно, что Настасья не какая-нибудь штучка на ремешке, а именно та женщина, которую не терпится увидеть и обнять.

И Анатолий обнимал ее или сажал на колени и еще раз повторял: «Ах, Настасья, ах, Настасья...»

Он любил петь. Но «Настасья» у него получалась не очень хорошо, в ней он ограничивался одним куплетом, не потому, что не знал слов, просто мотив не подходил голосу. Чаше всего Настя слышала от него «Бухенвальдский набат». Стоило собраться компании, выпить немного, и Анатолий заводил: «Люди мира, на минуту встаньте...», а повторенный несколько раз «колокольный звон» из припева – звучал не хуже, чем по радио у настоящего артиста.

В компаниях они бывали часто. Анатолий не прятал ее от людей. Настя замечала, что мужчины его круга в основном конспираторы и стесняются своих любовниц. Анатолий и здесь оставался настоящим мужиком, мало того, что не стеснялся, он даже гордился Настей. И она старалась не подводить своего любимого. Если и приходилось немного подправлять ее, подучивать, то в самом начале, в первый месяц. Настя не вынуждала его пускаться в долгие разъяснения, стоило лишь намекнуть, направить – подробности она угадывала сама. Она быстро поняла, что за образованными девицами ей не то чтобы не угнаться, но и гнаться нет нужды.

Анатолий по горло сыт переученной женой. А девицы эти лезут со своими рассуждениями, только мешают мужикам разговаривать.

– Умная женщина показывает свои достоинства, а грамотная – недостатки, – сказал Анатолий о приятельнице одного из своих друзей.

И Настя помалкивала. Зато могла спеть подходящую к случаю песенку, а если очень просили и у нее было настроение, могла и сплясать под соленую деревенскую частушку. Впрочем, и песенки и пляски были уже сверх программы. Настя легко обходилась и без них, достаточно было пройтись по комнате, и ее уже замечали и запоминали, и не надо было бегать для этого по барахолкам и модным портным.

– Там, где достаточно намекать, кричать совсем не обязательно, – подсказывал Анатолий. – Будь естественной. Ты же – дитя природы, к тому же самое балованное дитя. Твой шарм в натуральности.

Он вообще любил подчеркивать свое неприятие всевозможных заменителей. Когда ему предложили путевку в солидный пансионат на искусственном море, он целую неделю возмущался: «Нет уж, лучше я буду купаться с жуликами в натуральном море, нежели с министрами в искусственном». Он не признавал никаких салатов, требовал, чтобы овощи подавали штуками, брал помидорину или огурец и кусал, не разрезая. Смеялся над любителями коктейлей. Не выносил женщин с мужскими замашками, никакой угловатости – обязательно с высокой грудью, обязательно с покатыми плечами, непременно с длинными волосами и желательно с певучим голосом.

Это в теории. А в жизни иногда случались уступки, кому-то что-то прощалось. Например, той девчонке с пляжа, которая попала в него мячом и побежала к воде, вроде как испугавшись, но, может быть, и зазывая догнать. У нее была мальчишеская прическа и мальчишеские повадки, но все-таки бросился догонять. Она легко выгребла на середину реки, а когда до берега оставалось метров пятнадцать, пропала под водой, а вынырнула уже возле кустов и притаилась, наблюдая за растерянно озирающимся мужчиной.

– Что же вы на помощь не зовете? Бойтесь, что кто-нибудь другой спасет?

– Угадали. Красивых девушек я предпочитаю спасать без помощников.

Анатолий пригласил ее в кино. Она отказалась, но сразу же объяснила, почему не может – за ней полгода ходит парень и грозит прирезать любого, кого с ней увидит. Анатолий снисходительно улыбался. А она закатывала глаза, прижимала руки к груди, почти как взрослая, и заклинала его не связываться с этим бандитом, убеждала, что зря Анатолий думает, будто справится с ним, потому что честной драки не будет, его обязательно подкараулит целая шайка. Лучше уж она сама придет к нему в гостиницу.

И пришла. Отважилась ради забавы поиграть в разбитную девицу, поучиться кокетничать, навести из любопытства к заезжему принцу. Пришла покуражиться и уйти. Но уйти не смогла.

А наутро попросила забрать ее с собой, потому что неумоготу жить у сестры, которая постоянно ревнует к своему задрипанному хахалю. Попросила опять же ради куража, преувеличивая ревность сестры, как преувеличивала при знакомстве ревность и необузданность своего придуманного поклонника. Не говорить же, как первая поцеловала робеющего перед ней одноклассника. Попросила, надеясь хоть немножечко напугать, или хотя бы смутить слишком уверенного в себе мужчину. А он возьми да и прикажи собираться.

Первый месяц она жила на чьей-то даче, а к осени Анатолий снял для нее однокомнатную квартиру и устроил на работу, свободную и непыльную. Насте даже нравилось быть страховым агентом. Анатолий уже тогда лучше Насти знал, что ей надо. Не сидеть же целый день в четырех стенах, одичать можно и с ума сойти; с ее характером обязательно с людьми надо быть, а сам он человек занятой, семейный все-таки, и должность серьезная тоже отвлекает. Настя верила ему

и большего, чем он давал, не требовала. Знала, что, как бы его ни теребили, ни растаскивали, все равно лучшие часы он бережет для нее.

Так пролетело шесть лет. Сгорели, как сухой хворост: с треском, с жаром, с искрами и без дыма. Насте пошел двадцать пятый год, Анатолию – сорок второй.

Настя не надоела ему, если бы это случилось, она бы сразу заметила. Просто подвернулось очень выгодное предложение. У Анатолия подрастали дети, надо было позаботиться об их будущем, и он собрался на Кубу, может, на три года, может, на пять, он еще не знал, одним словом – надолго, и настаивать, чтобы Настя ждала его, он не хотел, он даже сказал: «Не имею права», – вроде и слишком красивая фраза, но каких мучений она ему стоила, Настя видела. Все-таки Анатолий был настоящий мужик, и она считала, что ей здорово повезло – попасть мячом именно в него. Окажись на его месте какой-нибудь прохвост, и осталась бы она в своем Качинске, жила бы с каким-нибудь забулдыгой с гидролизного завода, выгребала бы из его карманов заначенные рублевки и считала бы такую жизнь вполне нормальной. Что бы она увидела без Анатолия? За хорошее не обижаются. А если настало время прощаться, так ничего не поделаешь. Не могла же их любовь тянуться бесконечно. Такого не бывает. Настя знала, что когда-нибудь все кончится, храбрясь, уверяла себя, что готова к расставанию. Вот только подкралось оно как-то неожиданно. И непонятно было – что делать дальше.

– Не знаю, – сказал Анатолий.

И Настя сказала:

– Не знаю.

– Может, три, но вероятнее – пять. Тебе тридцатый пойдет. Может, замуж выйдешь...

– За кого? Открой еще бутылку.

– Это я запросто. Тут я герой.

– Нет, подожди, не хочу шампанского. Налей и мне коньячку, помирать – так с музыкой.

Ей было жалко Анатолия. Он впервые не мог ничего посоветовать, впервые не мог угадать, что ей нужно. Да и как угадать, если она сама не знала. Зато она знала, как помочь ему, как спасти от тяжелых, но обязательных разговоров, ведь квартиру сдавали ему, а не сомнительной провинциалке... Знала, как помочь, но сначала надо было хотя бы опьянеть.

– Слушай, нашел бы ты мне мужичонку на первое время, чтобы в себя прийти, потом я уж соображу, как выпутаться. Какого-нибудь состоятельного и в возрасте, но не избалованного, без гонора, чтобы я для него последней радостью была...

Говорила, как с обрыва прыгала, с закрытыми глазами, задыхаясь, но не замолкая, боялась остановиться, потому что не знала, хватит ли духу на повторный прыжок.

Выслушал, не возразил, не ударил – все стерпел. Выпил полный стакан коньяка и спешно засобиравшись домой; Даже не поцеловал на прощание. Побрезговал дотронуться. Вот и спасай, вот и взваливай на себя самое грязное и тяжелое.

Правда, утром прилетел чуть свет. Прощения просил. Да чего уж там...

А замену подобрал.

Сменщика звали Николаем Филипповичем. Мужчина в возрасте, но не обрюзгший, с возможностями и не скупой – в общем, какого заказывала, такого и получила. Анатолий никогда не выполнял ее просьбы наполовину.

После отъезда Анатолия Настя постриглась под мальчика и купила джинсы.

Аккуратный до занудливости Николай Филиппович приезжал к Насте раз в неделю в один и тот же день, в четверг, и в одно и то же время, в семь вечера.

– Жди меня в девятнадцать ноль-ноль, – предупреждал он.

– Буду ждать в девятнадцать ноль-ноль, – передразнивала она.

В двадцать три ноль-ноль за ним приходила машина. Появляться в компаниях, где Настю видели с Анатолием, ни он, ни она не хотели. Когда он приходил голодный, а Насте нечем

было его угостить, они выбирались в ресторан, у Николая Филипповича имелось укромное заведение, где для него всегда находился столик. Но больше всего он жалел, что не может пригласить ее на дачу.

– Грядки, что ли, некому полоть?

– Они у меня прополоты. О тебе забочусь. От города бы отдохнула, там свежий воздух, лес рядом, речка... А с грядками я сам с большим удовольствием занимаюсь, наверное, корни крестьянские ожили на старости лет.

Иногда Настю подмывало сказать ему, что на грядки он ездит с большим удовольствием, чем к ней. И сказала бы, если бы разозлился. Но мужик он был безвредный, и поводов для скандала не случалось – как тут не вспомнить Анатолия? Раз в неделю, при четком расписании, без неожиданных проверочных визитов – такую плату за уютную квартирку можно было терпеть. Остальным временем распорядилась как хотела. О скрашивании жизни заботилась сама. Появились новые подруги и друзья нашлись, если, конечно, партнеров можно называть друзьями. Жить-то надо. А ответ ей держать не перед кем. Не заслужили, чтобы она оправдывалась.

Между тем любовь к дачным грядкам постепенно оттеснила Настю. Грядки оказались желаннее. И все-таки у Николая Филипповича хватило благородства и уважения к Анатолию, чтобы не бросить женщину посреди улицы или в ресторане с неоплаченным счетом. Он передал ее одному из своих заместителей по службе – молодому, холостому, подающему надежды. А ордер на квартиру, полученный заместителем, был чем-то вроде приданого. Насте он подарил на прощание серебряный браслет, даже сострил, вручая, сравнил его с кандалами, потому как планировалось, что заместитель его, Селиванов, зарегистрируется с Настей и пропишет ее, а потом могут разводиться, а могут и детей рожать, как получится. Браслет был аляповатый, шутка – неуклюжая, но то и другое от чистого сердца.

Откуда ему было знать, что скромный Селиванов окажется последней сволочью?

2

Она бы нашла что ему ответить. Она бы многое могла сказать. Но стоит ли спорить с насекомым? Конечно, насекомое. Комар малярийный. И голосок писклявый, и носик шильцем, и постоянное желание в кого-нибудь впиться исподтишка. Хватануть кровушки и улететь. Ах, он что-то узнал. Колумб Америку открыл. Первооткрыватель выискался. Из него первооткрыватель, как из нее английская королева. В поджилках жидковат для Америки. Молодец среди овец. Характер вздумал показать. Где же он был, этот характер, когда с Николаем Филипповичем разговор, а точнее, договор, шел. Характер – он или есть, или нет его, это не гитарная струна, которую при надобности можно подтянуть или ослабить. Был бы с характером, он не стал бы строить из себя подслеповатого и тугоухого. Неужели ничего не знал? Неужели не видел? Все знал. И кто перед ним был, и кто – до того. Знал и все-таки взял, потому что в квартирку хотелось въехать. Вот и получил по заслугам. Не она виновата, что заслуг этих мало-вато набралось, что хватило только на квартирку с подселением, с квартиранткой так называемой. Без квартирантки-то и разговаривать бы не стали. На таких условиях и давали. Николай Филиппович джентльмен – на приданое не поспешил. Или не было такого уговора?.. То-то. Не поздновато ли ревность проснулась? Пока она спала, столько снегу намело, что все следы перепутались. А он с вопросами: кто этот, кто – другой? Носится по городу, досье собирает. Даже про Лариску выведал. Ну, дружили. Ну, выслали Лариску из Москвы в Лесосибирск. Хотя какой там Лесосибирск, когда всю жизнь Маклаково было, Маклаковым и осталось. Только мужики-то для нее и там найдутся. А что до Олимпийских игр, так их и по телевизору можно посмотреть, если желание появится. Да вряд ли у Лариски появится оно. У нее к спортсменам свои счеты. Как она их костерила, физкультурников наших славных. Гера у нее был, футбо-

лист из класса «Г». Кроме дворовой шпаны никто не знает, а гонору на семерых: он – звезда, а она... – неприличное слово. Только, если разобраться, какая между ними разница? Оба числятся в одном месте, а зарабатывают в другом, чем Бог наградил. Но ее за это честят кому не лень, а его в школы приглашают перед юными пионерами выступать. Гера этот в двадцать девять лет опустил до грузчика в продовольственном магазине, не «подснежником» уже, а самым настоящим амбалом заделался, пузыри в неурочное время выносил, пьяных работяг обсчитывал. Но Геру перед Олимпиадой в Маклаково не выслали. Он вроде как безвредный, некоторые его жалеют даже – форму человек потерял. А если Лариска форму сохранила, значит, ее в Маклаково? Справедливость называется.

И этот прощелыга, Селиванов, туда же.

– А что у тебя с Николаем Филипповичем было?

– С каким Николаем Филипповичем? Который нам с тобой квартиру сделал?

– Квартиру я честно заработал.

– Только я почему-то в нее первая въехала.

– С пенсионером.

Тогда он еще не был пенсионером. Недавно стал. Оттого и осмелел Селиванов. Оттого и про Лариску вспомнил, и про Лесосибирск. Не хочется ли к дорогой подруженьке в гости съездить? А что, с него станется, ради квартиры на все пойдет. Стукнет куда следует, и подхватят под белы ручки, вещи собрать не дадут. Поневоле задумаешься. Лариску в принудительном порядке отправили. Если выехать добровольно, будет, пожалуй, спокойнее. Тем более что в Качинске дожидается крестовый дом. Может быть, и не очень ждет, но хотя бы на одну из комнат она имеет право. А большего ей и не надо, отсидеться до конца лета, переждать Игры Доброй Воли, а там – видно будет. Самостоятельно уехала, самостоятельно и вернется. С деньгами, жаль, туговато. А по чьей вине? Опять Селиванов. Путается под ногами. А без подарков ехать нельзя – сестрица сразу неладное учует. Надо обязательно что-нибудь купить для нее. А для племянницы можно выбрать из своих тряпок, невелика принцесса.

До свидания, комарик, век бы тебя не видеть.

А река зовет, бежит куда-то, плывут сибирские девчата навстречу утренней заре, приезжай ко мне на БАМ...

3

Она не узнала родной вокзал, засомневалась, замешкалась в тамбуре и только после тычка в спину от нервной землячки сообразила, что к старому зданию успели пристроить коробку из стекла и бетона. Остальное, как в прежние годы: и продуктовая лавка на перроне, и пакгауз, и туалет – все деревянное, все та же бугристая и растресканная коричневая краска. И ранетки на привокзальной площади остались все такими же низкорослыми и разлапистыми. Все те же улочки одноэтажных домишек и водонапорная башня из красного кирпича. Разве что такси возле автостанции появилось, но, может, оно и раньше было, только не про нее.

Женщина с ребенком на руках обогнала Настю и подбежала к такси. За ней тащились мужчина, обвешанный сумками, и мальчик с пучком бамбуковых удилиц. Наверное, отпускники. Спешат показать внучат деду с бабкой. И не стесняются, что глаз у старшего внучонка залеплен пластырем. Разве такие дети были бы у Насти? Но их пока нет, никаких. Да и есть ли кому показывать? Как там еще примут?

Когда девчонкой жаловалась Анатолию, что сестрин муж домогается ее, она сочиняла. Разве что подглядывал за ней. Но надо же было как-то разжалобить. Другое дело, что в крестовом доме не больно горевали о беглянке и ждут ли теперь?

Крестовый дом оказался не таким большим и красивым, как ей вспоминалось в Москве. Но все-таки дом. И не хуже соседских. Дом, в котором выросла. «Родительский дом, пускай

много лет горит твоих окон...» – вспомнился далеко не мужественный голос певца. И робость подступила, или неуверенность? Или даже стыд?

А на окнах занавески. И ничего сквозь них не видно.

Настя еще топталась возле калитки палисадника, когда из родительского дома вышел незнакомый мужчина. С вороватой торопливостью он прошмыгнул мимо Насти, мягко перепрыгнул через заросшую травой канаву и только с дороги, с нейтральной территории, оглянулся, уже оцениваяюще.

Но что мог делать этот хлюст в ее доме? От кого он возвращается?

Для сестры вроде моложав, и свой мужичонка, плох или хорош, а все равно не позволит. Неужели от племянницы? Так не при матери же?

Племянница, чего доброго, и не узнает.

И тогда она спросила:

– Людмила дома?

– Дома. А у вас к ней дела?

– А у вас?

И смутился кобелек, завилял, озабоченность на лице появилась.

А Настя уже распахнула калитку. Не до него. Теперь не терпелось увидеть сестру, о которой в Москве вспоминалось гораздо реже, чем о крестовом доме, – родовой замок, по ее выступлениям, принадлежал только ей, Насте.

Сестра сидела на кухне и пила чай, нечесаная, в самошитой ночной рубаше серо-голубого цвета. Чай был налит в большую красную чашку, которую Настя сразу вспомнила, сестра всегда ворчала, если кто-то брал ее. Уцелела чашечка, только ручка откололась. Может, и рубаша на Людмиле с тех же доисторических времен. А вот сама – встретиться на улице и не узнала бы, прошла бы мимо и не оглянулась. Все-таки не из ее постели выбрался этот любознательный в галстук.

– Надька, что ли? – неуверенно протянула Людмила, а потом уже во весь голос: – Сеструха, ядрена вошь! Родная сеструха прикатила!

Сколько радости в голосе. И руки распахнула, приглашая младшенькую к себе на грудь.

Настя легко подалась вперед, прижалась к ней, что-то бормоча, ткнулась губами в мягкую, соленую от пота щеку.

А за спиной уже стукнула дверь – кто-то спешил на радостный крик.

– Любаха, смотри, какая мадама к нам заявила! Самая настоящая мадама.

Племянницу звали Верой, значит, у сестры еще кто-то живет. Настя оглянулась и увидела миленькую на мордашку, но коротконогую, как тумбочка, девушку.

– Нет, Любах, ты только посмотри, какая мадама. Сеструха моя, что характерно.

Девушка выглядела лет на двадцать, даже постарше, но очень походила на Людмилу, и Настя засомневалась, не забыла ли имя племянницы.

– Да посмотри ты!

Но Любаха и без подсказок прилипла взглядом к столичной даме так, что в пору было одернуть – чего, мол, уставилась.

– Сеструха моя, – повторяла Людмила не без гордости, даже с превосходством каким-то, и тут же напонила: – Ты на автобус не опоздаешь?

Все-таки не дочь, с дочерью бы так не разговаривала, – решила Настя. А потом и сестра подтвердила, что Любаха – всего-навсего квартирантка.

Она и выпроводила ее до того, как Настя стала доставать из сумки столичные подарки.

4

– Ну, как ты там?

– Да, нормально. Жить можно. А как вы тут?

– Живем понемножку.

Одна вздохнет, потом – другая.

Насте все-таки полегче: что ни скажи – проверять некому, если сама не запутается, а чтобы не путаться и не плутать, надо держаться поближе к своей тропе: работает страховым агентом, муж – большой начальник, уехал на полгода за границу, жила как за каменной стеной, одна беда – с прежней семьей развестись не может, боится неприятностей в главке.

– Так живет-то с кем?

– Со мной, с кем же ему жить. Просто не расписаны. Развод затевать – себе дороже. После развода не только за границу, с работы полететь можно. А мне штамп необязателен, главное, что любит.

Настя вытягивает руку с обручальным кольцом. Рука гладкая, кольцо широкое. Вроде бы и убедительно, однако в губах у сестры какое-то недоверие, хотя и поддакивает. Но зависти не видно, потому что не находит чему завидовать. Если бы привезла своего, за которым как за каменной стеной, да еще бы и паспорт с печатью показала, – тогда другое дело, а так, язык без костей, а уши с перепонками. Сама она своего законного скоро четыре года исполнится как выставила, совсем записался, стоило бы посадить, да пожалела, дочку не захотела позорить. Верочку – год уже как в город проводила, на бухгалтера выучила. Серьезная девка, в общежитии жить не захотела, комнату снимает, сорок рублей в месяц платит. Потому и самой приходится квартирантов держать, хоть и хлопотно, да без приварка не вытянуть. Зарплата в столовой маленькая. Перебивается с латаного на перелицованное.

– А у калитки встретила? В галстучке выходил... тоже постоялец?

– Любахин ухажер. Командировочный с гидролизного. Я не встречаю. Пусть уж лучше здесь, чем под кустами. Солидный мужчина, не чета нашим.

Вздыхает Людмила и Настя – за компанию.

– Может, к маманьке на могилку съездим?

Людмила, не сказать, что с большим желанием, но соглашается.

Закручивают пробку на коньяке, привезенном из Москвы, благо что бутылка с резьбой, и недолго собираясь – в путь. По дороге заворачивают в столовую – сестренкой похвастаться и выпросить отгул.

Могилу находят не сразу. Сиротская могилка, без цветочка, без деревца, с гнилым штакетником оградки. Людмила садится на траву, глаза ее влажнеют, голос дрожит.

– Что молчишь-то? Выговори мне: такая-рассякая оградку поставить не может, у других вон серебрянкой покрашены, а там вон, смотри, даже плита мраморная стоит.

– С чего я тебе буду выговаривать?

– А ты найди с чего. Найдешь, если захочешь. Только не забудь спросить, как я все это без мужика смогу сделать, на какие шиши-барыши.

– Перестань, что я, не понимаю, что ли, вчера на свет родилась?

Настя присаживается рядом с сестрой, достает из сумки бутылку, яблоки.

– Давай помянем маманьку.

Людмила пробует яблоко.

– Сладкое. Почем брала?

– Не помню.

– Значит, хорошо живешь, раз не помнишь.

И всхлипывать перестала и в голосе какое-то сомнение, если не подозрительность. Шумно понюхала стакан.

– За маманьку. – У Насти подступили слезы.

– Помянем великомученицу. – Людмила легко проглатывает коньяк и с жадностью вгрызается в яблоко. – Нет, ты скажи, почему у нас доля такая?

– Какая?

– Ломаная. С батькой моим она двух лет не прожила. Я на четвереньках ползала, когда его на войну забрали. В двадцать пять лет овдовела. А уж от какого красавца тебя принесла, одному Богу известно. Ей тогда под сорок подкатывало. И оставила. К доктору идти постыдилась.

– А может, не от стыдливости? Может, от любви?

– Какая любовь в ее годы? Сказанула.

– А что...

– Да то. Будто не знаешь, какая пытка – к доктору идти. Откуда ей здоровья было взять?

– Помню, как волосы расчесывала. Красивые были волосы у нее. Платье в синий горошек помню, а вот слов ее, о чем говорила – не помню.

– Откуда тебе ее помнить, когда я с тобой всю дорогу нянькалась. Ты же мне руки-ноги связала. Матери-то некогда. Днем – работа, вечером – хозяйство. Попробуй без мужика дом содержать. Теперь своим горбом поняла. А тогда, был грех, обижалась, на улицу к подружкам хотелось.

– Дом, конечно, большой.

– Единственное, что осталось от папаньки. От твоего – красота, а от моего – дом. Дедушка с расчетом на двух сыновей строил. Откуда было знать, что война никого не пожалеет. А дедушка мой работающий был.

Уточнила. Напомнила все-таки, что дом именно ее деда, которому нагулянная Настя седьмая вода на киселе. Поставила ударение. Настя вроде и повода не давала, так она и без повода поспешила намекнуть. И намек – толще некуда.

А что Насте делать? Не рассказывать же о том, как хвасталась московским знакомым своим родовым замком. Не поймет сестрица ее куража, не поверит, что чужих людей дразнила, а претензий на свою половину и в думах не держала – не поймет, не оценит ее юмора.

– Дедушка и о внучке подумал, – говорит Настя с простецкой улыбочкой.

– Этим и выжили. Тут и курята, и поросята. Куковали бы в казенном, с голоду бы сдохли. Да что теперь об этом вспоминать. Я ведь вот о чем начала – мать, считай, всю жизнь без мужика сохла, мой тоже груш объелся, тоже мыкаю.

– Сама же, говоришь, прогнала.

– Какая разница.

– А где он сейчас?

– Алименты из Абакана приходили. Слезы, а не деньги. Другие мужики на БАМ едут или в Норильск, а этот устроился на сто двадцать рубликов – ни вару, ни товару. Знала бы, что так получится, родила бы от какого-нибудь красавца залетного, на ночь-то бы нашла уж, чтобы девчонка красавицей выросла, навроде тебя.

– Так не уродка же.

– Других не хуже. А красота, она тоже бывает не впрок.

И снова вопросительный прищур в Настину сторону. Только зачем, когда и без прищура тошно. И место не совсем подходящее. И злорадства надо бы поубавить – родная все-таки. Если по-доброму да с пониманием, неужели бы она таилась, ей ведь и самой хочется душу облегчить. А так – нет. Извини, сестрица. Обидчиков и без тебя достаточно. И поумнее, пожалуй, были – такие кобры, такие гадюки, не говоря уже о шакалах... Да не на ту нарвались.

– Давай еще по одной да поехали, а то разморило малость на жаре, да и поспать с дороги не мешает, – говорит Настя и встает, не хватало еще поругаться на могиле матери.

5

И пыль дорожную смыла, и на прохладной простыне вытянулась, и уснула, а поспать не дали. Гостей принесло.

И каких!

Встретились утром у калитки и разбежались, вроде бы и достаточно для первого дня. Да зацепило, видать, ходака. Заявился касатик и дружка с собой привел. Стеснительный, без чужой спины не может обойтись, уверенности не хватает. Дружок на вид посмелее. Мелковат, правда, помощничек, но с черными усами и при галстук. Вроде как Любашу проведать пришли, только зачем же вдвоем, да еще и с шампанским! С Любашей, поди, портвейнчиком обходились.

– Она же через день вернется, – не может додумать Людмила. – Память, что ли, отшибло?

– Действительно, совсем считать разучился, – мямлит гость и на дружка косится, приглашает оценить приезжую кадр.

– Эх ты, арифметика дырявая, – игриво упрекает усатый и спрашивает, обращаясь уже к Насте: – А как быть с напитком? Вдруг испортится? Только вопросик не по адресу – хозяйка в доме – старшая. Настя опускает глаза. Она здесь Золушка. Однако Людмиле не до церемоний, если с утра попало, то почему бы не продолжить? Раньше за ней такого не замечалось, а теперь, не теряя времени на отговорки, тащит на стол закуску. Правда, не слишком щедра на угощение. Банка посеревшей капусты в мутном рассоле, желтое, опять же прошлогоднее сало. Разве что редисочка хороша: веселая, свежая, сама в рот просится, но она появляется на столе в последнюю очередь.

Настя не вмешивается, с подсказками не лезет, привезенные гостинцы уже отданы и не ей ими распоряжаться, хотя там и конфеты есть, и колбаса, и консервы. Настя и с гостями не шибко вольничает. А если при знакомстве усатый ручку ее к губам поднес, так Настя его не просила, – пусть, если галантностью хочет блеснуть.

Усатый назвался Андреем, второй – Виталием. Приятные мальчишки, красивые имена.

Андрей открывает шампанское уверенно, с легким хлопком и без брызг. Можно в официанты принимать. Только не пойдет, слишком самолюбив для официанта. Такой готов просидеть до пенсии сторублевым инженеришкой, но ни за что не согласится на лакейскую работу. Это не Селиванов, который за лишний четвертак сортиры чистить не побрезгует. И с легким хлопком, и без брызг, но все-таки с напряжением душит пробку. До Анатолия ему далековато, тот говорил, что открывать шампанское и раздевать женщину – искусство, доступное редким мужчинам.

Опять Анатолия вспомнила? Сколько можно?

Есть у Насти примета: если начала сравнивать мужчину с Анатолием, значит, знакомство закончится постелью. Обнаружив такую странность, рассердилась на себя, пробовала бунтовать – не получилось, словно бес на аркане подтаскивал.

И теперь, если по-честному, ей больше нравится Виталик, не то чтобы влюбилась, пульс пока нормальный, и вообще не до приключений, но если бы вздумала выбирать... поманила бы – и никуда не делся. Но с Анатолием почему-то сравнила другого, случайного и не в ее вкусе. А может, и не совсем случайного? Может, ей показалось, что Виталий пришел ради нее? Может, он ее дружку пообещал или, еще хуже, начальнику своему? Неужели и этот такой же?

И Настя спрашивает:

– А вы, ребята, вместе работаете? – Невинный вроде бы вопросик.

Виталий молчит, словно дорогу уступает, а дорога-то к ней, к Насте.

– Живем в одном номере, а работа разная. Виталик – проектировщик, я – дефектоскопист.

– Дефективный?! – Настя уже передразнивает, забыв о роли Золушки. – Первый раз вижу мужчину, который сам себя называет дефективным.

– Ну, зачем же так?

Андрей начинает объяснять, в чем смысл его работы. Он обижен. Только Насте наплевать на его обиды. У нее нет желания слушать скучные разговоры. Тяжеловато притворяться скромницей. Навыков не хватает. Не хочется, чтобы мальчики думали, будто в столице ее по чуланам да подпольям прятали. И Виталию хочется отомстить.

– Проектировщик, говоришь, цивилизованный, значит, мужчина?

– В некотором роде.

– А к женщине относишься хуже конюха.

– Почему? – Виталий даже покраснел. – Я вроде ничего неприличного не сделал.

– И приличного тоже. Как ты с Любахой обходишься? Посмотрела я утром на нее. Молодая девка, а халат под мышками рваный. Тебе уже под сорок, наверное? А ей двадцать. За такую разницу доплата полагается.

Виталий молчит, соображает, чего больше в словах Насти – укора или розыгрыша. Андрей исподлобья наблюдает за ней, но пока выжидает. Первой подает голос Людмила, тоскующая и зевающая, она вдруг оживает.

– Неужели доплата?

– А вы как думали? В приличном обществе такие развлечения недешево обходятся.

– В Париже, например, в Рио, в Сингапуре...

Виталий иронизирует. Ему выгодно свести разговор к шутке. Рыльце-то в пушку. Настя видит его желание увильнуть и наступает еще настойчивее.

– Зачем же так далеко забираться? У нас и свои города есть.

Людмила то на Виталия уставится, то к Насте голову повернет, силится понять, о том ли идет речь, о чем ей показалось.

– У нас доплата не практикуется. У нас психология другая.

– Правильно он говорит, – подхватывает Людмила. – Наши девки так не приучены.

– Может, приучать некому.

– Это же позор какой, страмотища. – Людмила даже приосанилась от возмущения. – Скажите, мужики, нет у наших таких привычек?

С Виталия уже сошла лишняя краска. Если не переходить на лица, он согласен продолжать щекотливую тему.

– Молодец, Людмила, истинная патриотка. Наши девушки все делают по велению сердца и не ищут выгоды в любви. Деньги унижают достоинство не только женщины, которой их предлагают, но и мужчины, который платит.

– Ох, мы какие! У нас оказывается и достоинство есть. Вот бы посмотреть на него.

– Кроме шуток, от одной мысли, что тебя любят за деньги, всякое желание может пропасть. Если человек с дефектами, тут еще можно понять, а если нормальный мужик... Правильно я говорю, Андрей?

Заботится о товарище, помнит, для чего привел, и дает возможность показать себя, заработать победные очки. А товарищ не торопится поддержать. У него своя игра. Соло. Такие работают только на себя. Частенько за счет других. И пока Виталий сидит с глупой физиономией и ждет его поддержки, он неторопливо достает из портфеля новую бутылку, с наслаждением душит пробку, стравливая лишнее давление, ждет, когда осядет первая пена в стаканах, потом доликает, кивком приглашает выпить и только после этого изрекает:

– Почему же. Я бы, например, предпочел заплатить деньги, чтобы не тратить нервы и время на обхаживание и соблазнение. Во-первых, это честнее, никаких обещаний, никакого лицемерия, во-вторых, дешевле, на рестораны, цветочки и прочие ухищрения тратишь гораздо больше.

Виталий не возражает, не мешает товарищу забавляться. Настя тоже молчит, ей-то что, пусть болтает, она и не такое слышала. Одна Людмила опускает глаза и рдеет чище гимнастки.

– Более того, существуй у нас публичные дома, сократились бы разводы и семьи бы стали крепче.

– А крепкая семья – оплот государства.

– Зря иронизируешь. Я абсолютно уверен, что цивилизованность страны и количество публичных домов на ее территории – прямо пропорциональны.

Высказал сокровенное и ждет. Настиных возражений ждет. На нее смотрит. А она реди-сочку чистит. Очистила, солью посыпала и в рот. Волнуется одна Людмила, ей такие речи в диковинку, а шампанское удваивает страсть.

– Ну, наколбасил! Может, ты скажешь, что и дома терпимости открыть следует?

Андрей не спрашивает, что она подразумевает под терпимостью. Держится не хуже артиста, в голосе и намек на иронию нет. Он соглашается, заманивает.

– Дома терпимости – это нехорошо, я имею в виду обыкновенные публичные заведения. Вот представьте: приходит парень из армии, ему двадцать лет, кровь играет, от физиологии никуда не денешься, не мы ею управляем, а наоборот; у парня по ночам бессонница, работа на ум не идет – что ему остается?

– Ясно чего, искать.

Правильно. Только не у каждого получается. Иного эти поиски так вымотают, что он женится на первой, которую сумеет уговорить, поскольку в этой гонке чувство бдительности притупляется, если не атрофируется. А через год-другой паренек спохватывается. Хочется погулять. И начинается счастливая семейная жизнь – скандалы, драки, разводы... А потом – дети без отцов.

– Гляди-ка ты, верно. Детей без отцов теперь больше, чем собак бездомных.

– И все потому, что сервис отсутствует, – торжественно, разделяя каждое слово, говорит Андрей. – Имейся он – получил парень зарплату – и в заведение. Все честно. Все довольны.

– А сервис-то для какой нужды, кофе, что ли, пить перед этим делом полагается на заграничный манер?

Андрей и тут выдерживает игру. Людмила морозит одну глупость за другой, а он, ехидна, только поддакивает.

– Правильно, хозяйюшка, кофий они для отвода глаз применяют, а если нет кофия, можно и чаек из стаканчика.

– И сколько же платят за такой сервис?

– Не знаю, не приходилось, но попробовал бы с удовольствием. Жаль негде.

– И все-таки лучше, когда по любви, – уточняет Виталий, для Насти уточняет, вроде как в союзницы зовет.

А зачем ей такой союзник? Ей защитник нужен. Расфилософствовались, кобели несчастные. Не с той стороны подъезжаете. От такого зелья она не хмелеет. Скучно ей. И она спрашивает:

– Хочешь сказать, что у тебя была возможность сравнить?

– Нет. Просто мне так кажется.

– Или денег жалко! – радостно кричит хмельная Людмила. – Все мужики – жмоты! Жмоты!

От такой радости и до истерики недалеко. Настя как-то просмотрела, когда Людмила успела напиться, может, к шампанскому не привыкла, разошлась, того и гляди скандалить начнет, а это уже совсем ни к чему – многовато для первого дня.

Настя первая встает из-за стола. Пора, ребяташки, пора закругляться, хорошего поне-много. Людмиле завтра с утра на работу. Сейчас она их проводит до калиточки, не дальше. Проветрится перед сном.

У калитки Виталий ускоряет шаги. Без прощаний, без намеков, как бы по рассеянности, оставляет дружка с красивой женщиной. Ну и черт с ним. Пусть катится, Настя не думает окликать его.

– Хороший Виталик мужик, надежный, – говорит Андрей.

– Тебе лучше знать.

Поддерживать пустую беседу ей лень. Если мужчина хочет развлечь ее, пусть напрягает извилины, помогать ему она не собирается.

– Кстати, очень толковый специалист.

– Молодец.

Рука Андрея крадется к ее руке. Настя как бы не замечает его ухищрений. Она не отстраняется. Она его понимает и оттого не боится. К тому же на улице свежо. Пусть поиграет. Это он на людях храбрец, о публичных домах рассуждает, над полуграмотной Людмилой издевается, а дошло до дела – и прыти поубавилось. Анатолий таких героев теоретиками называл и не то чтобы презирал их, скорее жалел, они постоянно крутились возле него: и научные теоретики, и деловые, и такие вот, сексуальные, – сам их привлекал, интересный народ и безопасный.

Опять Анатолий. Опять взялась сравнивать. Вот уж, действительно, бесовская сила, хуже щекотки: сначала смех, смех, а потом нет сил остановиться, даже слезы не помогают.

– Значит, говоришь, всю жизнь мечтал попробовать за денежки?

Настя слышит свой голос и не то чтобы не узнает – ее голос, чей же еще, только слова чужие, не собиралась она такое говорить. Но интересно же посмотреть, как он себя поведет. Очень интересно. Вон как растерялся, как онемел от волнения или поглупел с перепугу.

– Ну так мечтал или нет?

Теперь можно прильнуть к нему. Ненадолго. На секундочку. И сразу же отшатнуться, чтобы успеть рассмотреть.

А посмотреть есть на что – вон как неуверенно растянулись губы, улыбочкой хочет прикрыться, да не очень-то получается, усы топорщатся, вздрагивают, а проку мало, еле-еле вымучивает коротенький смешок, а за ним и смятые слова.

– Не сказать, что мечтал...

– Да не стесняйся.

– Я нестеснительный. – Голос понемногу возвращается. – Мечта – слишком громко сказано, а желание такое есть.

– Тогда я могу помочь.

– Как?

Настя медлит – не из кокетства, не ради игры, она не знает, какую таксу потребовать с командировочного инженеришки, чтобы не перепугать беднягу, но и не слишком уронить себя. Сложная математика, однако решать надо, иначе не стоило затевать спектакль.

– Давай пятьдесят рублей и пошли.

Говорит, а сама во все глаза на клиента, и самым краешком, на всякий случай, на окна в комнате сестры, не горит ли свет? Интересно наблюдать за растерянным мужчиной. А рассмеяться и свести все к шутке она всегда успеет.

– Пятьдесят? – переспрашивает Андрей.

– А ты думал – пять?

– Я ничего не думал.

– А ты подумай, только недолго. А то и я думать начну.

– У меня с собой всего сорок два рубля.

Видно, что слова срываются помимо его воли. Голосок такой несчастный, что хоть самой плачь от жалости. Но она смеется, и с удовольствием, от души. Она и вспомнить не может, когда еще так безудержно смеялась.

– Что же делать, давай сорок два. Или жалко?

– Я это добро никогда не жалел.

– Тогда давай.

Червонцы у него лежали в бумажнике, а рубли ищет по карманам, две линялые бумажки с надорванными краями.

– Слава богу, что не мелочью.

Жестковато немного, а что делать, и она тоже рискует, и она открыта для удара. Настя кладет деньги в карман и направляется к дому.

Андрей стоит у калитки.

– Пойдем, что же ты?

Она пропускает его вперед, идет следом. Походка у Андрея пугливая, недоверчивая, ожидающая подножки или удара. Пусть понервничает. В сенях Настя берет его за руку и ведет в свою комнату. Еще днем она видела в доме радиолу, но не перетаскивать же ее среди ночи, а музыка не помешала бы – негромкая, на полусеппоте. Пьяная Людмила все равно ничего не услышит. В комнате Андрей смелеет, проходит к кровати и садится – молодец; не стоять же возле двери. Настя и сама рядышком присядет, она и обнимет его, и поцелует, но не крепко, крепче – немного погодя, им некуда торопиться, сначала она разведет его руки и отбежит к двери. Не затем, чтобы выключить свет – нельзя же и без музыки, и в темноте. Ей очень хочется станцевать для него, он и не подозревает, как легко она танцует, такого танца он еще не видел. Туфли, конечно, придется сбросить, чтобы не разбудить старшую сестру, такие танцы не для ее нервной системы, но не только поэтому, если честно, Насе хочется, чтобы он увидел, какие ровные пальчики у нее на ногах. Пальчики у нее изумительные, но колени еще лучше. Точечные колени, пока она кружится, он может ими любоваться, как мимолетным видением. Потом у него будет время их рассмотреть. А сначала она обнажит плечи, прикрытые материей, они все-таки не так соблазнительны. Кофточку можно снять, не прекращая танца, снять и бросить рядом с ним на кровать, даже не бросить, а уронить, проплывая мимо. Живописные плечи и белье, достойное этих плеч, вряд ли он видел подобное и уж точно никогда не прикасался к нему, а теперь может дотронуться, немного терпения, и она небрежно освободится от него, не нарушая танца, потом небрежно уронит на колени своего повелителя, но не все скопом, мужчина должен быть терпелив, сначала упадет сорочка. Теперь он может оценить, насколько щедрa была к ней природа, но когда тело лишится последних мешающих его свободе тряпочек, оно станет еще прекраснее. Жаль, что голова слегка закружилась и надо присесть. Только на минуточку и, конечно, рядом со своим повелителем. Только зачем он торопится? Это недостойно его. Ни к чему хозяину воровская суетливость. Еще немного, и все будет хорошо. Голова перестала кружиться, и она снова может танцевать. Неужели не нравится танец? Еще два или три круга и к ногам победителя упадет самая интимная вещь ее туалета. Ее можно поднять, не надо стесняться, притворство не идет мужчине – если хочется, надо поднять и положить к остальному белью, но можно и подержать в руках, пока не кончится танец. И совсем необязательно раздеваться самому – для этого существует женщина. Еще немного терпения – и она освободит его от ненужной одежды. Сначала она снимет с него пиджак. Жалко, что в комнате нет стула... она не бросит его на пол, она повесит его на гвоздь, пусть повисит на гвозде. Теперь надо снять галстук. Он не умеет завязывать узел? Не стоит печалиться – она не допустит, чтобы утром он уходил без галстука. Теперь рубашка... Но сначала можно поцеловаться. Не желает ли он поцеловать вот здесь? Крепче.

Голый по пояс Андрей отталкивает Настю и падает лицом в подушку.

– Все! – рычит он.

– Что все, миленький? – Настя присаживается рядом и гладит его по спине.

– Уйди!

– Ах, вот оно что, это бывает; не переживай.

– Уйди!

– Уйду, мой хороший, но прости – сдачи в этом деле не бывает.

Издевка срыгается, как пощечина, хлесткая, со всего плеча.

Андрей молча натягивает, рубаху, сует скомканный галстук в карман пиджака. Лицо словно у ребенка перед слезами. Хотелось проучить, чтобы не важничал, не болтал лишнего. И проучила, а теперь и самой жалко.

– Ну, что ты, право, как маленький?

Андрей не отвечает.

– Присядь, успокойся, и все будет нормально.

Чтобы не встречаться с ней глазами, он старается держаться спиной к ней. Она подкрадывается на цыпочках, сжимает ладонями его голову и пробует повернуть к себе. Но Андрей уже не верит ей.

Не накинув халата, Настя идет проводить его и закрыть двери. Она останавливается на крыльце. Он, сутулясь, вышагивает к калитке. Ну и пусть катится, невелика потеря...

6

В маленьком городе случайных встреч почти не бывает, и не хочешь, да встретишь, а если хочешь – тем более.

К приходу Людмилы Настя решила прогуляться по магазинам, взять что-нибудь к столу, чтобы не чувствовать себя нахлебницей.

Промтоварный магазин ее ничем не порадовал, а в продуктовом был Андрей. Он покупал сигареты. Увидев Настю, он отвернулся, но она сама подошла к нему.

– У воспитанных людей, между прочим, принято здороваться со знакомыми, – сказала вроде бы с некоторой обидой, но тут же примиряюще улыбнулась.

– Здравствуйте, Настя.

Не обращая внимания на сухость голоса и убегающий взгляд, Настя взяла его под руку и повела к выходу.

– А я вот решила посмотреть, не торгуют ли здесь медвежатиной. Раньше, помню, выбрасывали.

– Не знаю, не встречал.

На улице дождик. Настя раскрыла зонт и, чтобы на Андрея не капало, плотнее прижалась к его руке.

– По такой погоде не разгуляешься. Может, сходим в кино?

– С удовольствием бы, но меня ждут.

– Кто, женщина?

– Товарищ по работе.

– Виталик, что ли?

– Нет, Жора, из нашей лаборатории. Взяли на службе канистру спирта, он пошел к своей подруге, а я за куревом. Подлечиться надо.

– А меня пригласить ты стесняешься? Может, меня стыдно людям показать?

Она не выпрашивала комплименты и задавала глупые вопросы с единственной целью – защититься и, может быть, слегка подразнить Андрея, а он вдруг стушевался.

– С чего ты взяла? Просто там не совсем изысканная компания.

– Андрюшенька, милый. – Она чмокнула его в щеку. – Я же выросла на этой окраине, меня здесь ничем не удивишь.

Андрея поджидали в доме Нинки Тумановой. Дружбы с ней Настя не водила, но знала, учились в одной школе только Нинка на три класса впереди, тоже – безотцовщина, но из тихонь, вечно на школьных вечерах в углу скучала. Мать у нее работала проводницей. Когда Настя убегала с Анатолием, боялась, как бы не напороться в поезде на тетю Таню, но обошлось.

Скособоченная, хибарка Тумановых вросла в землю чуть ли не по окна. Именно с такой завалюхой сравнивала Настя свой дом, когда называла его родовым замком.

– Мы на полчаса, – предупредил Андрей.

– Не суетись, все равно не помешаете, – сказал рыжий мужик и, посмотрев на Нинку, засмеялся.

– Болтаешь много, – одернула Нинка.

Она почему-то нервничала. Едва кивнув гостям, сразу же замкнулась. Жорка усаживал их за стол, мыл для них рюмки, а хозяйка сидела, забившись в угол. Настю она не узнала, а когда вспомнила, не проявила ни интереса, ни радости. Раздраженность ее можно было принять и на свой счет, но шипела она только на Жорку. Этот кудрявый бугай успел до их прихода серьезно приложиться к стакану и балагурил, не замолкая. За некоторые шуточки его, действительно, стоило бы одернуть, но очень уж добродушна была его круглая физиономия с белыми бровями, а синие глаза – удивительно невинны. Хотя у его подруги могли быть свои счеты к этому невинному добродушию. Когда хохот Жорки набирал силу, она пихала его в бок острым локтем и показывала пальцем в сторону занавески, отделяющей кухню от комнаты.

– А что я могу поделать, если у меня голос такой?

– Разбудишь, она тебе покажет, что делать.

– Суровая у меня теща. А если ей дать законные права – даже мне представить страшно.

– Оборзела совсем.

– Милая моя Нинулечка, нельзя так о матери.

– Пожил бы ты с ней.

– Теща, как теща. У меня и хуже бывали. Эта хоть выпить со мной не отказывается.

– Потому и не отказывается, что у тебя спирту полно. Попробовал бы ты с пустыми руками сунуться.

– А зачем? Для тещеньки отравы не жалко. Канистра кончится, новую принесу.

– Ей хоть весь завод перетаскай, – не унималась Нинка. – Часа не прошло, как Жорка ей почти полный стакан выпоил. И думаете долго проспит? Как же. Попробуй пройди в комнату – сразу вскочит.

– И что бы не спалось под шум дождичка, – вздохнул Жорка.

– Тебе бы все хиханьки.

Пока они переругивались, Настя подсматривала за Андреем, видела, как он мрачнел, и гадала, что его сильнее угнетает – вчерашний конфуз или вид некрасивой, издерганной Нинки. Она была уверена, что запросись она домой и Андрей с радостью кинулся бы ее провожать. Но оставаться с ним вдвоем ей пока не хотелось, не было вчерашнего куража.

А Жорка тем временем развел новую банку спирта и поставил ее в морозилку.

– Может, уже остудилась? – напомнил Андрей.

– Слишком хорошо думаешь о тещином холодильнике. Это же «Саратов». А в Саратове не до качества. Там сплошные страдания. Парней так много холостых, а я люблю женатого...

– Взял бы и подарил «Бирюсу».

– Подарю, Нинулечка, с первой шабашки подарю.

– А жене что обещал с первой шабашки?

– Жене, моя кошечка, я зарплату отдаю. Сейчас проверю, если напиток не остыл, то обязательно подарю.

Он пошел к холодильнику, и в это время на пороге комнаты появилась мать Нинки. Глаза у нее были открыты, но, словно слепая, она вытягивала руку вперед, чтобы ощупывать дорогу перед собой, а может быть, и для страховки, надеясь, ухватиться за что-нибудь, если непослушные ноги поведут в ненужную сторону. Не обращая внимания на гостей, она прошла к умывальнику, задрала подол халата и присела над помойным ведром, но не устояла и плюхнулась в него. Из переполненного ведра полетели брызги. Упираясь руками в пол, она все-таки

сумела приподняться и справить свою нужду. Потом, на ходу вытирая подолом мокрый зад, двинулась к столу, но пошатнулась и, если бы Жорка не успел подхватить ее, врезалась бы головой в печку.

– Спокойненько, Татьяна Ивановна, баиньки надо.

Она вскинула голову, посмотрела на Жорку и, сложив худые пальцы в сухонькую дулю, сунула фигуру ему под нос.

– Хрен тебе, а не моя дочка.

– Мамка, заткнись!

– Не кричи на меня. Тоньку Петракову монтажники в горсаду хором драли, и то замуж вышла, а ты, раскрыленная, до сих на моей шее сидишь.

– Спокойненько, Татьяна Ивановна, сейчас мы вам лекарства нальем. – Жорка взял ее за плечи и усадил на свое место. – Подлечитесь и баиньки.

– Неразведенного давай.

– Не учите ученого, для любимой тещеньки самого чистого, как моя слеза. – Жорка плеснул прямо из канистры и вложил ей ковшик в руку.

Старуха отхлебнула воды, потом, лихо запрокинув голову, вылила в себя спирт и снова приложила к ковшу.

– Ну как, полегчало?

– Хрен тебе в нос, а не моя дочка.

– Понял, Татьяна Ивановна, а теперь баиньки. – Жорка хотел ее приподнять, но она шлепнула его по руке и повернулась к Андрею:

– Женись на моей дочке, с этого рыжего алкаша все равно проку нету.

Андрей нагнулся к канистре, налил в свою рюмку, выпил и накиннулся на закуску. Но пьяная поняла его уловку.

– Не хочет, тогда пусть выметается.

– Мамка, заткнись!

– И ты выметайся. Кому я говорю... Все катитесь!

– Не слушайте ее.

Но Андрей уже встал. Он словно боялся, что к нему подобреют и раздумают выгонять. Настя на всякий случай пошла за ним. Жорка догнал их в сенях.

– Подождите, ребята, она сейчас уgomонится. Еще пятьдесят миллилитров – и захрапит.

– Угроишь старуху.

– Что ты, Настенька, она сама кого угодно угробит. Железная теща.

– Слушай, Жора, бери в одну руку свою канистру, в другую – Нинку, и пойдем к нам.

– А удобно?

– Время еще непозднее. Посидим, песни попоем.

– За песнями – хоть на край света. Сейчас зазнобу переодену – и вперед.

До края света они дошли за пятнадцать минут, могли бы и быстрее, но Нинка в дороге раскапризничалась, надумала убежать, и Жорке пришлось ловить ее и уговаривать.

Дома, усадив гостей, Настя вызвала сестру на улицу.

– Слушай, у них целая канистра спирта. Ты же говорила, что дом собираешься ремонтировать, теперь будет чем рабочих угостить.

– Водки на ремонт не напасешься, это уж точно.

– И я про то. Так что пусть Жорка с подругой здесь ночевать останутся. Койку не продавят.

– Пусть остаются. А канистра-то полная?

– Почти.

– Ну, так отлить надо.

– Успеется, вечер долгий.

Места для ночлега хватило всем, расщедрившаяся Людмила готова была выделить каждому по отдельной комнате, даже Андрею, но он промямлил о каких-то срочных делах в гостинице и ушел еще засветло. Может, подумал, что с него снова потребуют деньги, а денег в конце командировки не бывает; может, спасался от новых розыгрышей Нasti – уточнять она не стала, пожалела.

7

Нинка убежала чуть свет, а Жорке спешить некуда. Он всем доволен, аж морда лоснится от блаженства. По дому ходит, как по собственному – мало того, что никого не стесняется, но и не стесняет никого.

– Первый раз по-людски с Нинкой переспал. Зря смеетесь. Вы представить себе не можете эту шехерезаду: только приляжешь – бабка поднимается и в крик. Приходится вставать и снова к столу. Наливаю ей стопаря, укладываю баиньки, дождусь пока захрапит, и возвращаюсь к Нинке под бочок. Лежим, дышать боимся... и все равно, только дело до горячего доходит, храп прекращается. Голову поднимаешь, а она уже к выключателю ковыляет.

– Совсем совесть потеряла, – возмущается Людмила.

– Я-то ее по-человечески понимаю, а Нинка вот извелась совсем, оттого, наверное, и худая такая.

– И понимать нечего, – наседает Людмила.

– Ну, почему же, каждая мать мечтает выдать дочку замуж. Я бы и сам на Нинке женился, да боюсь, посадят за многоженство. Если б был я турецкий султан – другое дело.

– И султанша бы у нас появилась...

Людмила вроде как ревнует. Для Нинки приличного слова найти не может, а вокруг Жорки словно насадка. И рассольчику ему с утра из погреба, и к холеной своей редисочке в огород вывела. Стоят у грядки, шушукаются, секреты заводят. А когда провожала – аж на дорогу выползла.

– Чего это ты вокруг него вьешься? – спрашивает Настя.

– Да мужик больно хорош. Жалко, что стиральной доске достался.

– Отбить, что ли, надумала?

– Чего болтаешь-то, – пугается Людмила, – с ума сошла? Я ему сдобную кралю устрою, век будет благодарить.

– Других забот у тебя нет.

– А ты думаешь, с плохоньким литром, который после вчерашней гулянки остался, можно избу отремонтировать?

– Вот оно что. А вдруг он крале не понравится? – О том, что в канистре должно было остаться гораздо больше, чем литр, Настя не напоминает – пусть хитрит. – Вдруг ей рыжие не по вкусу?

– Как это – не понравится? Здоровый мужик с дармовой выпивкой.

– Мало ли их с дармовой выпивкой.

– У нас немного, – не без намека отчеканила. – И отдельная комната на ночь – это разве не в счет? Ты пойді поищи для этого дела комнатку.

Крыть нечем. Для игры в подкидного – козыри самые надежные. О существовании других игр Людмила не догадывается, зато здесь считает себя мастерицей.

Краля появляется на следующий вечер. Настя приходит из магазина и застаёт их с Людмилой за чаем. Сидит кралечка, воркует, а нормальным голосом двух слов связать не может и чуть ли не половину букв с трудом выговаривает. Головка с кулачок, волосики, что цыплячий пух. И только потом, когда она приподнимает с табуретки свое сокровище, Настя угадывает, чем новая краля собирается отеснить Нинку.

А Жорке что, он не привереда, ему без разницы.

– Неужели ты себе приличную девку найти не можешь? – спрашивает Настя утром, с глазу на глаз – не дай бог, сестра услышит, как хаот ее товар.

– А этим куда деваться? Им тоже ласки хочется.

Не понимает ее Жорка. Редкостный мужик. Стоит перед ним Настя, разомлевшая спросонья, а спросонья она еще соблазнительнее, об этом ей многие говорили, стоит перед ним избалованное дитя природы в халате, наброшенном на голое тело, а ему хоть бы что. Морду, конечно, не воротит – балагурит, смеется, но жадности в глазах нет. Языку можно приказать говорить что следует и руки утихомирить можно, а с глазами так просто не управишься, глаза всегда выдают. А этим синим – никаких забот. Непривычно такое Насте и немного обидно, и очень даже любопытно. А любопытной Варваре на базаре... в том-то и дело.

И на Любаху глаз не загорелся. А ей всего двадцать. Не подействовало. Чужого не надо. Удивительный мужик. И какой все-таки рыжий! В жарках, наверное, нашли, а не в капусте.

Любаха вернулась из деревни как раз в тот момент, когда Людмила устраивала на ночлег Жорку с новой кралей. Не помешала, но все-таки лишний свидетель мог бы спугнуть, окажись бабенка попримечнее. А этой девчонка не помеха, она бы и ее Виталия не постеснялась.

Виталий приходит на другой день, но встречают его неласково, на двери пока не указывают и к чаю зовут, и тут же говорят, что гости замучили, отдохнуть в собственном доме нельзя.

– Ты что-то переменилась к нему? – спрашивает Настя.

– Ходит, ходит, а толку, что с козла молока, – ворчит Людмила. – Пудрит девке мозги за здорово живешь, а я ему за это улыбаться должна.

– Он сам хорошо улыбается.

– Что мне его улыбки на зиму солить или в погреб складывать посоветуешь?

В погреб она складывала подарки любимого Жорочки. За кралю он пожаловал трехлитровую банку. Правда, на следующее свидание появился с бутылкой водки в кармане. Принес только для стола. Может, посчитал, что кралю с косой саженью в бедре не стоит второй трехлитровки, может, не подвернулось случая достать спирта. Людмила не допытывается, находит более тонкий подход – обещает новую подружку.

– Такую шалунью приведу, за которую тремя литрами не отделаешься.

– Веди, а за мной не заржавеет.

И приводит. Если сравнивать ее с той, курдючной овцой, новая – писаная красавица. У Жорки никаких претензий. Недовольна сама Людмила, – девчонка, на ее взгляд, плохо себя ведет, слишком похабно: после второй рюмки за пазуху к Жорке лезет, целует на виду у всех.

– Последний стыд потеряла.

– Для того и приглашала, – удивляется Настя.

– Так не при людях же. Под рубаху к нему полезла. Все равно у мужика там ничего нет. Зачем тогда шарить?

– Захотелось, вот и залезла.

– А если захотелось, для этого отдельная комнатка предназначена.

Не понравилась и получила отставку. Излишней прытью напугала. Такая быстро разнюхает, что к чему, и своей доли потребует, а Людмиле компаньонки не нужны. Ей проще новую девицу подыскать. За новую и лишнюю банку потребовать не стыдно.

Жорка против новой не возражает. Дают – бери, бьют – беги. Почему Андрей носа не кажет? – спрашивает у него Настя.

– Командировка кончилась, четыре дня как отчалил. Может, передать что-нибудь надо?

– Передай привет, больше вроде нечего.

– Постой, постой, – настораживается Людмила. – Ты разве тоже намылился?

– Начальство требует.

– И когда вернешься?

– Кто его знает. Когда вызовут.

На Людмилу находит грусть. Некстати это прощание. Система только отладилась, притерлась едва, самое время набирать обороты, и вдруг – вынужденная остановка.

– Как же мы без тебя? Меня девки живьем съедят. Я стольким наобещала, – на ходу сочиняет Людмила.

– Ничего, пусть потомятся. Приеду – спелее будут.

– Когда приедешь-то?

– Может, через месяц, может, в конце года.

– К концу года я тебе новых найду. А ты бы, если такой добрый, взял бы и подыскал себе сменщика.

Людмила прет напролом, считает, что с Жоркой можно по-родственному. Опасаясь, как бы сестра не наговорила лишнего, Настя спрашивает:

– Слушай, Жора, если не секрет, как ты ухитряешься добывать спирт? Насколько я помню, ты не кладовщик, неужели большой начальник?

– Не начальник я, Настенька, я вроде врача-рентгенолога, только для железок, но дело в другом – я слово петушиное знаю.

– Теперь за слово не больно-то расщедрятся.

– Слова, Людмила Батьковна, разные бывают, и не каждый умеет волшебное слово шепнуть. Андрея с Виталиком взять – много разных слов знают, а за спиртом ко мне идут.

– Виталик – размазня.

– Зачем же так, Людмила Батьковна, парень толковый, но для добычи другие способности нужны. А знаете, как местные работяги спирт добывают?

– Знаю наших алкашей. Выудил червонец у бабы и – на добычу.

– Не всегда. Есть и похитрее дельцы. Заливают, к примеру, цистерну. Залили, шланг повесили, цистерна поехала, начальство потопало. И тогда заливщик снимает шланг, опускает в ведро, и в ведре появляется то, что можно перелить в банку.

– А откуда берется?

– Из шланга. Когда вешают, ему дают провиснуть. В прогибе и скапливается.

– И что они с ним делают, со спиртом?

– Ну ты, Людмила Батьковна, как маленькая. Неужели не знаешь, что делают со спиртом?

– Знаю. Насмотрелась на таких за свою жизнь. Ты приведи самостоятельного, вроде тебя.

– Второго такого рыжего во всей Сибири не найдешь.

– Необязательно рыжего, – сердится Людмила. – Мне, что лысый, что кудрявый, лишь бы к спирту поближе. А кралечками я всегда обеспечу, сам убедился – зря трепаться не буду. Девушки у меня все чистенькие, с гарантией: две с хлебозавода, из детского сада одна, потом еще медсестра не против, все через три месяца в больнице проверяются, у каждой справка на руках.

– Убедила, Людмила Батьковна.

– Только смотри, чтобы солидные мужики были. Местных алкашей и в чушкины ясли не пушу.

На прощание Людмила еще раз напоминает требования к будущим клиентам, но к солидности прибавляет еще одно условие – молчаливость.

8

Жорка уехал, и в доме стало совсем скучно.

После ужина Людмила убирает со стола и достает распухшую колоду линиялых карт. Любаха, из уважения к хозяйке, присаживается рядом. Настя отказывается. Играть в карты без мужчин – все равно, что пить в одиночку, неинтересно ей. Из Любахи партнерша тоже неваж-

ная. Не тем голова у девки забита. Тоскует о своем Виталике. В письме бы тоску облегчить, да адреса не оставил. Обещал через месяц приехать, так в месяце-то тридцать дней и тридцать ночей – со счета собьешься.

Людмила каждый день ждет гостей, обещанных Жоркой, а гости не идут.

– Натрепался, рыжий.

– Он тебе ничего и не обещал.

– Как не обещал, при тебе же разговор вели.

– Потому и говорю, что при мне. Он пошутил, а ты губы раскатала.

– Ничего себе шуточки. У одинокой бабы дом разваливается, а ему шуточки.

Людмила прибедняется – для ремонта спиртовой запас уже накоплен, если, конечно, не ставить по рюмке за каждый забитый гвоздь. Банки и бутылки со спиртом стоят и в погребе, и в сарае. Но разве нельзя говорить о ремонте, а мечтать о свадьбе доченьки, ее тоже насухо не сыграешь, так почему бы не запастись дармовым зельем, если подворачивается случай.

Побластился и пропал, наобещал и скрылся, поневоле затоскуешь. Хозяйка тоскует по барышу, квартирантка – по любви, а Настя вынуждена каждый вечер смотреть на их озабоченные постные лица, это еще тоскливее.

Когда попадается объявление; что ресторану «Кедр» требуется официантка, Настя не раздумывает, деньги нелишние, не с чулком червонцев приехала, к тому же будет место, где можно отдохнуть от унылых физиономий сестры и Любахи.

Директор ресторана, худенький, ухоженный до чопорности, услышав от Насти о желании поработать, усаживает ее в кресло и начинает варить кофе.

– Всегда мечтал набрать штат из молодых и обаятельных девушек.

Настя вздыхает обреченно, и чуточку неестественно, с усталостью, красивой, пресыщенной вниманием женщины. Вздыхает так, чтобы не отпугнуть, но и не обещать лишнего.

– Нет, нет, вы неверно поняли. Мне шестьдесят три года. Просто я люблю свою работу и хочу, чтобы люди в моем ресторане получали истинное удовольствие. Хочу, чтобы швейцар был двухметрового роста и с окладистой бородищей, чтобы у официанток самым выпуклым местом был, простите, не живот, а бюст.

После таких слов живот втягивается помимо воли, инстинкт. Хотя саму Настю такие требования пугать не должны – с фигурой у нее все в порядке. Ей вообще нечего пугаться, тем более – заранее. Сначала надо устроиться на работу, а там видно будет...

Желания у меня большие, а возможности – увы. Провинция.

– Понимаете, – говорит Настя как можно доверительнее. – У меня некоторая неувязка, с документами. Трудовая книжка лежит на прежней работе, в другом городе. Ехала на неделю, но пришлось задержаться, может быть, до конца года пробуду. Туда я позвонила, договорилась, чтобы место за мной осталось...

– Но паспорт у вас есть?

– Конечно.

– И чудненько. С завтрашнего дня можете приступать.

Ресторан небольшой, в будние дни почти пустует, настоящее веселье только по пятницам и субботам, с таким режимом много не заработаешь, но все лучше, чем дома сидеть. Можно, конечно, и на стройку пойти, штукатуром-маляром, например, почетнее должность, а может, и денежнее – Настя с удовольствием посмеивается над собой. Вспоминается Лариска, высланная в Лесосибирск. Как она там? На какую должность ее определили?

Жорка все-таки не обманул.

Пришли его посланники. Пришли, как по заказу: и солидные, и со спиртом. Небогато, правда, принесли, но после стольких дней уныния, когда уже казалось, что предприятие лопнуло, Людмила и принесенному рада.

Разволновалась, каждый зубчик на вилках полотенцем протерла. Разохлаась, что не предупредили заранее, потому как время вечернее, девочки у нее молодые, могут в кино уйти, могут и на танцы усвистать. Обещать она не обещает, сбегать ей нетрудно, накинёт плащ и побежит, но никаких гарантий, вот если на завтра – тогда уже без осечки. Распинаясь перед гостями, она делает Насте знаки, чтобы та вышла на улицу.

– Как ты думаешь, Любаха согласится с ними?

Зачем спрашивать такое у Насти? Девка свою голову имеет. Или сестрица надеется, что Настя пойдет уговаривать? Зря время теряет. Чужие грехи на душу брать она не собирается – своих достаточно. А может, надеется, что Настя...

– Мужики видные, не хуже ее Виталика.

– Вряд ли согласится.

– Это почему же? – в голосе и возмущение, и недоумение.

– Ей Виталик нужен.

– Ишь, какая барыня. Вот получит собственную квартиру, тогда пусть водит, кого хочется. Может, все-таки сходишь, поговоришь с ней?

– Бестолку.

– Не хочешь. Тогда пойду сама.

Настя остается на крыльце, вытягивает ладонь вперед и подставляет ее под дождь. Днем было жарко, а вода с неба идет почему-то холодная, и густо сыплет. Вытереть мокрую руку нечем, надо возвращаться в дом, к Любахе заглядывать необязательно пусть сами разбираются, но понимает; что не удержится, встрянет, жалко девку.

Людмила выходит в плаще и в сапогах, злая.

– Я ей устрою порядочную жизнь.

– Говорила тебе: не ходи.

– Теперь пусть попробует привести кого-нибудь. Я ей устрою свиданьице.

– Не трогала бы ты ее.

– Ладно, посмотрим. Надь, не в службу, а в дружбу: посиди с гостями, пока я за девчонками сбегая, поухаживай за ними.

– Не, боишься, что после меня они на твоих краль смотреть не захотят?

– Это уж твое дело.

Не испугалась, не обиделась, даже голос отмяк.

Настя болтанула для затравки, а она и поверила, рада-радешенька на чужом горбу через болото. Но не рановато ли радоваться? Настя еще свой норов не показала. Она такой концерт может устроить, если захочет. И уж последнее слово всегда за собой оставит. А для начала отвлечет гостей от Любахи.

Да не так просто отвлечь. Иные мужики любопытнее баб.

– Кого это вы во флигеле прячете? – интересуется тот, что постарше, Николаем Николаевичем которого зовут.

– Горе у девчонки, не трогайте ее.

– А Володя у нас для чего? Он ее быстро утешит. Великий умелец, – хвалит другого, но и о себе не забывает. Володе – пугливую девицу из флигеля, а сам спешит приобнять ту, что рядом.

Настя хитрит, плечи у нее доверчивые, скучающие по крепкой мужской руке.

– Смелее, Володя.

– Не спешите, Володя, не в форме она.

– Как понять?

– Вы что, совсем маленькие, или вам по-медицински объяснить?

– Дальше не надо, прошу пардону.

Вот и хорошо. Считайте себя крупными знатоками женских тайн. Тешьтесь, а Настя будет смотреть, как вы радуетесь. Она очень любит наблюдать за самонадеянными мужчинами. И что ей надо, она увидит. Ей это не трудно. Ее ничего не отвлекает. Это у вас, уважаемые кобели, пора волнений. Это вас надежды туманят и ожидания томят.

Хотя и у Насти имеются некоторые волнения – вдруг Людмила прибудет порожняком? Кому тогда рассчитываться за спирт? Может быть, понадеяться на благородство мужчин? Николай Николаевич наверняка на такие подвиги не способен. Он уже все распределил. Себе Настю наметил, а напарнику – кошку в мешке. И тот смирился, даже взглядом коснуться не смеет, словно забыл, что и постатнее будет и помоложе лет на десять. Да, видно, знает свое место. И еще он знает много анекдотов, смешных и вполне приличных. Трещит без умолку. Заливается Настя. Хохочет Николай Николаевич. Смех у него красивый, полный достоинства, смех, к которому невозможно не присоединиться. А вот ручка – того, ручка излишне любопытна.

Людмила приводит курдючную кралоу, ничего более приличного не нашла. Возвращается удрученная, но, увидев, что дорогие гости вроде как и не в обиде, смекает, и юлой вокруг Насти. Только обхождение какое-то странное, будто и не сестра она, а подружка или квартирантка. Норовит поближе к Николаю Николаевичу придвинуть – короля от валета отличить великого ума не надо.

Курдючная от Володькиных анекдотов морщится, а стоит Николаю Николаевичу голос подать – все внимание на него. И этой солидные больше нравятся.

А коли нравятся, так почему бы и не уступить.

Чудить – так чудить. Это ничего, что любознательная ручка успела привыкнуть к ее колену. Это даже хорошо, что Николай Николаевич торопится закруглить застолье, а Людмила уже хлопочет в комнатах, ночлег для гостей готовит. Всем все ясно. Даже когда Настя уводит Володьку из-за стола, у них ни беспокойства, ни подозрений – настолько уверены, а как же иначе – оба хозяева жизни: и смешливый Николай Николаевич, и заботливая сестрица.

Какими будут у них физиономии, когда спохватятся? Насте, к сожалению, не подсмотреть, зато с Володей настоящая комедия. Настя заводит его в комнату, дверь на защелку и руки вокруг шеи, а он к двери пятится. Настя его целует, а он губы поджимает. Такого с ней не случалось. Смех. Жаль только смеяться нельзя – доигрывать надо. Молодой, здоровый парень, а боится. Не ее, конечно, шефа своего боится. Но она заставит его осмелеть. Или себя уважать перестанет.

А в комнату уже скребутся. Володя поворачивается к двери. Настя зажимает ему рот, не руками – для этого у нее губы есть, и жаркие губы.

– Надька.

Не по-родственному как-то получается, нельзя же так с младшей сестренкой, нельзя указывать ей, с кем спать.

– Надька!

Она умеет целоваться, губы у нее, наверное, особенные, невыпиваемые, как говорил Анатолий. И в Володе начинает просыпаться мужик. Руки его уже не болтаются вдоль тела, вцепились в неожиданный подарок.

– Надька! – не отстают сестра.

Настя не отзывается. Володька немного осмелел, языком ключицу щекочет.

А за дверью шушуканье. И вдруг голос Николая Николаевича:

– Владимир, я пошел домой.

Так-то еще интереснее. Побрезговал, значит, курдючной. Такой победы Настя не ожидала. Экий верный мужчина. Теперь очередь за Володей. Молчит, красавчик, удрать уже не пытается, но и на ласки сил не достает, все ушло на борьбу с трусостью. Настя его понимает и не беспокоит, дает отдышаться. Пусть помучается, пусть погадает – что слаще.

– Владимир! – еще раз окликает Николай Николаевич, но без прежней требовательности. Володя склоняется над Настей и жадно целует ее, излишне жадно.

Устоял. Честно заработал. И Настя не поскупится на заслуженную награду, она не из тех, кто нарушает правила игры.

Настя провожает его около шести утра, запирает двери и заходит на кухню попить воды. А на пороге уже поджидает Людмила.

– Вот бы мужик сейчас на тебя посмотрел.

– Какой мужик?

– Твой, который за границей.

Вот оно что: не верила, не верила в существование мужа, а теперь вдруг поверила. Где же ты вчера была, когда под Николая Николаевича подталкивала? Для начальника, значит, одинокая, а для заместителя – верная супружница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.